

ИСТОРІЯ

Ф И Л О С О Ф І И.

Архимандрита Гавриила.

Ч А С Т Ъ І.

Издание второе съ переплывами.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1839.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы, по отпечтаніи, представлены были въ Цензурный комитетъ *три* экземпляра. Москва. Декабря 29 дня 1838 года.

Цензоръ Иванъ Снегиревъ.

ПОНЯТИЕ

О ВЪ ИСТОРИИ ФИЛОСОФІИ.

Опредѣленіе науки.

§ 1. Исторія Философіи есть наука, излагающая достопримѣчательныя умозрѣнія о ествѣ существъ и правильно опредѣляющая какъ заслуги Философовъ, такъ равно ихъ заблужденія и недостатки дабы путемъ ученія достигнуть мудрости. Отъ Исторіи философскихъ системъ она отличается какъ цѣлое отъ своей части, какъ содержащее отъ содержимаго.

Вещество науки.

§ 2. Вещество Исторіи философіи есть внутреннее и внѣшнее. Внутреннее и непосредственное вещество исторіи любомудрїи состоитъ въ безпрестанномъ стремленіи ума къ изысканію коренныхъ началъ природы и свободы, въ разсмотрѣніи различныхъ философскихъ произведеній, какъ то ученій, способовъ преподаванія науки, системъ и въ постепенномъ раскрытіи и образованіи философскаго ума, какъ орудія философіи, примѣтномъ какъ въ каждомъ недѣлимомъ лицѣ, такъ во всякомъ особенномъ народѣ и вообще во всемъ че-

ловѣчествѣ. Вышнее вещество Исторія любомудрія сла-
гается изъ причинъ, событій и обстоятельствъ, имѣв-
шихъ вліяніе на раскрытіе философскаго ума и на свой-
ство его произведеній. Сюда принадлежатъ 1) Личность
философовъ т. е. степень ихъ образованія, соразмѣр-
ность и направленіе ихъ умственныхъ силъ, обшир-
ность занятій, долготы жизни, побужденія къ трудамъ
и правдивый ихъ характеръ. 2) Вліяніе причинъ
внѣшнихъ, какъ то степень образовацности отече-
ственной, господствующій духъ времени, даже климатъ,
особенности земли, воспитаніе, постановленіе полити-
ческое, вѣроисповѣданіе и самый языкъ. 3) Вліяніе
особь, влекущихъ за собою толпу послѣдователей ихъ
мнѣній и подражателей ихъ поступкамъ. Эти двояка-
го рода матеріалы исторія любомудрія сосредоточиваетъ
въ одинъ ученый составъ, и потому правильно назы-
вается наукою.

Постороннія пособія къ изученію Исторіи философіи.

§ 3. Вспомогательные источники Исторіи филосо-
фіи суть исторія чловѣчества, исторія образованія че-
ловѣческаго ума, исторія наукъ, жизнеописанія фило-
софовъ, разборъ ихъ сочиненій, исчисленіе ихъ мнѣній,
библіографія философіи вообще, и прочія науки.

Исходный пунктъ Исторіи философіи.

§ 4. Исторія философіи не есть исторія всѣхъ
идей чловѣческаго ума. Этотъ внутренний міръ, въ ко-

торомъ таинственно оттъняется и чудесно изображает-
 ся міръ виѣшій, самъ по себѣ обширенъ. Безчислен-
 ныя нужды, ненасытимое любовѣдіе, борьба со сти-
 хіями, грозящими вредомъ. который можно предотвра-
 тить силою разума, пробуждаютъ въ челоуѣкѣ дѣятель-
 ность его разума. — Онъ творитъ математическія и
 физическія науки, изобрѣтаетъ торговлю, политичес-
 кія правила; по чувству справедливости, ему впечат-
 ленію, устрояетъ гражданское общество, устанавли-
 ваетъ правительственныя мѣста, пишетъ законы; чувство
 изящнаго воодушевляетъ поэта и управляетъ кистию
 или рѣзцомъ художника; чувство релігіозное даетъ
 форму Богослуженію, и устанавливаетъ догматы. Дости-
 ши такой высоты, умъ челоуѣческій въ очарованіи и
 удивленіи отъ своихъ безчисленныхъ успѣховъ, оста-
 навливается, вопрошаетъ самаго себя, и требуетъ от-
 чета въ этомъ множествѣ идей, которыя вращаются
 въ восторженномъ его духѣ, и отпечатлены на всѣхъ
 предметахъ. Челоуѣкъ до сихъ поръ руководимый ин-
 стинктомъ, впечатленнымъ Самимъ Богомъ, приобрѣ-
 таетъ познанія о всѣхъ предметахъ такъ сказать, толь-
 ко идя по прямой линіи; но въ это время его вдохно-
 венія обращаются въ размышленія, умствованія въ фи-
 лософію. И здѣсь полагается начало исторіи любомуд-
 рія. Двѣ эпохи, эпоха вдохновенія, и эпоха философіи,
 различныя по виѣшной формѣ, въ основаніи совершен-
 но сходны. Размысленіе не знакомитъ разума съ инымъ
 міромъ, оно заставляетъ только подспать то, къ чему

влечетъ челоуѣка естественное его побужденіе; и тѣже самыя способности, которыя побудили его какъ бы посредствомъ волшебства, заниматься науками, художествами, гражданственностію, Богопочтеніемъ, должны дѣйствовать и въ философіи. Но философія смотритъ на этѣ науки съ особенной точки зрѣнія; и по сему отношенію она не должна смѣшиваться съ науками ея объясняемыми. Исторія философіи не есть исторія гражданского образованія, художествъ, законодательствъ, наукъ, религій. Она есть исторія опытовъ, изъясненія цѣли, хода и взаимныхъ отношеній религіи, наукъ, законодательства, художествъ, гражданского образованія. Безъ сомнѣнія философія касается всѣхъ наукъ, поколику объясняетъ ихъ; но она имѣетъ бытіе самостоятельное и опредѣленный видъ. Какъ около солнца, около любомудрія обращаются науки; но она движется въ особенномъ пространствѣ, и описываетъ свою окружность. Отсюда и очевидно, что побуждаетъ насъ въ настоящемъ предметѣ нашихъ занятій отдѣлать философію отъ религіи. Такое отдѣленіе не есть тотъ гибельный разрывъ философіи и религіи, который въ разныя времена старались произвести слѣпотствующие; тѣмъ болѣе оно не проистекаетъ отъ неуваженія къ вѣрованіямъ религіознымъ. Провидѣніе, благодѣющее въ своихъ чудныхъ дѣйствіяхъ, какъ младенцу, такъ и взрослому челоуѣку, какъ людямъ простымъ и необразованнымъ, такъ и образованнымъ, однихъ просвѣщаетъ чрезъ религіозное чувство; которое простосердечной

вѣрѣ открываетъ законы ихъ безсмертнаго назначенія, а другихъ руководствуетъ чрезъ философію, которая подчинилась откровенію касательно вѣры, объясняетъ и доказываетъ разумомъ правила вѣры. Въ душѣ истиннаго философа религія и философія соединены совершенно; онѣ существуютъ не смѣшиваясь, и различаются, не уничтожая себя взаимно. Православный Христіанинъ ни мало не страшится философіи, которая идетъ за нимъ въ храмъ, — жилище вѣры, единственно для того, чтобы размышленіемъ уяснить тѣ истины, кои открываетъ вѣра, и чтобы мышленія ума сотвореннаго повѣрить и освятить глаголами ума безконечнаго.

Методъ преподаванія науки.

§ 5. Порядокъ преподаванія Исторіи философіи состоитъ въ тѣхъ правилахъ, по которымъ матеріалы этой науки должны быть изысканы, собраны, обработаны и приведены въ единую стройную ученую совокупность. Эти матеріалы суть или сочиненія философовъ, сохранившіеся до нашихъ временъ, или свидѣтельства другихъ писателей о жизни и ученіи различныхъ мудролюбцевъ. Если мало философъ писалъ, или если мало дошло до насъ его сочиненій: то больше должно собирать свидѣтельствъ о его жизни и догматахъ, но свидѣтельствъ подлинныхъ и достовѣрныхъ. Если остались одни отрывки; то должно разсматривать ихъ не токмо философски, но и филологически. Къ тщанію полнаго собранія положеній философскихъ долж-

не присовокупить изученіе подлиннаго ихъ смысла, ихъ значимости, ихъ происхожденія и взаимнаго соотношенія, дабы читатель исторіи философіи могъ поставить себя на ту же точку возрѣнія, на которой стоялъ философъ-самомыслитель, и оцѣнить достоинство трудовъ его безъ всякой несправедливости. Къ сему приводитъ точное познаніе современности, употребленіе языка, и направленія понятій. Сравнивать различныя философскія ученія съ прочими ученіями подобными современниковъ и писателей послѣдующихъ временъ, опредѣлять правильно точки ихъ соприкосновенія и уклоненія, показывать мѣсто, принадлежащее какому либо положенію въ системѣ извѣстнаго философа и способъ, коимъ онъ до своего заключенія достигъ: вотъ необходимыя условія къ тому, чтобы изобразить смыслъ и значеніе мыслей различныхъ философовъ. Технические слова каждаго изъ философовъ должно представлять во всей ясности, природной ихъ формѣ и физиогноміи. При изложеніи сихъ матеріаловъ должно обращать постоянное вниманіе на раскрытіе философскаго ума и его постепенное шествіе къ совершенству знанія. Его усиленная дѣятельность или покой полагаютъ твердыя основанія къ раздѣленію Исторіи философіи на различныя части, и къ удобнѣйшему понятію сей науки съ одной точки возрѣнія на всю ея область.

Особенныя правила для Историка философіи.

§ 6. Показавъ общія правила метода, коимъ долж-

но руководствоваться въ Историческихъ изслѣдованіяхъ о философіи, представляемъ особенныя положенія, которыя должно наблюдать историку философіи. Онѣ суть слѣдующія:

1. Въ исторіи философіи должно представить многостороннее раскрытіе способностей человѣка, чувственности, разума и воли.

Обращаясь къ сознанию, мы находимъ что способности человѣка различны; онѣ имѣютъ чувственность, разумъ, свободу. Посредствомъ органовъ человѣкъ общается съ міромъ виѣшнимъ; посредствомъ разума познаетъ отношенія, всеобщіе, безусловные и необходимые законы, которыхъ чувственность сама по себѣ не въ состояніи ему открыть; эти законы владычествуютъ его убѣжденіемъ и волею; наконецъ посредствомъ воли онѣ ослабляетъ требованія своего организма, борется съ склонностями чувственности, покарятъ свои страсти владычеству непреложныхъ законовъ разума, познавая непреодолимую власть ихъ надъ собою и тогда, какъ ихъ нарушаетъ. Такимъ образомъ посредствомъ правильнаго сознанія находимъ въ душѣ человѣческой только три способности, отъ коихъ зависятъ все различныя роды нашихъ понятій, мы должны заключить, что и въ исторіи должно встрѣтить только раскрытіе сихъ трехъ началъ. Въ самомъ дѣлѣ въ исторіи главную роль играетъ человѣкъ; по сему не будетъ ли сверхъестественнымъ явленіемъ, явнымъ противорѣчіемъ,

ежели духъ человѣческій въ исторіи будетъ слѣдовать инымъ законамъ, нежели какимъ слѣдуетъ духъ каждаго человѣка?

II. *Въ изложеніи исторіи философіи не надобно основываться на одной какой либо познавательной способности исключительно, одной какой либо системѣ, однихъ началъ; и напротивъ не должно также увлекаться началами наукъ постороннихъ, не должно предпочтительно заниматься нѣкоторыми философами и опускать изъ виду прочихъ. Исторія философіи должна быть гармоническимъ произведеніемъ всѣхъ познавательныхъ способностей человеческого духа, всѣхъ системъ, всѣхъ началъ, всѣхъ философовъ.*

Отъ неправильнаго употребленія сего правила произошло то, что нѣкоторые самомыслители составили подъ различными виѣщими формами три главныя системы, смотря по тому, на какую способность души особенное они обращали вниманіе, на чувственность, разумъ, или волю. Разсужденіе Кондильяка о чувствованіяхъ, критика чистаго ума Канта, безусловное Я Фихта, произошли отъ того, что эти философы обращали вниманіе на каждую изъ способностей человѣка отдѣльно, тогда какъ имъ надлежало обнять всего человѣка въ совокупности. Когда не полно и односторонне изслѣдованы человѣческія способности; то возможно ли почитать важными эти опыты? Возможно ли бытіе

полной Исторіи философія? Безъ сомнѣнія не возможно! Ежели подъ Исторією философіи разумѣть вѣрное и несомнѣнное изложеніе всѣхъ системъ философіи, основательную оцѣнку заслугъ и ошибокъ знаменитыхъ философовъ, то конечно такую Исторію нужно составить въ новѣйшія времена. Каждая система философіи можетъ справедливо похвалиться своею исторією. Философія Декарта, произвела Бруккера; Тидеманъ писалъ исторію по правиламъ сенсуализма Локкова, а Теннеманъ составилъ свою исторію по правиламъ автора критики чистаго разума. Но мы по многимъ причинамъ послѣ твореній этихъ великихъ писателей, желаемъ исторію болѣе приспособленную къ потребностямъ и успѣхамъ философіи. При составленіи этаго важнаго сочиненія, не должно держаться односторонней какой либо системы. Ежели мы будемъ искать въ исторіи совсемъ другаго, нежели о чемъ увѣряетъ насъ сознание; ежели не пожелаемъ отыскивать этихъ свидѣтельствъ сознанія въ сочиненіяхъ философовъ различныхъ вѣковъ; то подвергнемся тѣмъ же неудобствамъ, коихъ не могли избѣжать упомянутыя исторіки. Тидеманъ, заклятый послѣдователь Локка, исключилъ Богословіе изъ философіи, духъ критики превратилъ въ духъ Скептицизма, призналъ нѣкоторыя сочиненія подложными, которыя въ послѣдствіи неоспоримо признаны истинными, поглотилъ все, что токмо есть лучшаго въ древней философіи, особенно умозрѣнія въ Платоновыхъ разговорахъ. Какъ большыя желтухою очи

представляютъ весь міръ желтымъ: такъ Тидеманъ всё философскія системы представилъ въ единообразной одеждѣ Локка. Дежерандо во всей Исторіи философіи разрѣшаетъ одинъ, по его мнѣнію коренный, вопросъ о началѣ познаній человѣческихъ и все твореніе свое раздѣляетъ на двѣ части, изъ коихъ въ первой излагаетъ мнѣнія философовъ, а во второй разбираетъ и оцѣниваетъ ихъ. Что по видимому простѣе и основательнѣе этого плана? Но большая часть философовъ въ своихъ твореніяхъ и не помышляли разрѣшать сего вопроса, какъ основнаго. Слѣдовательно излагать различныя философемы приравнительно къ одному вопросу, значить тѣснить ихъ въ такую форму, въ которой онѣ не отлмвались. А излагать въ одной части какое либо мнѣніе, и въ другой оцѣнивать его, значить въ обоихъ частяхъ повторять одно и тоже. Риттеръ, въ пространной Исторіи философіи (*) наполнилъ цѣлую вторую книгу о философіи Индійской и едва въ своемъ сочиненіи отыскалъ мѣстечко Платоновымъ идеямъ. Этотъ Историкъ превосходитъ скенцицизмомъ многихъ записныхъ недоумокъ. Съ утомительною подробностію онъ излагаетъ, что ложнаго или невѣроятнаго другіе говорили о философахъ, чему любозудры не учили, или чего они не дѣлали. А такое

(*) Histoire de la philosophie, par le docteur Henri Ritter professeur à l' université de Kiel, traduit de l' allemand par Tissot. 8 vol 8. 1835.

богатство отрицаний, какую можетъ припестъ пользу? Подъ тѣмъ предлогомъ, что общаго понятія объ Исторіи философіи якобы нечитаютъ, Риттеръ забавляетъ читателей неопредѣленнымъ и несвязнымъ изложеніемъ мысли руководствовавшей его въ сочиненіи и поставляя за честь единоборствовать въ отдѣльности съ каждымъ изъ усопшихъ философовъ, слабо наблюдаетъ движеніе самаго любомудрїи. Буле въ первомъ томѣ Исторіи философіи излагаетъ философію древнюю, во второмъ и третьемъ исторію схоластики и первыхъ вѣковъ нынѣшней Европы, въ остальныхъ пяти, исторію новой философіи отъ Декарта до Фихте, не ограничивался единственно философіею, но включалъ и прочія науки, болѣе или менѣе относящіяся къ философіи, какъ то права, политическую экономію и тому подобное. Желая объять многое, Буле не могъ соблюсти философской связи. Говоря о Локкѣ, онъ извлекаетъ пространныя выписки изъ его сочиненій о воспитаніи о политикѣ, о Христіанствѣ, и непомышляя о Метафизикѣ, отъ Локка переходитъ къ писателямъ политическимъ, Сиднею, Гаррингтону и Пуффендорфу, останавливается на эстетикѣ Баумгартена, и перелѣтаетъ изъ Англіи въ Германію, оттуда опять возвращается въ Английское болото Беркелел. Излагая теорію Шмида онъ забываетъ о его нравственности, терлетъ изъ виду Метафизику Дюгальдъ Стюарта и совсѣмъ терлется въ матеріализмъ Пристлея. Въ семь твореній не болѣе 10 страницъ занимаетъ Беконъ и 200 страницъ Бруно,

Кардапъ, Вапиия, Кампапелла; приведены мнѣшя Бекка, Саломона Маймонида, и другихъ, и совсѣмъ забыты Бардилли, Буттервекъ и Шоллингъ. Можно ли послѣ сего удивляться, что Фукидидъ исторію 22 лѣтъ раздѣлялъ по временамъ лѣтнимъ и зимнимъ? Гегель переродивъ въ себѣ Пантеизмъ, обратилъ въ Пантеизмъ всю Исторію философіи, на смертномъ ложѣ утѣшался мыслию, что лучше всѣхъ его систему понималъ Генингъ и заключилъ жизнь словами: нѣтъ, никто меня не понималъ! —

Но что бы на основаніи свидѣтельствъ сознанія человѣческаго съ точностію слѣдовать за постепеннымъ раскрытіемъ идей, не довольно не быть одностороннимъ: должно еще принимать живое участіе въ драмѣ, представляющейся въ продолженіи шести тысячъ лѣтъ на сценѣ міра. Кромѣ желанія узнать, о чемъ человѣкъ размышлялъ постепенно, такъ сказать, съ своего появленія на свѣтъ, должно еще любить этихъ людей, коихъ постепенное возвышеніе чрезъ столько столѣтій предпринимаемъ изобразить, дабы съ точностію распределить истины и заблужденія, коими человѣческой умъ ознаменовалъ свой путь на земли. Не довольно показать, что человѣкъ могъ дѣлать, говорить или думать на земли, надобно еще изслѣдовать, съ какимъ намѣреніемъ все это онъ дѣлалъ.

III. *Сенсуализмъ, идеализмъ, скептицизмъ и мистицизмъ произтекаютъ изъ односторонняго рас-*

*крытія способностей души въ извѣстныхъ отноше-
ніяхъ, и взятые порознь не составляютъ полной фи-
лософской системы.*

Историкъ при разематриваніи сочиненій разныхъ философовъ, въ коихъ неполно представляется чело-вѣкъ, не будетъ оскорбляться заблужденіями ихъ; будетъ безпрестанно слѣдить за постепеннымъ раскрытіемъ философіи. Если онъ держится спиритуализма; то онъ не будетъ вступать въ споръ съ придерживающимися строго сенсуализма, и вооружась противъ направленія ихъ къ матеріализму, не будетъ грубо усвоить системѣ ихъ тѣхъ погрѣшностей, кои проистекаютъ отъ недостатка метода. Если онъ жаркій сенсуалистъ, то не будетъ каждую систему подводить подъ свои понятія, и отвергать все то, что превышаетъ его понятія, и что выходитъ за тѣ границы ума человѣческаго, кои поставили для него Локкъ и Кондильякъ. Если онъ встрѣтитъ на этомъ пути такихъ людей, кои, не умѣя согласить между собою противорѣчій и споровъ въ области философіи, смѣются надъ всемъ, сомнѣваются о всемъ и все отвергаютъ, то этотъ скептицизмъ его нимало не удивитъ. Скептицизмъ бывъ слѣдствіемъ любви духа человѣческаго къ независимости, останавливаетъ чрезмѣрные успѣхи сенсуализма и идеализма, заставляетъ философа приниматься за другія орудія, нежели какими онъ владѣетъ, и при совершенномъ своемъ безсиліи служить предтечею

новыхъ успѣховъ въ области идей. Занимающійся исторією философія, наконецъ встрѣтитъ такихъ людей, кои смотря съ прискорбіемъ на безсиліе разума человѣческаго, только въ недрахъ вѣры надѣются найти оружіе противъ безвѣрія. Сочиненія этихъ людей суть ни что иное какъ протестъ на недостаточность системъ философскихъ, свидѣтельство о томъ, что для разума человѣческаго гораздо лучше подчиняться слѣпой вѣрѣ тогда, какъ все для него закрыто тьмою. Итакъ приверженцы сенсуализма, идеализма, скептицизма и мистицизма найдутъ въ историкѣ судью сира-ведливаго, который будетъ смотрѣть безпристрастно на всѣ системы, упоминать о всѣхъ недостаткахъ, и о всѣхъ системахъ философскихъ будетъ судить по тѣмъ законамъ, кои ему известны изъ сознанія.

IV. Опытъ и умозрѣніе неотдѣльно, но въ совокупности руководятъ къ истинѣ.

Къ этому придетъ историкъ философіи чрезъ соединеніе двухъ методовъ, употребляемыхъ донинѣ во всѣхъ подобныхъ изысканіяхъ: чрезъ соединеніе умозрѣнія и опыта, анализиса и синтезиса. Каждый изъ нихъ употребляемый порознь, ведетъ только къ заблужденіямъ.

Опытъ имѣющій цѣлю собрать происшествія разединенныя, и доказать ихъ подлинность, доставляетъ свѣдѣніе только о томъ, что случилось, не открывая ни причинъ производящихъ, ни отношеній, ни законовъ

произшествій; это многочисленное собраніе, въ которомъ поставлены одна подлѣ другой безчисленныя идеи, вращающіяся съ давнихъ временъ въ мірѣ философскомъ, столько же не будетъ походить на исторію философіи, сколько не походятъ собраніе указовъ на духъ законовъ. Съ другой стороны руководствоваться исключительно умозрѣніемъ, которое судить о произшествіяхъ по понятіямъ, прежде утвержденнымъ, или въ намѣреніи утвердить оныя, какъ не преложную систему, значить рѣшиться строить зданіе на непрочномъ основаніи, значить судить о философіи точно такъ, какъ Боссюетъ судилъ объ исторіи съ Каѳедры Епископской, поддерживаемой трономъ Людовика XIV. Истиною будетъ обладать тотъ безъ сомнѣнія, кто нашедъ въ сознаніи человѣческомъ основаніе для изъясненія произшествій историческихъ, будетъ находить на каждомъ шагу въ исторіи подтвержденіе умственныхъ законовъ, о коихъ свидѣтельствуетъ сознаніе человѣка.

V. *Въ изложеніи системъ должно слѣдовать тому порядку, въ какомъ онѣ обнаруживались; этотъ порядокъ, есть порядокъ раскрытія нашихъ способностей. На томъ основаніи, что чувственность, предшествуетъ разуму, сенсуализмъ предшествуетъ идеализму и т. д.*

Удостоверясь въ томъ, что отъ свойства способностей, въ бытіи коихъ увѣряетъ насъ самосознаніе происходитъ идеализмъ, сенсуализмъ, скептицизмъ и

мистицизмъ, мы должны слѣдовать за порядкомъ раскрытія въ умѣ разныхъ понятій, служащихъ имъ основаніемъ. Ежели въ человѣкѣ чувственыя понятія предшествуютъ понятіямъ разума; ежели человѣкъ прежде, нежели примется за изслѣдованіе собственной своей природы, занимается изслѣдованіемъ отношеній своихъ къ внѣшнему міру, то безъ сомнѣнія въ исторіи системы сенсуализма должны предшествовать системамъ идеализма, и если разумъ начинаетъ дѣйствовать не размышленіемъ и сомнѣніемъ, но вѣрою въ дѣйствительность явленій; то очевидно, что скептицизмъ и мистицизмъ должны явиться на сценѣ философской уже послѣ споровъ между системами идеалистовъ и матеріалистовъ. Опытъ и разумъ согласно доказываютъ истину сего несомнѣннаго положенія. У Грековъ школа Іонійская предшествовала Элейской, въ новѣйшія времена Баконъ и Локкъ предшествовали Лейбницу и Канту. Сомнительныя положенія Секста Эмпірика явились въ слѣдствіе недоувѣрія, заслуженнаго системами предшественниковъ; и если въ нынѣшнее время остроумный Шульцъ возобновилъ скептическія идеи Энезидама, то къ сему принудило его желаніе предохранить соотечественниковъ отъ злоупотребленія умственнаго догматизма, въ которомъ онъ видѣлъ случай болѣе къ заблужденію, нежели къ образованію.

VI. При перечисленіи различныхъ школъ философіи недостаточно строго держаться послѣдова-

того порядка; нужно показать еще их связь, зависимость и взаимное влияние.

Порядокъ, котораго должно держаться въ изложеніи различныхъ системъ, долженъ быть хронологическій; всякой другой порядокъ будетъ произволенъ и невѣренъ; но руководствуясь хронологією, должно преимущественно смотрѣть на порядокъ послѣдованія, т. е. на связь и постепенное раскрытіе идей. Именно должно показать, какимъ образомъ какая идея, истинная или ложная, получивъ мѣсто въ области философіи, раскрылась какъ изъ какой нибудь метафизической системы вытекаетъ извѣстное начало ученія; какой имѣетъ философія характеръ подъ вліяніемъ религіозныхъ чувствъ; какое, такой или другой догматъ философскій имѣетъ вліяніе на образованіе общества. Не довольно на прим. знать, что Сократъ предшествовалъ Платону; должно еще показать, какъ повѣтческій духъ Платона подчинился владычеству Генія, говорившаго устами Сократа; знаніе фактовъ только въ соединеніи съ знаніемъ ихъ отношеній приносятъ плоды, составляющіе цѣль историка.

VII. Основательное изложеніе философіи и ея достоверная исторія начинается въ Греціи.

До появленія философіи много протекло времени; потому что умъ человѣческой не тотчасъ начинаетъ размышлять. Промышленность уже процвѣтала; Богослужебные обряды приведены были въ порядокъ, об-

щества были образованы, изящныя искусства славились образцовыми произведеніями; а разумъ человѣческой еще не касался философіи, — этаго важнѣйшаго своего предмета. Говорить о понятіяхъ рода человѣческаго, въ началѣ его бытія, не значитъ еще составлять исторію философіи; потому что въ младенчествѣ рода человѣческаго нѣтъ ничего философскаго, подобно какъ каждый человѣкъ въ младенчествѣ не способенъ къ философствованію. Пишущій исторію человѣческаго образованія, или исторію Религіи, долженъ обращать вниманіе на времена предшествовавшія появленію философіи; но философію должно искать только тамъ, гдѣ она дѣйствительно находится, и должно начинать съ того времени, въ которое она появилась на свѣтъ. Извѣстно, что прежде государствъ Греческаго и Римскаго, съ давнихъ временъ уже существовали государства. Богослуженіе, языки, изящныя искусства, законоположеніе получали начало на востокѣ, — этой древней колыбели рода человѣческаго. Индія, Эіопія, Персія Египетъ уже были образованы по гражданской части; а поколѣнія Пелазговъ еще безъ образованія блуждали въ Епирѣ, Фракіи и Фессаліи. Но на востокѣ не было философіи въ ея систематическомъ видѣ. Востокъ съ своими религіями, своею таинственностію, съ своими странными обрядами составляетъ предметъ болѣе міеолога, нежели философа. Истинное начало исторіи философіи находится у Грековъ, и собственно во времена Фалеса; потому что въ это время Греки, въ слѣдствіе отличныхъ успѣ-

ховъ воображенія и разума, независимо отъ вліянія религіи, поэзіи и политики, занялись изслѣдованіемъ истины, притомъ въ порядкѣ истиннаго мышленія. Различныя направленія и виды, въ коихъ являлось въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ это философское любовѣденіе, многообразное вліяніе Грековъ на новѣйшіе народы составляютъ предметъ Исторіи философіи. Впрочемъ исключая изъ философской исторіи вышепоказанную эпоху восточную, и не занимаясь изслѣдованіемъ страны, важной по многимъ отношеніямъ, на которую Европа нынѣ обратила строгое вниманіе, мы не говоримъ, что бы не было совсѣмъ философіи у народовъ, жившихъ въ этой плодородной странѣ. Безъ сомнѣнія, подъ древними Гіероглифами, до сихъ поръ протягивающимися времени, и всѣмъ усиліямъ учености, подъ таинственными символами, которыми покрыта внутренность храмовъ Египетскихъ, сокрыта была мысль великая и глубокая; безсомнѣніи Зендавеста, священная книга Персовъ, наполнена важнѣйшими истинами; но въ нихъ мы не найдемъ философіи въ ея собственномъ видѣ. Что касается до Китайцевъ, которые, кромѣ Конфуція и послѣдователей его школы, имѣютъ много философскихъ системъ; то ихъ ученія заключаются въ рукописяхъ, кои еще мало доступны непосвященнымъ въ ихъ таинства. Въ Индіи, какъ видно изъ записокъ Азіатскаго Лондонскаго общества, есть философія, независимая ни отъ какой другой философіи. Въ философскихъ школахъ Индійскихъ можно видѣть сенсуализмъ, со всѣми его пос-

лѣдствіями, идеализмъ, со всеми его несбытностями, скептицизмъ, приведенный въ порядокъ, и самый изступленный мистицизмъ. Но благоразуміе возбраняетъ историкъ, доколѣ оуъ небудеть владѣть фактами достовѣрнѣйшими, всякое произвольное предположеніе, всякое глданіе за недостаткомъ доводовъ, основываемое на слабости началъ.

VIII. Наконецъ историкъ философіи долженъ быть не токмо отличнѣйшимъ изъ философовъ, но почти всемогущъ и всевидущъ.

По его мавію, воскресаютъ изъ гробовъ древніе философы; по его велѣнію излагаютъ свои мысли Платонъ, Сократъ, Аристотель, Спиноза, Кантъ и всѣ прочіе любомудры по очереди, и наученные временемъ, а иногда образованные учеными Нѣмцами, многое скрываютъ, во многомъ кривлятъ душою, многое прибавляютъ, во многомъ смиренно лукавствуютъ. Проникнуть мгновенно глубину ихъ духа, заградить уста, неправду глаголющія, отдать справедливость истинѣ, осудить ложь, — есть дѣло легкое для существа Безконечнаго, и при Его токъ пособіи возможное для Духовъ сотворенныхъ.

Достоинство исторіи философіи.

§ 7. Если философія, по ея возвышенности надъ всеми человѣческими науками, имѣеть величайшее достоинство: то и ея Исторія по тойже самой причинѣ

имѣеть великую важность. Кто занимается философіею, тотъ не долженъ быть чуждъ ея исторіи; она располагаетъ нашу мысль къ свободной дѣятельности; она представляетъ намъ полезныя слѣдствія ученаго изложенія умозрѣній; она являетъ намъ ощутительными собственныя и чуждыя заблужденія съ ихъ причинами и послѣдствіями; представляя правила и образцы, коими умъ долженъ руководствоваться въ своихъ полетахъ, она открываетъ намъ надежный путь къ новымъ открытіямъ въ области истины. Прикасаясь къ различнымъ наукамъ и ихъ исторіямъ, она разливаетъ на нихъ новый свѣтъ и новую ясность; излагая твердыя, слабыя и высокопарныя системы, она приводитъ въ игру всѣ наши способности, совершенствуетъ всѣ наши душевныя силы; она могущественно образуетъ человѣческій умъ, научая насъ отрѣшаться отъ заблужденій, быть скромными въ сужденіяхъ, терпѣть человѣческія слабости и погрѣшности въ сужденіяхъ, воздѣрживаться отъ рабской и несчастной подражательности нѣкоторымъ особеннымъ мыслителямъ, искоренять предрасудки, основанные на дѣтскомъ уваженіи къ мнимому или частію истинному достоинству кого либо изъ философовъ. Пріятна и полезна для всѣхъ, а особенно для юныхъ живописцевъ прогулка по отличной картинной галлерей; несравненно пріятнѣе, несравненно полезнѣе для всѣхъ, а особенно для юныхъ философовъ прогулка по системамъ различныхъ философовъ. Вожделенія бесѣда съ лучшими и мудрыми друзьями: несрав-

пивно воздеденяѣ бесѣда съ учителями всѣхъ вѣковъ — всего человѣчества.

Раздѣленіе науки.

§ 8. Основаніемъ раздѣленій хронологическихъ обыкновенно служить древность, средніе вѣки и новая исторія; возьмемъ и мы ихъ въ основаніе раздѣленія Исторіи философіи, не столько по простотѣ и удобствамъ ихъ, сколько по тому, что при постепенномъ раскрытіи философскаго ума онѣ составляютъ три отдѣльные періода, которые явственнo всякій наблюдатель можетъ видѣть.

Въ первомъ періодѣ умъ человѣческой повивуется одному любовѣденію, которое желаетъ всему изучиться, и все узнать, Онъ со всею силою стремится въ область науки, не имѣя метода. Отъ сильнаго желанія достигнуть цѣли, онъ не имѣетъ времени увѣряться въ правильности своихъ изслѣдованій, не обращаетъ вниманія на самый путь, по которому ему должно идти, отваживается на все, ошибается, изнемогаетъ. Это его направленіе прекратилось только чрезъ 12 вѣковъ.

Средніе вѣки отличаются другимъ свойствомъ. Могуцественная и упорядоченная Іерархія начертала для ума тѣсный кругъ, въ которомъ онъ долженъ былъ вращаться, довольствуясь прежними рѣшеніями вопросовъ философскихъ; посему философъ, подчиненная Богословію, должна была заниматься только бесполезными и маловажными опредѣленіями словъ; впрочемъ,

къ удивленію, эта эпоха, въ которой умъ человѣческой владѣль одною только діалектикою, содѣйствовала ему къ достиженію высшей степени раскрытія, когда онъ послѣ слѣпаго рабства возобладаль высочайшею свободою.

По окончаніи схоластики, начинается новая философія, не потому, что форма весьма долго составляла источникъ идей; но по тому, что весьма долгое время разумъ былъ почитаемъ за безпокойнаго невольника: два вѣка (15 и 16) едва достаточны были къ тому, что бы ему освободиться отъ своихъ оковъ, и получить собственную власть. Беконъ и Декартъ почти въ одно время провозглашаютъ эту свободу разума, твердою и смѣлою рукою начертываютъ путь, по коему ему слѣдовало идти. Это направленіе, сообщенное разуму человѣческому сими двумя великими мужами, зависитъ въ особенности отъ ихъ метода, который усиливаетъ естественныя науки, и придерживаясь психологическаго наблюденія въ самосознаніи, открываетъ цѣлый новый міръ. Такой методъ составляетъ отличительное свойство новѣйшей философіи.

Въ слѣдующей таблицѣ представляются различныя измѣненія, которымъ подвергался каждый изъ трехъ періодовъ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ДРЕВНЯЯ ФИЛОСОФІЯ ГРЕЧЕСКАЯ И РИМСКАЯ.

§ 9. Свободное и независимое стремленіе къ

использованію истины, но безъ надлежащаго метода.

Первая Эпоха отъ Талеса (600 до Р. X.) до Сократа (471 до Р. X.)

Частное и несистематическое умозрѣніе.

Школа Ионійская. Еще не раскрытый сенсуализмъ Ионійскихъ философовъ, Талеса, Анаксимандра, Анаксимена.

Школа Атомистическая Левциппова. Демокритъ усиливаетъ эту систему и доводитъ до матеріализма.

Идеализмъ Италийской Школы, основанной Пиеагоромъ, болѣе и болѣе раскрывается и усиливается у Элеатическихъ философовъ Ксенофана, Парменида, Зенона. Споръ между двумя системами. Анаксагоръ и Эмпедокль тщетно покушались согласить ихъ; съ появленіемъ софистовъ, Протагора, Горгія, Продика, появляется скептицизмъ. Преобразование Греческой философіи дѣлается необходимымъ. Явленіе Сократа.

Вторая Эпоха — отъ Сократа (470 г. до Р. X.) до окончанія спора между Академіею и Портыкомъ. (60 г. до Р. X.)

Направленіе философіи къ познанію способностей человеческихъ.

Сократъ обращаетъ вниманіе философовъ на при-

роду человеческую. Опыт нравственной философія; — Сократова Иронія, Діалектика. Ксенофанъ, Критонъ, Цебей не отступно держатся ученія Сократова. Неполныя системы: Антистонова Циническая, Аристиппова Киренайская. Эристическая, основанная Евклидомъ въ Мегарѣ, во зло употребляетъ діалектику и доходитъ до скептицизма у Пиррона. Полныя системы: философія Академическая — Платона; философія Перипатетиковъ — Аристотеля. — Греческая философія подчиняется двумъ направленьямъ, идеализму Платона, и сенсуализму Аристотеля. Раздѣленіе и распространеніе Греческой философіи. Нравоученіе Эпикурово, — Стоическое. — Зенонъ, Клеантъ, Хризиппъ. Споръ между Академією и Портикомъ. Чувственный скептицизмъ Энесидема, скептицизмъ умственный Арцезилая и новой Академіи.

Третія Эпоха: отъ распространенія Греческой философіи въ Римской Имперіи (80 г. до Р. Х.) до омаго вѣка; (до Р. Х.)

Греческая философія чрезъ соприкосновеніе съ востокомъ облекается въ таинственность. Религіозное свойство философіи.

Цицеронъ знакомитъ Римъ съ Греческою философією. Ученіе Стоиковъ, Эпикура, Циниковъ, Платона и Перипатетиковъ у Римлянъ. Торжество Эпикуреизма, не смотря на сопротивленіе Сенеки, Маркъ — Аврелія, Эпиктета; безнрадочный Пнеагореизмъ и мистицизмъ

Иудейскій: Кабалистика. Гностики. Неоплатонизмъ. Упорядоченный и систематическій мистицизмъ школы Александрийской, которая начинается эклектизмомъ, и оканчивается усиленнымъ энтузіазмомъ. Плотинъ, Порфирій, Ямвлихъ, Прокль. Философія Отцовъ церкви. Боецій и Кассіодоръ. Последнее мерцаніе Греческой философіи на востокъ и западъ.

ВТОРЫЙ ПЕРІОДЪ.

ФИЛОСОФІЯ СРЕДНЯГО ВѢКА ИЛИ СХОЛАСТИКА.

§ 10. *Философія служитъ вѣрль, подъ надзоромъ Церковной власти.*

Первая Эпоха: (отъ начала 9 вѣка по Р. Х. до 13.) Начало схоластической философіи.

Карль В. усиливаетъ торжество Христіанства, власть Церковную, и созидаетъ школы, — начало схоластики. Источники ея суть: книги Бл. Августина и Логика Аристотелева. Успѣхи наукъ; Алкуицъ, Скотъ, Эригена, Ансельмъ, Абельяръ, Петръ — Ломбардъ. Начало борьбы между реализмомъ и номинализмомъ. Мистицизмъ Гуго-Виктора.

Вторая Эпоха (отъ 13 вѣка до 14.) Союзъ системы Церковной съ философіею Аристотеля; торжество реализма.

Направленіе философіи, сообщенное Арабами. Тво-

ревія Аристотеля дѣлаются извѣстными. Вліяніе Арабскихъ философовъ Алфарабія, Авиценны, Алгазеля, Аверроеса. Славные учителя схоластическіе; Альбертъ великій, Тома, Дунсъ — Скотъ. Борьба между учениками Тома и Скота, Доминиканцами и Францисканцами, изъ коихъ послѣднихъ можно почесть сенсуалистами, а первыхъ идеалистами: опытъ философскаго преобразованія Рожеромъ Бекономъ. Мистицизмъ Бонавентуры и Раймондъ — Люллія.

Третія Эпоха: (отъ 14 вѣка до половины 15-го.)

Отдѣленіе Богословія отъ философіи.

Торжество Номиналистовъ. Возстаніе Оккама на схоластику. Противники Номинализма Генрихъ - Геѳаль, Валтеръ Бурлейгъ. Номинализмъ торжествуетъ. Мистицизмъ Герсона. Созерцательная философія Петрарки. Окончаніе схоластики.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

НОВАЯ ФИЛОСОФІЯ.

§ 11. Часть первая. Философія пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ.

Возобновленіе древнихъ системъ; оригинальные опыты, но безъ ученнаго метода.

Завоеваніе Константинополя сообщаетъ западу про-

изведенія древнихъ философовъ. Преобразование религиозное, политическое учение, философское. Раскрытіе философіи. 1. *Школа Платоническая*: Марсель Фисинъ, Пикъ Мирандольскій, Рамъ. 2. *Школа Сенсуалистическая, Перипатетическая*: Помпонатъ, Ваннини, Кампанелла 3. *Скептицизмъ* Монтаня и Шаррона. 4. *Мистицизмъ* Парацельса, Вангельмонта и Бема.

Оригинальные опыты Телезія и Джордано - Бруно предвѣщаютъ о Баконѣ и Декартѣ.

Часть вторая, собственно новая философія
(отъ 17 вѣка до нашихъ временъ.)

Первая Эпоха отъ Декарта до Канта.

Совершенная независимость философіи. Ученый методъ.

Школа Сенсуалистовъ: Беконъ, Гоббесъ, Гассенди, Локкъ.

Школа идеалистовъ: Декартъ, Спиноза, Малбраншъ. Споръ между этими двумя школами: Великій умъ Лейбница тщетно усиливается согласить ихъ. Скептицизмъ сенсуалистическій въ Англіи и Франціи. Бель, Юмъ, Гланвилль. Скептицизмъ идеалистическій Берклея, Гусціа Наскаля. Сенсуализмъ, не смотря на усилія Ж. Ж. Руссо, торжествуетъ во Франціи, и своими успѣхами одоленъ аналитическому методу, введенному

Кондильякомъ, метафизикомъ этой системы; Гельвецій, Волтеръ, Дидротъ, Энциклопедисты.

Вторая Эпоха: отъ Канта до нашихъ вре-
мечъ.

Всеобщее употребленіе метода, въ соединеніи съ высокимъ просвѣщеніемъ и критикой.

Въ Германіи критическій идеализмъ Канта. Теорія знанія Фихте. Натуральная философія, система безусловнаго тождества Шеллинга. Философія чувствованія Якобія. Скептицизмъ или противудогматизмъ Шульца.

Въ Англіи разборъ человѣческаго разума, въ Шотландской школѣ, основанной Рейдомъ. Ома-Бровнъ, Дюгальдъ Стевартъ. Сенсуализмъ Бентама.

Во Франціи послѣдователи Кондильяка: Кабани, Гарать, Волней. Теософія Сент-Мартеня — Богословская школа: Гг. Местре, Бональдъ, Ботень, Менвесь. Роіеръ Коллардъ обращаетъ вниманіе на занятія Шотландской школы, а Г. Кузень, на системы Нѣмецкихъ школъ. И тотъ и другой сообщаютъ новое направленіе философіи, главнымъ свойствомъ которой есть эклектизмъ въ обширномъ смыслѣ.

Прибав. Философія Восточная, Россійская и пр.

Судьба исторіи философіи.

§ 12. Древніе философы не имѣли понятія объ

исторіи философіи, какъ наукѣ, и въ своихъ сочиненіяхъ приводили мнѣнія предшественниковъ единственно для того, чтобы или опровергать ихъ, или для того, чтобы пояснять ими собственные положенія. Діогенъ Лаэртій въ жизнеописаніяхъ философовъ, первый собралъ нѣкоторыя мнѣнія предшествовавшихъ философовъ, и сямъ положилъ первое основаніе къ исторіи философіи, какъ наукѣ. Ему послѣдовали Аэеней, Стобей, Плутархъ и мнимый Оригенъ. Но все сія писатели излагали мнѣнія философовъ собирательнымъ, иногда этнографическимъ, не систематическимъ, а хронологическимъ порядкомъ. Это первый періодъ исторіи философіи.

Бель пробудилъ критическій духъ въ семъ родѣ трудовъ, Томазій расширилъ кругъ занятій, ими требуемый, Лейбницъ начерталъ идеаль, по которому должна быть образована Исторія философіи: Это второй періодъ Исторіи философіи, замѣчательный преимущественно по даннымъ правиламъ, коими должно руководствоваться при составленіи Исторіи философіи.

Воспитанникъ 17-го вѣка, процвѣтавшій въ началѣ и срединахъ 18 столѣтія, Бруккеръ есть отецъ Исторіи философіи, по обширнымъ свѣдѣніямъ, рѣдкому безпристрастію, основательнымъ сужденіямъ, подробности жизнеописаній философовъ, вѣрности въ ссылкахъ на различныхъ писателей, неутомимости въ изысканіяхъ. Бруккеръ воздвигнувшій первый колоссальный памятникъ Исторіи философіи, по справедливости достоинъ

уваженія всѣхъ друзей философіи. Достоинство его критической Исторіи философіи состоитъ въ томъ, что она начинается началомъ міра, и оканчивается временемъ историка. У него изложена философія до потопа, и послѣ потопа. Юная Америка не ускользнула отъ внимательнаго взора наблюдателя, и въ невѣжественныхъ пареніяхъ ума новооткрытой области, онъ ищетъ слѣдовъ философскихъ. Бруккеръ - вездѣ уважающій человѣческій умъ во всѣхъ его развитіяхъ, истинный служитель философіи, благоговѣющій самъ къ человечеству, достоинъ почтенія всѣхъ вѣковъ, благодарности отъ философовъ, уваженія отъ человечества. Онъ проходитъ системы всѣхъ вѣковъ и вездѣ съ глубокимъ просвѣщеніемъ. Онъ внимательно перечитываетъ всѣ философскія сочиненія, которыя могъ достать, и основывается на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ тамъ, гдѣ не возможно было писателю отыскать подлинныя системы философовъ, показывая со тщаніемъ, откуда заняты имъ самыя свидѣтельства, чтобъ избѣгнуть всякой погрѣшности. Бруккеръ есть просвѣщеннѣйшій изъ сочинителей своего времени, основавшій свое твореніе на трудахъ всѣхъ современныхъ писателей исторіи философіи. Его независимость отъ философскихъ школъ равняется его просвѣщенію. Посмотрите на тѣ выписки, коими онъ доказываетъ свои положенія, на тѣ основательныя раздѣленія и подраздѣленія, на которыя онъ разрѣшаетъ свои предметы, и вы подивитесь совершенству его Логики. Порядокъ изложенія есть важнѣйшая изъ заслугъ

Бруккера. Онъ слѣдуетъ хронологическому методу, въ которомъ раскрылось самое человѣчество и вслѣдственной порядкомъ въ подобномъ сочиненіи есть нѣкоторый родъ философскаго нечестія, — обида человѣчеству. Бруккеръ съ мѣлочною подробностію представляетъ всѣ системы, въ постепенности ихъ развитія, съ ясными и точными раздѣленіями, коихъ видимая строгость напоминаетъ намъ о Вольфѣ и вмѣстѣ доказываетъ, что сей писатель есть представитель школы Геометровъ по методу, какъ онъ представитель школы Декарта по содержанию. Но если и въ солнцѣ находятся пятна: то и Бруккеръ имѣетъ свои недостатки. Признаемся откровенно, что во времена Бруккера въ этомъ родѣ не было подобнаго писателя. Но образованность послѣдующаго времени даетъ потомкамъ опытность судить Бруккера. Онъ восходитъ до потопа и терлется въ мелочныхъ изысканіяхъ, что такое есть философія варварская, допотопная, послѣпотопная. Иногда онъ отдѣляетъ Богословіе отъ философіи; но желаніе быть полнымъ часто принуждаетъ его забыть строгость этаго раздѣленія. Въ самомъ дѣлѣ если есть нѣсколько философіи въ рождающемся человѣчествѣ: то еще болѣе можно видѣть тамъ религіи и мифологіи. И умный Бруккеръ, который во всемъ составѣ исторіи не смѣшиваетъ эти два рода вещей, сливаетъ ихъ въ самомъ началѣ. Онъ раскрываетъ басни Персіи, Халдеи и Сиріи и выдаетъ ихъ за системы философскія. Бруккеръ полонъ просвѣщенія; но ему недостасть философскаго критическаго духа. Основы-

Валсъ на свидѣтельствахъ писателей, онъ не разбираетъ ихъ, и часто опирается не только на сочиненіяхъ неизвѣстныхъ, но даже и такихъ, коихъ подлинность весьма подозрительна. Самый порядокъ, царствующій въ его исторіи, имѣетъ болѣе видимую стройность, нежели существенную. Бруккеръ слѣдуетъ порядку хронологическому, но вещественно, не пропикая во глубину его. Онъ не видитъ, что вышій порядокъ послѣдовательности времени заключаетъ истинный порядокъ рожденія и отношенія причинъ къ ихъ дѣйствіямъ: онъ не постигаетъ, что каждая система, и каждая философская Эпоха есть причина послѣдующей системы и Эпохи такъ, что совокупность системъ есть ни что иное, какъ рядъ причинъ и дѣйствій, соединенныхъ необходимыми отношеніями, составляющими законы исторіи. Все сіе ускользнуло отъ Бруккера, который въ послѣдовательности системъ видитъ одно расположеніе случайное. Посему порядокъ Бруккера, есть истинное смѣшеніе, прикрытое Геометрическимъ порядкомъ Волѣанізма, строгими раздѣленіями и подраздѣленіями, имѣющими видъ точнаго плана, а въ самомъ существѣ заключающими никакого плана. Бруккеръ представляетъ въ Исторіи философіи первое преобразование, которое извлекла философія изъ средняго возраста. Это преобразование, столь славное для человѣческаго ума, возродило новую философію, но окончательно ее не заключило. Такимъ образомъ критическая исторія философіи Бруккера есть удивительный паметникъ для философіи по его пространству, просвѣ-

щенію, и кажущейся ясности; но онъ не могъ быть послѣднимъ памятникомъ для Исторіи философіи. Это третій періодъ Исторіи философіи.

Теннеманъ, процвѣтавшій въ концѣ 18, и началъ 19 столѣтій, есть достойный преемникъ Бруккера. Подобно Бруккеру онъ посвятилъ всю жизнь свою Исторіи философіи, къ которой предварительно приготовился многими отдѣльными разсужденіями, свидѣтельствующими о образованіи его критическаго духа и о соединеніи въ его лицѣ познаній какъ философскихъ, такъ и филологическихъ. Какъ тотъ, такъ и другой не только написали полныя Исторіи философіи до своихъ временъ, но и выдали въ пользу учащихся превосходныя изъ своихъ твореній сокращенія. Главное свойство Теннемана состоитъ въ томъ, чтобы представить философію учителя своего Канта въ Исторіи философіи. Философія Канта есть углубленная философія Картезианская. Она отдѣляетъ философію отъ Онтологіи и Богословія, и не допускаетъ другаго метода кромѣ Психологіи, поставляя основаніемъ всякаго умозрѣнія предварительное изученіе познавательныхъ способностей и ихъ законовъ. Вотъ исходный пунктъ философіи Кантовой; но исходный пунктъ философіи, не есть еще конецъ ея. Отъ исходнаго пункта слѣдовало бы Канту шествовать къ концу философіи, отъ критики чистаго ума къ его предметамъ — существамъ. Но Кантъ остановился на Психологіи, и отсель путемъ незаконнымъ

доходить до Онтологіи сомнительной. Противусенсуалистъ въ психологіи онъ есть совершенный скептикъ въ Онтологіи и Теодицеѣ, и такъ не справедливъ въ отношеніи къ мистицизму, что почти совсемъ его не понимаетъ. Таковъ Теннеманъ, ученикъ Канта, болѣе отдѣлившій Психологію отъ Онтологіи и Теодицеи, нежели Тидеманъ его предшественникъ. Идеализмъ несравненно обильнѣе эмпиризма. Теннеманъ, привнося идеализмъ въ составъ великихъ памятниковъ философіи, болѣе обнимаетъ предметовъ, лучше понимаетъ, справедливѣе оцѣниваетъ ихъ, нежели эмпиристъ Тидеманъ. Историческая точка воззрѣнія Теннемана несравненно возвышеннѣе, несравненно обширнѣе, нежели точка Тидемана, и отъ того Теннеманъ менѣе имѣетъ недостатковъ. Теннеманъ столько же просвѣщенъ, и столько же разборчивъ сколько Тидеманъ: Но первый менѣе имѣетъ скептицизма. Теннеманъ осповательно доказалъ подлинность нѣкоторыхъ сочиненій, отвергнутую Тидеманомъ. Изложеніе системъ у Теннемана обширнѣе и правильнѣе, нежели у Тидемана. Съ большею прозорливостію Теннеманъ излагаетъ духъ каждой системы, и общій обзоръ раскрываетъ и доказываетъ частными положеніями. Теннеманъ совершеннѣе Тидемана; каждую Эпоху исторіи философіи онъ весьма точно относитъ къ той же Эпохѣ всеобщей исторіи и притомъ съ большею ясностію и опредѣленностію, нежели Тидеманъ. — Порядокъ болѣе внутренний, и менѣе произвольный цѣлому творенію Теннемана сообщаетъ болѣе философскій характеръ, нежели

какой примѣтивъ въ Тидеманѣ. Представляя общія идеи, которыя господствовали въ различныхъ Эпохахъ, изображая сіи идеи подъ формами свойственными метафизикѣ, Теннеманъ поставилъ свое твореніе на ту высокую точку зрѣнія, съ которой ничего не видно въ исторіи, кромѣ идей, ихъ преемства, борьбы, правильнаго раскрытія, не смотря на видимый беспорядокъ, и слѣдовательно системы истинной всецѣлой философіи. Безъ сомненія, Теннеманъ неопредѣленно видѣлъ, и слабо изобразилъ движеніе Исторіи философіи; но онъ изобразилъ движеніе сей науки, и это есть главнѣйшая его заслуга. Его вина состоитъ въ томъ, что онъ стѣснилъ свою раму исторіи, и свою точку зрѣнія по системѣ, слишкомъ тѣсной для того, чтобы объять всѣ системы, и дать въ томъ отчетъ, не исказивъ ихъ. Философія Канта обширна въ сравненіи съ философіею Кондильяка. Но человѣческій умъ еще обширнѣе, и безчисленныя системы, которыя онъ разсѣялъ по всѣмъ мѣстамъ и широдамъ, имѣюмъ тѣсное и худое помѣщеніе въ сжатомъ кругѣ философіи Кантианской. Теннеманъ, смотря въ очки Канта, своими глазами совсемъ не видитъ. Онъ одностороненъ въ смыслѣ противоположномъ Тидеману, и слѣдовательно несправедливъ. Сверхъ того Теннеманъ есть Педантъ совершешный. Удобно припомнить, что Кантъ, подобно Вольфу, былъ Профессоромъ. Въ юности своей онъ образовался въ школѣ Вольфа, откуда со вкусомъ къ Геометріи и точнымъ наукамъ заимствовалъ вкусъ желѣзнаго формализма, отвращеніе къ мистикѣ,

опредѣленность, доведенную до сухости, павыкъ къ учительскому порядку, языкъ точный, и глубоко опредѣленный, коего злоупотребленіе часто приводитъ его къ словосочетанію болѣе сухому, нежели изящному, болѣе способному къ наученію по лишешному всякой красоты, болѣе сотворешному для школы, нежели для общества. Мысли Канта имѣютъ высшую опредѣленность: по надписи, которыми этотъ Нѣмецкій Грекоримлянинъ клеймитъ ихъ, формы, подъ которыми онъ ихъ представляетъ, не только ужасны для необучавшихся философіи, но странны и для самыхъ философовъ. Все это можно допустить въ Теоріи свойственной Канту. Но вообразите, что еще болѣе страшными формулами заклеяена исторія цѣлой философіи, грубо и безъ вкуса, какъ обыкновенно ученики клеймятъ ученіе своихъ учителей! Философія Канта у Теннемана есть кровать Прокуста для всѣхъ философовъ. По ней онъ размѣряетъ всѣ системы, и если которая простирается далѣе сей мѣры, или не всю ея мѣру занимаетъ: то воспитанникъ Кантовъ изливается въ смѣшныхъ и реблческихъ вопляхъ, а особенно когда дѣло идетъ о системахъ гораздо высшихъ, нежели какъ кова мѣра, къ которой ихъ прищаровываетъ. Такимъ образомъ мастерскою рукою оборваны Стоики, Платонъ и Неоплатоники. Теннеманъ помѣшанъ на критицизмѣ и психологіи. Онъ роется въ вѣкахъ, стараясь вездѣ отыскать ихъ. Одна тѣнь мистицизма его устрашаетъ, и какъ скоро онъ замѣчаетъ его въ системѣ, тотчасъ поднимается градъ Кантианскихъ доказательствъ и формулъ

противъ этой бѣдной системы. Такое пристрастіе весьма портитъ великое и почтенное твореніе Теннемана, и для чтенія дѣлаетъ его болѣе скучнымъ, нежели сочиненіе Тидемана, которое впрочемъ съ другой стороны гораздо виже произведенія Теннемана. Новая противоположность двухъ историковъ, напоминаетъ о противоположности ихъ учителей, изъ которыхъ одинъ безконечно опредѣленнѣе другаго, но и непонятнѣе для простаго народа. Во многомъ Теннеманъ основательнѣе Тидемана, Тидеманъ Бруккера, во всемъ Бруккеръ искреннее, благонамѣреннѣе, нравственнѣе Теннемана и Тидемана.

Философія вторично совершаетъ круговоротъ свой. Въ младенческой возрастъ до Фалеса, юношескій до Сократа, мужескій при Платонѣ и Аристотелѣ, старческій у Александрийцевъ и Римлянъ не ознаменованы отличными историками. Возраждающаяся философія при Декартѣ въ младенческомъ возрастѣ произвела Бруккера, достигнувъ юношескаго возраста при Кантиѣ, родила Теннемана и болѣе съ рѣзкою живостию, нежели сколько съ основательностию раскрылась въ Фихте, Шеллингѣ, Якоби, Буттервекѣ и прочихъ любомудрахъ. Настала мужескій возрастъ философіи: ожидаемъ новыхъ системъ философіи и новыхъ историковъ сей науки. Вотъ четвертый періодъ Исторіи философіи.

Библиографія исторіи философіи.

§ 13. Дабы не опустить нѣкоторыхъ почтенныхъ

историковъ философіи мы предлагаемъ Библиографію сей науки, раздѣляя ее, по отношенію къ писателямъ всей исторіи, на пять классовъ. Къ первому относятся библиографическіе трактаты: каковъ напримѣръ *J. Jonsius de scriptoribus historiae philosophiae libri. IV Francof. 1659. in. 8.* и сочиненіе Ортлова. *Ко второму* принадлежатъ сборники: таково сочиненіе *S. Fran Buddei Analecta historiae philosophiae Hal. 1706 in. 8.* и также Томазій, Гиссманъ, Виндгеймъ, Фюллеборнъ, Кругъ и Фризь. — *Третій* составляютъ различныя изысканія и замѣчанія объ исторіи философіи, какъ напр: *Gudvorthi systema intellectuale hujus universi, sev de veris naturae rerum originibus commentarii, quibus omnis eorum philosophia, qui Deum esse negant, funditus evertitur. 2 edit. Leyd. 1773. 2 vol in 4.* Сюда принадлежатъ Гуецій, Бель, Платнеръ. *Четвертаго* класса суть полныя систематическія исторіи философіи какъ то: *Degerando histoire comparée des Systems de la philosophie 1804. 8. vol. in 8 Paris.* а также Станлей, Десландъ, Бруккеръ, Бонафедо, Буле, Эрнести, Карусъ. *Пятаго* класса суть, сокращенія исторіи философіи: напримѣръ: *Hornii historia philosophiae Lugd. Bat. 1655 in 4.* или *Reinhold Handbuch der allgemeinen Geschichte der philosophie 3 th. Gotha in 8. 1828,* и сверхъ того Ревингартъ, Геннекцій, Лодтманъ, Формей, Бюшцингъ, Мейнеръ, Гурлиттъ, Ебергартъ, Сохеръ, Асть, Скаллеръ, Снелль, Вейллеръ, Гиллебрандъ, Давыдовъ, Галичь, Гиппо, Салши и Скорбіакъ, Канвегисцеръ и Надежинъ.

Въ описаніи частныхъ Эпохъ философія отличилась: Кругъ, Мейнерсъ, Боцафедде, Буле, Кацеслеръ, Бахманъ. — О философіи древнихъ народовъ писали Цицеронъ, Плессингъ, Берхетти, Фенелонъ, Саххи, Гессъ, Блессингъ, Гавденцій. Исторію различныхъ методовъ, системъ, и школъ философскихъ изобразили: Воссій, Стейдлинъ, Зеендеръ; исторію частныхъ познаній философскихъ описывали: Терцій, Фабрицій, Вальхъ, Даріесъ, Еберштейнъ, Бухнеръ, Вахлицъ, Тидеманъ въ книгѣ подъ заглавіемъ духъ умозрительной философіи 7 томовъ 8, 1781, до Беркеля; Свабедиссенъ, Швабъ, Рейнгольдъ, Абихтъ, Ансимонъ, Буриши, Билке, Лейстиковъ, Кишингъ, Польцъ, Рейнгардъ, Бергеръ, Евербенъ, Франкъ, Гудлинъ, Столле, Байберакъ, Енгландъ, Лудовикъ, Глафей, Шмалъцъ, Гебауеръ, Генрихъ. Исторію идей, началъ и частныхъ ученій представили: Бардими, Баттё, Зальцманъ, Крейцеръ, Реймауъ, Гроцій, Вердерманъ, Пристлей, Оприши, Франценъ, Готта, Флуггъ, Виттенбахъ, Струве, Канцъ, Стеллинъ, Гарве, Древесъ, Шмидъ, Гуфландъ, Мейстеръ, Гисманъ и проч.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ФИЛОСОФІЯ ГРЕЧЕСКАЯ И РИМСКАЯ.

Первая Эпоха. Отъ Фалеса (за 600 лѣтъ до Р. Х.) до Сократа. (470).

Умозрѣніе частное, и безъ направленія систематическаго.

§ 14. ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ.

ЮНИЙСКАЯ ШКОЛА.

(сенсуализмъ.)

Фалесъ Милетскій умер. за 500 лѣтъ
до Р. X.
Анаксимандръ, —
Ферекидъ Сирскій ум. 543.
Анаксименъ ум. 500.
Гераклидъ Ефесскій извѣст. около
500.

ИТАЛІЙСКАЯ ШКОЛА.

(идеализмъ.)

Пифагоръ Самосскій ум. 504.
Аристей Кротонскій
Архитъ Тарентскій изв. 455.
Экфантъ Сиракузскій
Оцеллъ изв. Луканіи изв. 496.
Тимей Локрскій.
Филолай р. д. 500.

ШКОЛА АТОМИСТИКОВЪ.

(сенсуализмъ.)

Левциппъ изв. около 500.
Демокритъ ум. 407.
Нессъ.
Метродоръ Хиосскій.

ЭЛЕАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

(идеализмъ.)

Ксенофанъ родил. въ 617.
Парменидъ Элійскій изв. 460.
Зенонъ Элійскій изв. 460.
Мелисъ Самосскій изв. 444.

СМѢШАНЫЯ ШКОЛЫ.

Анаксагоръ Клазоменскій изв. 440.
Архелай Милетскій изв. 450.

Эмпедоклъ Агригентскій изв. 442.
Диогенъ изв. Апполоніи изв. 472.

СОФИСТЫ.

(скептицизмъ.)

Горгій Леонтійскій изв. 440.
Продикъ Косскій изв. 442.
Диагоръ Мелосскій изв. 415.
Гинній Элійскій изв. 440.
Поль Агригентскій.

Протагоръ Абдерскій изв. 442.
Критій Аѳинскій.
Эвондемъ Хиосскій изв. 442.
Тразимахъ Хаалкидонскій.
Калликлесъ Ашарскій.

ЮНИЙСКАЯ ШКОЛА.

§ 15. Самостоятельная философія явилась не тотъ-
часъ въ слѣдъ за умозрѣніями о происхожденіи міра, осно-

важными на непосредственномъ наблюдѣніи надъ естественными явленіями, служившими основаніемъ народной религіи Грековъ. Болѣе шести сотъ лѣтъ протекло со времени учрежденія таинственныхъ обрядовъ, обыкновенно приписываемыхъ Орфею, какъ кажется, попытавшемуся освободиться отъ вліянія Религіи, до того времени, въ которое Іонійскіе физики предались изслѣдованіямъ. Это среднее время было эпохою вдохновенія, энтузіазма; въ продолженіи его стихотворцы сообщали въ гармонической поэзіи полезнѣйшія правила, — истины религіозныя и нравственныя. Изъ поэзіи Гомера, Музея и Гезіода заимствовали Греки эстетическое и умственное образованіе, приготовившее ихъ къ занятіямъ методическимъ. Этому способствовали сочиненія ихъ законодателей, лирическіе поэты и баснописцы. Мифія семи мудрецовъ, (*) при всей своей краткости, возвышали ихъ умъ, очищали нравы и приготовляли къ философіи. Іонійскіе философы первые вступили въ этотъ путь.

Фалесу Милетскому предоставлена честь открыть это великолѣпное шествіе. Хотя ему приписываютъ известное изрѣченіе: *γινώθι σεαυτόν*, познай самаго себя; впрочемъ предметомъ его размышленій не былъ человекъ, и его способности. Разумъ человѣческій въ первыхъ опытахъ своихъ дѣйствій долженъ былъ устремиться внѣ человека, прилѣпиться къ внѣшнему міру,

(*) Вотъ имена ихъ: Питтакъ, Солонъ, Клеобуль, Періандръ, или по мнѣнію другихъ вмѣсто его Пизонъ, Хилонъ, Біасъ, и Фалесъ.

котораго еще онъ не отличалъ съ надлежащею ясностію отъ человѣка.

Θалесъ и его послѣдователи прежде всего силились опредѣлить начало αρχη дѣйствительности явленій. — Этимъ началомъ, по мнѣнію Θалеса, была вода. Впрочемъ онъ не просто и безъ доказательствъ допустилъ сіе положеніе, напротивъ старался подтвердить его доказательствами. Доказательства почерпнулъ онъ изъ опыта именно, способъ питанія органическихъ тѣлъ послужилъ ему поводомъ, почему онъ всѣ естественныя явленія, раздѣленныя между собою, подчинилъ одному закону. Производя всѣ вещи отъ воды посредствомъ сгущенія и разжиженія, Θалесъ признавалъ бытіе первоначальнаго Движителя - ума, σοφς. По его мнѣнію Богъ все наполняетъ. Трудно судить о его мнѣніи, касательно соединенія душъ, или Боговъ съ своимъ вещественнымъ началомъ. Споръ о его Богоученіи принадлежитъ еще древнимъ временамъ.

Анаксимандръ, изложившій свои мысли письменно, на основаніи положенія: *изъ ничего ничего не бываетъ* этой главной аксіомы, около которой, какъ около своей оси, долгое время обращалась философія Греческихъ школъ, пришелъ къ такому заключенію, которое, ежели судить объ немъ по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ оно явилось, изумляетъ своимъ глубокомысліемъ: — именно онъ сказалъ, что безконечное есть начало всѣхъ вещей, и это безконечное неизмѣнно и

неизмѣримо. Въ самомъ дѣлѣ ему казалось невозможнымъ, чтобы ограниченное существо было источникомъ всеобщаго и безпрерывнаго рожденія существъ. Но Анаксимандръ не почитаетъ безконечнаго, на основаніи правльаго отвлеченія, нераздѣльнымъ, и несложнымъ; по его мнѣнію, оно заключается въ числѣ дѣйствительныхъ существъ, и занимаетъ среднее мѣсто между воздухомъ и водою. Такимъ образомъ начавъ Метафизической теоріей, онъ опять впалъ въ матеріализмъ.

Ферекидъ Сиросскій держался ученія Анаксимандрова, съ небольшими отступленіями. Говорятъ, что онъ почиталъ душу человѣческую безсмертною. Анаксименъ, овеществилъ совершенно безконечное существо, которое Анаксимандръ, его учитель и другъ почиталъ началомъ вещей. Отыскивалъ въ пространствѣ мѣстопробываше этаго существа, онъ почелъ имъ воздухъ, который посредствомъ сжатія и разрѣженія во всѣ виды бытія втекаетъ; каковымъ свойствомъ и должна въ самомъ дѣлѣ обладать общая стихія. Онъ приписалъ воздуху жизнь, движеніе и даже мысль.

Гераклитъ Ефесскій, послѣдній и славнѣйшій представитель этой школы предоставившій своему брату царскій престомъ, дабы свободнѣе заниматься философіею, почиталъ огонь основною стихіей, и всеобщимъ дѣятелемъ природы. По его мнѣнію, міръ не есть твореніе Боговъ или людей; отъ огня, вѣчно живаго, одушевляются и разрушаются всѣ вещи; а отсюда произош-

ла теорія о всеобщемъ измѣненіи, переходѣ и непрерывномъ преобразеніи существъ, и о томъ, что общее свойство всѣхъ явленій міра состоитъ въ непрерывномъ противорѣчии, борьбѣ, — по борьбѣ определенной по тому, что разнообразіе и противорѣчіе суть законы какъ явленій, такъ и самаго міра, законы родовые и непремѣнныя. Такимъ образомъ отъ философскаго наблюденія, исключительно обращеннаго на явленія міра, произошло ученіе о судьбѣ и материализмъ. Это ученіе полнѣе раскрыто въ Атомистической школѣ Левциппа и Демокрита. Гераклитъ извѣстенъ сочиненіемъ книги о природѣ и жалобами на развратъ общества.

Отечество Левциппа неизвѣстно, сомнительна и эпоха, въ которой онъ жилъ; напротивъ о Демокритѣ котораго называютъ насмѣшникомъ, въ противоположность плакавшему всегда современнику его Гераклиту, весьма много повѣствуется въ Исторіи. Согласно общему мнѣнію, онъ родился въ Абдерѣ 469 года. Изъ любви къ наукамъ онъ путешествовалъ по Египту, Персіи, Еѳіоніи, различнымъ Греческимъ городамъ и по возвращеніи въ свое отечество предался ученымъ занятіямъ со всею страстію. Онъ жилъ въ уединеніи, и занимался усовершенствованіемъ естественной исторіи, Анатоміи, Медицины, Физики, Геометріи и словесныхъ наукъ. О его необыкновенной дѣятельности можно судить по огромному реестру его сочиненій, помѣщенному въ сочиненіи Діогена Лаерціа.

По тогдашнему состоянію науки, философы думали

изяснить первоначальное состояніе вселенной, и разныя измѣненія всѣхъ тѣлъ природы посредствомъ атомовъ, *ατομα*, блуждающихъ въ пустотѣ, *τὸ κενόν*. Первое начало, долженствующее заключать въ себѣ все принадлежащее предметамъ, изъ него слагаемымъ, согласовалось съ опытомъ лучше, нежели начала, принимаемая предшественниками Левциппа. Онъ атомы почиталъ простыми не въ совершенномъ смыслѣ, какъ обыкновенно думаютъ нынѣ; эта простота была доступна свидѣтельству чувствъ. — Атомы непремѣнны, недѣлимы, невидимы по причинѣ своей малости; они наполняютъ пространство, принимаютъ безконечно разнообразныя виды; движеніе есть существенное свойство атомовъ круглыхъ. Всѣ качества, всѣ видоизмѣненія тѣлъ опредѣляются положеніемъ и порядкомъ *θεβίς καὶ τάξις* соединеніемъ и раздѣленіемъ атомовъ. Душа составлена изъ круглыхъ атомовъ, и имѣетъ огненно свойство.

Демокритъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, изъ коихъ впрочемъ ни одно не дошло до насъ, раскрылъ эту систему, которая послѣ послужила основаніемъ Эпикуровой Метафизикѣ. Онъ почиталъ атомы вѣчными; по причинѣ невозможности опредѣлить начало времени, и простыми, потому что тѣла дѣлиться уже не могутъ тогда, какъ прекращается дѣйствіе чувствъ; иначе или останется пространство, или точка безъ пространства, или не останется ничего. Въ первомъ случаѣ пространство будетъ дѣлиться еще; второе предположеніе не воз-

можно потому, что не можетъ произойти тѣло, или нѣчто протяженное изъ точки, неимѣющей пространства; наконецъ ежели допустить третіе предположеніе; то весь вещественный міръ будетъ образованъ изъ ничего; а сего мнѣнія тогда еще не могли признать истиннымъ. И такъ стихіями природы необходимо должны быть простыя тѣла.

Демокритъ, на основаніи положенія: *только подобныя существа могутъ дѣйствовать взаимно другъ на друга*, полагалъ, что всякое вліяніе дѣятельное, или страдательное есть движеніе, произведенное чрезъ соприкосновеніе. Въ этомъ соприкосновеніи, отъ коего происходитъ движеніе кругообразное, онъ отличалъ первоначальное движеніе отъ производнаго. Сообразно этой системѣ онъ думалъ о познаніи человѣческомъ. Тѣла постоянно движутся; а отъ этаго безпрестанно отдѣляются отъ нихъ нѣкоторые атомы. Этѣ отдѣленія отъ тѣлъ суть ихъ образы *εἰδωλα*; (сіе слово послѣ играло важную роль въ философскомъ словарѣ). Они касаясь органовъ, производятъ ощущенія, *αἰσθησις*; а отъ ощущенія рождается мысль *νόησις*. Случай, произведшій изъ атомовъ существа одушевленные и неодушевленные, составилъ также и существа воздушныя, добрыя и злыя, соразмѣрнаго вида, предназначенныя къ уничтоженію, подобно всѣмъ существамъ, образованнымъ изъ атомовъ. Истина скрыта въ кладязѣ.

Можетъ ли существовать чистая нравственность при

ученія, такъ явно безбожномъ и матеріальномъ? Она не можетъ имѣть другаго закона, кромѣ благоразумія и другой цѣли, кромѣ счастья, состоящаго въ равнодушіи *ἐν ἐβδω ἐνθουσια*. Такъ Ионійская школа, основываясь на одномъ сенсуализмѣ, допустила въ школѣ атомистической такіа заключенія, къ которымъ необходимо должна была она со временемъ дойти.

ИТАЛІЙСКАЯ ШКОЛА.

Школа, основанная Пифагоромъ Самосскимъ въ Италіи въ Кротонѣ, почти во время Ионійской школы, держалась пачалъ, противоположныхъ началамъ Фалеса, не взирая на то, что и она также занималась естественными явленіями, кои обыкновенно составляли для философіи, еще только укрѣплявшейся, главный предметъ размышленій. Ионійскіе философы изслѣдовали самыя явленія, не занимаясь ихъ Математическими отношеніями, неподлежащими зрѣнію и осязанію, и столько, сколько этѣ явленія могли быть извѣстны по руководству чувствъ. Пифагоръ напротивъ, знакомый съ Геометрією, Ариметикою и Астрономією, замѣтивъ порядокъ и гармонію во всѣхъ частяхъ вселенной, по расположенію къ отношеніямъ явленій, Математическіа правила принаровнилъ къ наукамъ, составляющимъ пищу его ума, просвѣщеннаго размышленіемъ и обогащеннаго познаніями въ многочисленныхъ путешествіяхъ. Онъ первый оставилъ титула мудреца и по скромности принялъ имя любомудра. Биснословныя преданія представляютъ Пифагора сы-

номъ Аполлона или Гермеса, сіявшимъ иногда Божественнымъ свѣтомъ, повелителемъ дикихъ звѣрей, истолкователемъ гармоніи сферъ небесныхъ. Порфирій и Ямвлихъ рассказываютъ, что будто бы философъ однажды предрекъ рыбакамъ, сколько они поймутъ рыбы, и предсказаніе исполнилось; въ другой разъ пошепталъ что то на ухо волю и волю въ послѣдствіи никогда не ѣлъ зеленыхъ бобовъ; иногда предсказывалъ землетрясенія, отвращалъ заразы, усмиралъ вѣтры, утишалъ на моряхъ бури. Сія сказки ясно показываютъ, что всл древность почитала Пиеагора необыкновенно мудрымъ и добродѣтельнымъ.

Какъ отъ изслѣдованія однихъ только матеріальныхъ стихій и предметовъ по необходимости произшелъ сенсуализмъ, который переходя отъ послѣдствій къ послѣдствіямъ, превратился въ матеріализмъ въ системѣ Левциппа и Демокрита; такъ и Пиеагорейцы, размышлявшіе исключительно объ отношеніяхъ отвлеченныхъ, понимаемыхъ только умомъ, должны были впасть въ идеализмъ, который приводилъ ихъ къ новымъ отвлеченіямъ математическимъ.

Пиеагоръ и его ученики замѣтили многочисленность и разнообразіе отношеній, изъявляемыхъ количествами, всеобщность и необходимость истинъ, познаваемыхъ этимъ способомъ отвлеченія. Принаровляя его къ порядку вещественностей, они хотѣли еще возвысить цѣну этаго способа отвлеченія, посредствомъ коего и повѣ-

шіе сдѣлали столь много славныхъ открытій; но употребляя математическія повятія, не какъ орудіе разумѣнія, для приведенія въ порядокъ и разложенія явленій, подлежащихъ опыту, они ихъ осуществили, сдѣлали образцомъ, или лучше сказать, самымъ основаніемъ вещей, изъясняли ими происхожденіе міра. По ихъ мнѣнію, числа въ своемъ взаимномъ происхожденіи точно выражаютъ постепенное происхожденіе существъ, которое по сему называли они подражаніемъ числу *μικτὸν ἐναὶ τα οὐτάτων ἀριθμῶν*. Итакъ числа суть начала *ἀρχαὶ* вещей, подъ коими они разумѣли и стихію, входящую въ составъ бытія, и дѣйствующую причину. Свойства ихъ суть свойства самыхъ предметовъ, а формулы математическія суть положительные законы природы.

Обозрѣмъ кратко зданіе, на сихъ основаніяхъ построенное. Единица *μονάς*, занимаетъ первое мѣсто; она есть образъ совершенства; отъ нея все происходитъ, и къ ней все стремится. Двоица, *δύαδ* напротивъ не совершенна, до велику образуется чрезъ присоединеніе одной единицы къ другой таковойже. Это матерія, хаосъ. Числа суть четныя, *ἀρτιοί*, несовершенныя, или нечетныя *περιτιοί*, совершенныя. Сумма четырехъ первыхъ составляетъ десятицу. Отселя произтекаетъ астрономическая десятичисленная система Пифагорейцевъ. Какъ число десять имѣетъ свой корень въ единицѣ; такъ и десять огромныхъ тѣлъ небесныхъ вращаются около центра, изображаемаго единицею. Школа Іонійская, судя

по видимости и руководству чувствъ, поставляла центромъ міра землю; а школа Италійская, на основаніи разума и отвлеченія, центромъ системы міра полагала солнце. Символическія Пифагорейцы заслужили славу у Астрономовъ. Солнце, или обсерваторія Юпитера, недвижимо потому, что представляетъ единицу, которая, какъ дѣйствующее начало, недвижима. Законы движеній десяти огромныхъ тѣлъ вокругъ солнца составляютъ согласіе сферъ: и это удивительное согласіе звѣздъ Пифагоровыхъ есть одна изъ смѣлыхъ и возвышенныхъ идей, недосызаемыхъ воображенію человѣческому. Весь міръ есть цѣлое, стройно расположенное, *κόσμος*; и ему не другое какое прилично названіе, какъ сіе. Смотри на природу съ этой точки зрѣнія, они близки были къ идеѣ о премудромъ умѣ, распоряжающемъ міромъ; но будетъ, или не будетъ слѣдовать ученіе о Богѣ изъ ихъ системы; все они высокой идеи о Богѣ не обняли съ такою ясностію, съ какою представилъ оную послѣ нихъ славный Анаксагоръ. По видимому, они думали все объяснить свойствами чиселъ, и поставивъ законы, не чувствовали нужды въ причинахъ. Первоначальнымъ предметомъ ихъ размышленій было нравоученіе и права. Хотя нравственныхъ понятій не лзя, подобно Физикѣ, принаровить къ формуламъ математическимъ, но психологія ихъ имѣетъ характеръ, подобный физикѣ. Что, по ихъ мнѣнію, душа? Число, самодвижущееся. По сему душа, какъ число, имѣетъ началомъ единицу, т. е. Бога. Богъ, какъ единица, есть совершенство, а несо-

вершенство состоитъ въ удаленіи отъ единицы. Усовершеніе чловѣка состоитъ въ безпрестанномъ приближеніи отъ несовершенства къ первообразу совершенства, т. е. отъ разнообразія къ единичѣ. Добро есть единица, а зло есть разнообразіе; возвращеніе къ добру есть возвращеніе къ единичѣ; слѣд. законъ, и правило всей нравственности есть уподобленіе чловѣка Богу, т. е. возвращеніе числа къ своему началу, къ единичѣ; добродѣтель есть гармонія. Политика Пифагорейцевъ основана на законѣ возмездія, — справедливость есть число квадратное. Имѣя неполныя и противорѣчущія свѣдѣнія о мнѣніяхъ Пифагорейцевъ касательно способностей души, ихъ дѣйствій и взимшихъ отношеній, нельзя представить Психологіи Пифагорейцевъ въ систематическомъ видѣ. Известно только то, что они полагали разумѣніе въ мозгѣ, а желаніе и волю въ сердцѣ, и допускали, что души чловѣческія и души животныхъ не погибаютъ, подобно душѣ міра - средоточному огню, изъ коего онѣ истекаютъ. Душа, по ихъ мнѣнію, переходитъ по смерти чловѣка въ тѣло или другаго чловѣка, или животнаго, куда ее заведетъ случай. Она существованіемъ своимъ предшествуетъ тѣлу. Такъ Аристотель изъясняетъ переселеніе душъ, допущенное Пифагоромъ. Оно должно быть отлѣчаемо отъ переселенія душъ, котораго держались Египтяне, астрономически изображавшіе чрезъ него безсмертіе души, и отъ того душепереселенія, которае въ послѣдствіи допустили Неоплатоники. На основаніи отрывочныхъ сочиненій, оставшихся отъ школы

Италійской, трудно въ точности отличить произведеніе учителя отъ произведеній учениковъ; по сему мы относимъ ко всѣмъ вообще философамъ, принадлежавшимъ къ этой школѣ, мнѣнія, коихъ каждый изъ нихъ держался. Мнѣнія этѣ, безъ сомнѣнія, были раскрытіемъ началъ, поставленныхъ самимъ Пифагоромъ, въ таинственномъ заведеніи, основанномъ имъ въ Кротонѣ, которое имѣло цѣлю образованіе наукъ и исполненіе нравственныхъ добродѣтелей, и по занятіямъ, и образу жизни было необыкновенное. Тайственность ввелъ Пифагоръ въ ономъ, безъ сомнѣнія, изъ подражанія кастамъ жрецовъ, и тайнымъ обществамъ, съ коими онъ долгое время сообщался, или изъ опасенія сопротивленія со стороны народныхъ суевѣрій. Впрочемъ, не взирая на эти предосторожности, власть политическая, которую занимали Пифагорейцы, составила противъ нихъ заговоръ. Пифагоръ и первые его друзья были умерщвлены во время возмущенія, произведеннаго двумя демагогами города Кротоны. Въ продолженіи этой исторіи неоднократно повторяется то, что каждый важный успѣхъ философіи ознаменованъ насильственною смертію Любомудровъ.

Между Пифагорейцами болѣе другихъ знамениты: Телеавгъ и Миезаркъ, дѣти Пифагора; Алкмеонъ Кротонскій, по свидѣтельству Ямвлиха, его зять и преемникъ, Епихармъ Коскій, комикъ; но его называютъ также Мегарлиномъ и Сициліаниномъ, по мѣсту его жительства; Тимей Локрскій; твореніе приписываемое ему,

есть извлеченіе изъ Тимея Платонова: Оцелль изъ Луканіи; сочиненіе извѣстное подъ именемъ его, почитаютъ составленнымъ послѣ Р. Х. хотя нѣкоторые изъ важныхъ ученыхъ доказываютъ его подлинность. Въ послѣдующее время извѣстенъ Архитъ изъ Тарента, который былъ однимъ изъ людей достопримѣчательныхъ въ своемъ отечествѣ, гдѣ онъ служилъ въ важныхъ должностяхъ: говорятъ объ его открытіяхъ въ Геометріи и Механикѣ; нѣкоторые отрывки изъ его сочиненій почитаются подложными; наконецъ ученикъ его Филолай, сочинившій первый разсужденіе о сей школѣ, прославился по своей астрономической системѣ.

ШКОЛА ЭЛЕЙСКАЯ.

§ 17. Училище, основанное Пиенгоромъ, имѣло большое вліяніе на современныхъ и послѣдующихъ философъ, а болѣе всего на школу, основанную въ Элеи въ Греціи Ионяниномъ Ксенофаномъ Колофонскимъ. Этотъ человекъ, родившійся за 617 лѣтъ до Р. Х. провелъ большую часть своей жизни въ малой Азіи. По покореніи отечества его подъ иго Персидское, онъ удалился въ Сицилію, и путешествовалъ здѣсь по различнымъ городамъ, питаясь отъ чтенія своихъ стиховъ и пѣнія отрывковъ изъ Иліады. Ему было двадцать четыре года, когда онъ остановился жить въ Элеи, колоніи вновь основанной, жители коей, спасшись отъ злоключеній, постигшихъ всѣ прочія колоніи малой Азіи, доставляли убѣжище своимъ соотечественникамъ, нехотѣвшимъ

смотрѣть на рабство и разореніе своего отечества. Онъ тутъ прожилъ двадцать лѣтъ. Если вѣрить свидѣтельству древнихъ писателей, то онъ жилъ покрайней мѣрѣ столѣтіе. Ксенофанъ въ своей системѣ старался соединить оба предшествовавшія направленія ума, обѣ школы какъ Іонійскую, такъ и Пизагорову. Такъ въ Физикѣ и Космологіи, основываясь на физикѣ Іонійской, онъ водится видимостію, именно, по его мнѣнію, земля, а не солнце есть центръ міра; въ его физикѣ можно найти воду Фалеса, воздухъ Анаксимандра и огонь Гераклита: главный предметъ ея занятій, цѣль, способъ, методъ и положенія заимствованы отъ чувствъ и матеріи. Земля образована изъ воды; отъ сего и на горахъ находятся окамѣцелыя рыбы. Напротивъ ученіемъ Пизагора одушевлено его Богоученіе, въ которомъ явственно можно видѣть чистое, высокое понятіе о Богѣ, которымъ тогда обладали только Пизагорейцы Греческіе. Впрочемъ Ксенофанъ, исповѣдуя Бога по духу ученія Италійской школы, пребылъ вѣренъ независимости, отличающей Іонійцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто простой вѣры въ догматы, какъ это дѣлали обыкновенные Пизагорейцы, Ксенофанъ отваживался открывать тайну, заповѣданную членамъ училища Пизагорейскаго, и вмѣсто повторенія мыслей и изрѣченій, самъ умствовалъ. У Аристотеля и Теофраста можно видѣть образъ доказательства его на то, что Богъ не имѣетъ начала и не могъ быть рожденнымъ, и доказательство единства Божія, Его Всемогущества и благости. Онъ первый пра-

вилами діалектики объяснялъ существенныя свойства
 Божіи чрезъ взаимное подчиненіе ихъ другъ другу; чѣмъ
 самымъ и составилъ теорію свойствъ Божественныхъ.
 Такимъ образомъ почти въ самомъ началѣ Греческой
 философіи Богъ признанъ за существо Всемогущее, Все-
 благое и по существу своему единое. На основаніи эта-
 го положенія, Отецъ есть не просто причина и основаніе
 всѣхъ вещей, какъ о немъ думали прежде сего; — но
 вмѣстѣ причина разумная, именно Премудрая и Благая,
 и посему существо нравственное. Аристотель произво-
 дить философію Ксенофана изъ благочестивыхъ движе-
 ній его духа. Ксенофанъ окинулъ взоромъ небо и ска-
 залъ: Богъ есть одно: Отецъ не можетъ рождаться ни
 умирать: говорить, что Боги рождаются или умираютъ,
 значитъ говорить, что ихъ нѣтъ. Если что нибудь
 произошло, то произошло, или изъ равнаго ему, или
 изъ неравнаго. Но изъ равнаго ничего не могло произой-
 ти, потому что равное не можетъ произвести равное и
 само происходитъ отъ равнаго, такъ какъ равное со-
 держится къ равному равнымъ образомъ. Ни что также
 не можетъ произойти отъ неравнаго; потому что если
 бы отъ слабѣйшаго произошло сильнѣйшее, или отъ
 меньшаго большее, или отъ худшаго лучшее и на обо-
 ротъ: то изъ сущаго произошло бы не сущее, или изъ
 не сущаго сущее, что не возможно: по этому Богъ вѣ-
 ченъ. Изъ понятія о Богѣ слѣдуетъ, что Отецъ есть су-
 щество совершеннѣйшее. Если предположимъ многихъ
 Боговъ: то Богъ не будетъ существомъ могуществен-

нѣйшимъ. Политейзмъ казался Ксенофану застарѣлымъ предразсудкомъ, отъ коего люди могли освободиться только современемъ, посредствомъ размышленія. Человѣкообразныя о Богѣ понятія производилъ этотъ философъ изъ сродной всѣмъ людямъ склонности вѣрить, что подобное имъ есть самое лучшее. Такъ Ефіопляне отечественныхъ Боговъ представляютъ черными, а Фракійцы красными. Ксенофанъ строго держась той мысли, что Богъ одинъ, что кромѣ Его нѣтъ никакой силы, что въ немъ обитаетъ всякое вѣденіе и всякая истина думалъ, что естественная множественность и измѣнимость вещей есть какъ бы не совершенное и частное разоблаченіе Божественной природы.

Греческая философія до сихъ поръ состояла изъ двухъ частей Физики и Богоученія, и имѣла главнымъ предметомъ своимъ идею о мірѣ и идею о Богѣ; оставалось найти только ихъ отношеніе. Умъ человѣческой, занимавшійся опредѣленіемъ главныхъ и единственныхъ началъ явленій, сначала могъ объяснить это отношеніе, нераздѣляя міра съ Богомъ, или Бога съ міромъ. Школа Іонійская, открывая эти начала въ самомъ мірѣ, впала въ Пантеизмъ; а философы Пифагорейскіе рассуждая о всемъ по идеямъ и невидимымъ началамъ, уничтожили міръ, допустивъ совершенно идеальное единство, которому они подчинили всѣ вещи. Ксенофанъ, держась обѣихъ философій, не соединилъ ихъ вмѣстѣ, не умѣрилъ одну другою; при посредствѣ бла-

горазумнаго эклектизма, не возвысиль Пантеизма, чрезъ соединеніе его съ Деизмомъ, не оживотвориль Деизма чрезъ Пантеизмъ. Словомъ, онъ не сталъ выше своего вѣка, не сдѣлалъ того, что слѣдовало сдѣлать въ свое время въ Аѳинахъ Платону. Соединивъ двѣ противныя идеи, онъ составилъ систему, которую очень хорошо Аристотель называетъ окороченною. Въ ней Деизмъ и Пантеизмъ смѣшаны, но такъ, что болѣе виденъ Деизмъ Пифагорейцевъ, который у послѣдователей его, начала Пантеизма и школу Ионійскую подчинилъ совершенному единству и одностороннему идеализму.

Парменидъ Дорянинъ, исключительно держался Идеализма и училъ объ единствѣ міра видимаго и не видимаго. Раздѣливъ въ своей поэмѣ *о природѣ*, міръ на чувственный и умственный, онъ допустилъ два вида познаній, изъ коихъ одинъ есть произведеніе нашихъ чувствъ, а другой есть произведеніе нашего ума. Первый представляетъ намъ множественность, сложность, разнообразіе и случайность; а второй возводитъ насъ къ единству, простотѣ, необходимости и безусловному. Изъ понятія о существѣ чистомъ, которое онъ принялъ за одно съ мыслию и знаніемъ, онъ выводитъ заключеніе, что несущее не возможно, и что все сущее есть единое и тождественное, не имѣетъ начала, неизмѣнно и недѣлимо, всецѣло наполняетъ пространство. На этомъ основаніи всякая перемѣна, всякое движеніе есть одна видимость. Таковою системою окончилась школа Элейская.

Мелиссъ Самосскій раскрылъ еще болѣе эту систему. Систематическій идеализмъ Элеатиковъ, достигши самой высоты отвлеченія, долженъ былъ по необходимости казаться, для большаго числа людей, страннымъ и нелѣпымъ. Безусловное единство исключало всякое различіе, всякое раздѣленіе, всякое взаимное отношеніе. Это было существо безъ причины, и слѣдовательно существо пустое, потому что не имѣло существеннаго свойства. Противъ нелѣпости сей системы возражали съ силою.

Зенонъ, воинъ, родился въ Элеѣ за 504 года до Р. Х. Онъ провелъ первую часть своей жизни въ изученіи философіи Парменида, который ему былъ учителемъ и другомъ. Всѣ писатели свидѣтельствуютъ о его пламенной любви къ отечеству, во время освобожденія Греціи, и всеобщаго стремленія къ независимости. Жители Элеи просили своихъ философовъ о томъ, чтобы они имъ составили правила и законы. Зенонъ, давъ своему отечеству мудрыя установленія, согласился въ ономъ владычествовать только своими добродѣтелями и талантами. Онъ велъ жизнь скромную и уединенную; но когда Элея подверглась игу тирана Псарха, а по другимъ Демила, онъ для защищенія своего отечества оставилъ философскія занятія. Но его благородная ревность не была увѣчана успѣхами; онъ былъ схваченъ и погибъ въ страшной казни, которую перенесъ съ геройскимъ мужествомъ. Зенонъ, вмѣстѣ съ Парменидомъ въ 460 году путешествовалъ въ Аѣицы для защищенія ученія

своей школы отъ нападеній Эмпиризма Юнійскаго, въ то время усилившагося въ этомъ городѣ. Для поддержанія своей системы, онъ касался самыхъ основаній Эмпиризма, и обратя возраженія противниковъ на нихъ самихъ, принуждалъ ихъ согласиться, что не такъ легко объяснить все множественностию, какъ единствомъ. Вы утверждаете, говоритъ онъ, что существуетъ только видимое чувствами, а слѣдовательно одно множество; вы тщеславитесь, изчисляя разности, которыя противопологаете ученію о безусловномъ единствѣ, тщеславитесь повсемѣстнымъ движеніемъ, которое противопологаете совершенной недвижимости, произтекающей изъ совершеннаго единства Парменидова; но я обращаю противъ васъ собственные ваши доказательства, и говорю вамъ, что въ самомъ различіи, которое вы находите, заключается сходство, а въ движеніи покой, а отъ этаго ваша система, приводитъ васъ къ послѣдствіямъ, противнымъ вашей собственной системѣ. Эмпиризмъ подлежитъ безпрестанному противорѣчію. Это противорѣчіе заключается въ вашемъ мірѣ, мірѣ множества и видимости, о коемъ вы судите по свидѣтельству чувствъ и согласно народному мнѣнію. Вѣрить надобно одному разуму, а разумъ щитааетъ множество сумазбродствомъ; слѣдовательно множество не существуетъ. Этотъ споръ совершенно разстроилъ послѣдователей Юнійской философіи, и возбудилъ живое любопытство къ ученіямъ Италійскимъ, а чрезъ это въ основаніе Греческаго гражданскаго образованія, съ новою задачею философскою, былъ

брошець зародышь высшаго образованія. Зеновъ, разсуждающій о философіи при пособіи хитрой и смѣлой діалектики былъ въ глазахъ Аѳинянъ подобенъ Паламеду. Этотъ философъ собственно славенъ изобрѣтеніемъ діалектики, не такой, какая видна въ сочиненіяхъ Ксенофана, и какую обладалъ Парменидъ; но его діалектика была наукою, имѣла свои формы, и составляла положительный методъ. Всѣ историкки упоминають о четырехъ его умствованіяхъ логическихъ противъ движеній, и въ особенности о славномъ умствованіи, извѣстномъ подъ именемъ Ахилла.

Борьба между эмпиризмомъ Іонійскимъ, и Элеатическимъ идеализмомъ продолжалась почти столѣтіе. Школа Элеатическая, на основанія своей діалектики, легко побѣждала эмпиризмъ Іонійскій, и поставляла его въ противорѣчіе съ самимъ собою, доказывая, что разнообразіе возможно только подъ условіемъ единства, какъ въ вѣшнемъ мірѣ, такъ и въ сознаніи. Въ то же время общій смыслъ, легко защищалъ эмпиризмъ Іонійскій отъ Элеатическаго единства, которое существовало одно безъ всякой двойственности, а слѣдовательно безъ всякой мысли, потому что всякая мысль предполагаетъ двойственность - подлежащее и предметъ, допускало бытіе безусловное, подобное ничтожеству.

ШКОЛЫ СМѢШЕННЫЯ.

§ 18. Напрасно нѣкоторые отличные мужи съ той

и другой стороны покушались прекратить эту борьбу, на основаніи мнѣній той и другой системы.

Главнымъ изъ нихъ былъ знаменитый Анаксагоръ, родомъ изъ Клазомена въ Іоніи, который сорока лѣтъ поселился въ Аѣинахъ за 486 лѣтъ до Р. Х. Онъ собственно славенъ своимъ ученіемъ о высочайшемъ умѣ *vous*, правящемъ міромъ. Къ этому учению его привело глубокое изслѣдованіе природы и порядка, царствующаго въ пей; размышленіе о недостаткахъ всѣхъ системъ, основывающихся на одномъ естественномъ порядкѣ, а можетъ быть, какъ полагаютъ Теннеманъ и Профессоръ Карусъ, мистическія открытія его соотечественника Гермотима, о которомъ въ древности много написано басенъ, (*) но который, повидимому, держался ученія Пингорейскаго. Анаксагоръ, согласно съ этими философиями, признаетъ Бога главною и первою причиною всеобщей, но онъ въ особенности извѣстенъ въ Исторіи философской по заботливости о раздѣльномъ, точномъ и ясномъ выраженіи понятія объ этомъ Умѣ управляющемъ, который очень часто былъ считаемъ за одно съ явленіями міра. Люди имѣютъ врожденное понятіе о Богѣ, слѣдовательно грубо погрѣшаютъ тѣ, кои почитаютъ Анак-

(*) Плиній старшій рассказываетъ, что душа Гермотима, оставивъ тѣло какъ бы въ смертномъ снѣ, отправлялась въ дальнія мѣста, дабы узнать, что тамъ происходитъ. Во время одного изъ таковыхъ странствованій, враги Гермотима умертвили его тѣло, а такимъ образомъ и странницу его душу лишили обычнаго ея жилища.

сагора изобрѣтателемъ Богоученія. — Это ученіе современно человечеству, и мы уже видѣли, что Ксенофанъ имѣлъ чистое и точное понятіе объ единствѣ и Всемогуществѣ Божіемъ. Но философъ Клазоменскій тѣмъ подвигъ философію впередъ, что онъ Богоученіе понималъ въ истинномъ его смыслѣ, и утверждалъ оное логическими доказательствами; онъ первый ясно открылъ, что явленія вселенной тѣсно связаны между собою, образуютъ единое цѣлое, что порядокъ есть цѣпь, соединяющая части, есть высочайшій законъ, ими управляющій, и что эта всеобщая и всегда себѣ равная система указываетъ на бытіе единого міродержителя, а слѣдовательно на бытіе разума, знающаго, располагающаго и осуществляющаго ее. Очевидно, что эти основательныя понятія о существѣ высочайшемъ Анаксагоръ заимствовалъ у философовъ Италійской школы; но Физика и Космологія его сходствовала съ Физикой Іонійской. На основаніи положенія: *изъ ничего ничего не бываетъ*, которое онъ заимствовалъ отъ нея, онъ допускалъ вѣчное бытіе матерія, которая по его мнѣнію, какъ общее сѣменохранилище и разсадникъ всѣхъ видимыхъ вещей первоначально существовала въ хаосѣ. Составныя ея части между собою сходныя, которыя онъ назвалъ единообразіемъ частей, неразличаемы: расположеніемъ и раздѣленіемъ этихъ частицъ онъ изъяснялъ явленія физическаго міра; хаосъ же, окруженный воздухомъ и эфиромъ, по его мнѣнію, былъ одушевленъ разумомъ высочайшимъ, первою причиною движенія. Анаксагоръ всегда

болѣ занимался Физикою, нежели Метафизикою; и Платонъ укорилъ его въ несообразности съ разумомъ, въ которую онъ впалъ, стараясь изъяснить произхожденіе растѣвій, животныхъ и даже самыхъ небесныхъ явленій, посредствомъ причинъ чисто Физическихъ. Это же самое навлекло на религіознаго философа подозрѣніе въ въ безбожїи. Не смотря на несправедливость и на неосновательность доводовъ, коими суевѣріе и политика старались обличить его въ безбожїи, его враги возторжествовали. Другъ Перикла былъ изгнанъ изъ Аѳинъ и умеръ въ Ламсакѣ. Его преступленіе состояло въ томъ, что онъ не уважалъ Астрологическія басни, и рѣшился проповѣдывать, что звѣзды не суть Боги.

Диогенъ Аполлонійскій, и Архелай Милетскій, жившіе въ то время въ Аѳинахъ, не могли не подчиниться гевію Анаксагора. Понятіе о Единомъ Богѣ, явившееся среди ученія о многобожїи, по необходимости должно было произвести глубокое впечатлѣніе на высокіе умы. Впрочемъ долгое время оно не обнаружило должныхъ слѣдствій, и первые философы, допустившіе оное, не вникли въ послѣдствія и истинный смыслъ его. Такимъ образомъ Диогенъ, желая соединить съ началомъ Анаксагора начала Анаксименовы, приписалъ Божественную силу воздуху, который онъ принялъ за основную стихію. Таково же было выраженное темно, мѣтѣе Архелая, взятое изъ уроковъ Анаксагоровыхъ.

Различныхъ предшественниковъ силлся соединить

болѣе всѣхъ Эмпедокль, изъ Агригента Пиеагорейскій философъ, извѣстный по своимъ талантамъ къ философской поэзіи, и своими познаніями въ естественной исторіи, и врачебной наукѣ. Извѣстно, что онъ умеръ у жерла огнедышущей горы Этны, (*) жертвою такого же точно любопытства, которое послѣ погубило старшаго Плимія при Везувіи. Главные пункты его ученія, изложеннаго въ дидактической его поэмѣ, суть слѣдующіе: Онъ признавалъ четыре стихіи: землю, воду, воздухъ и огонь. Эти стихіи не суть простыя; огонь, какъ дѣятель, занимаетъ первое мѣсто. Притяженіе и отраженіе, которыя въ переносномъ смыслѣ онъ называлъ любовью, и несогласіемъ, суть двѣ силы, управляющія соединеніемъ и раздѣленіемъ первобытныхъ частицъ, изъ коихъ составлены четыре стихіи. Міръ, по его мнѣнію, есть вещь Божественная; онъ превратится опять въ хаосъ; міръ раздѣляется на міръ чувственный и умственный; послѣдній есть первообразъ перваго. Эта идея, которую имѣлъ и Парменидъ, послужила Платону основаніемъ глубокой теоріи. По примѣру Юнійцевъ Эмпедокль полагалъ въ огнѣ начало жизни; и между тѣмъ съ Пиеагорейцами признавалъ существо Божественное, проникающее всю вселенную. Отъ этаго высочайшаго существа производятъ также демоны, которые преемственно населяютъ тѣла; къ числу ихъ принадлежитъ и

(*)

Deus immortalis haberi,

Dum cupit Empedocles ardentem frigidus Etnam

Insiluit. Horat.

душа человеческая. Разсуждая о чувстваваніяхъ, онъ говоритъ, что всякое существо, дѣлается извѣстнымъ само чрезъ себя; каждое изъ нашихъ чувствъ доставляетъ свѣдѣніе объ особенной стихіи, огонь познается чрезъ огонь, т. е. чрезъ глаза; воздухъ чрезъ воздухъ, т. е. слухъ; словомъ сказать, несогласіе познается чрезъ несогласіе, а любовь чрезъ любовь, т. е. наши органы доставляютъ намъ свѣдѣніе о чувственномъ мірѣ, разумъ объ умственномъ. Душа находится въ крови. Если вѣрить древнимъ писателямъ, то философъ Агригентскій постоянно находился въ восхищеніи и ученики его считали чудотворцемъ. Допущенію этаго восторженнаго состоянія препятствуютъ идеи его о законахъ природы. Этѣ идеи суть плодъ синкретизма, который составляетъ характеръ его ученія. Онъ держался Пифагора, Гераклита и школы Іонійской, совокуплялъ ихъ гипотезы, хотя не всегда съ успѣхомъ соглашалъ ихъ.

СОФИСТЫ.

§ 19. Наконецъ соединеніе обѣихъ этѣхъ, столь одностороннихъ ученій, сдѣлалось весьма труднымъ. Опыты соединенія ихъ ни мало не были удовлетворительны. Посему очень естественно было явиться такимъ людямъ, кои вмѣсто того, чтобы стараться о невозможномъ согласованіи двухъ ученій, изъ коихъ одно совершенно отвергало достовѣрность чувствъ, а другое достовѣрность разума, и кои оба сражались между собою такими доказательствами, на которыхъ не легко бы-

ло отвѣтствовать. Они держались только однихъ опроверженій въ той и другой системѣ, и сами подорвали вѣроятіе какъ къ свидѣтельству чувствъ, такъ и къ свидѣтельству разума. Если чувствѣнность, согласно мнѣнію школы Іонійской, есть мѣра для всѣхъ вещей: то нѣтъ ничего несомнѣннаго, говорятъ Софисты; потому, что чувства представляютъ измѣняемое, безпрестанно преобразовывающееся сообразно обстоятельствамъ и состоянію чувственности; то, что казалось вчера истиннымъ, точно въ такой же силѣ нынѣ кажется ложнымъ; и если, согласно школѣ Элейской, допустить единство безъ всякаго разнообразія, то очевидно, что можно сказать объ одной и той же вещи, что она истина и вмѣстѣ ложна, и это будетъ справедливо по закону единства. Таковъ былъ всеобщій скептицизмъ, служившій основаніемъ ученія софистовъ, роскошествовавшихъ необузданнымъ своеволіемъ разума.

Городъ Аѳины въ то время былъ въ великой славѣ. Тогда процвѣтали Софоклы, Еврипиды, Оукияды, Эвдипъ и всѣ знаменитые люди, обезсмертившіе вѣкъ Перикла. Но подъ этими внѣшними знаками благоденствія скрывались зародыши разрушенія знаменитаго города, который долгое время, по словамъ Платона, былъ огромнымъ публичнымъ зданіемъ Греціи. Богатство породило роскошь, поколебавшую учрежденія республики и повредившую нравы. Аѳины вдругъ отъ неограниченной демократіи, подчинились Тиранин. Краснорѣчіе только состояло въ ис-

куствѣ льстить страстямъ пароднымъ , и помогало честолюбію и пронырству. Философія, которой держались Эалесы, Ксенофаны и Анаксагоры, не имѣла въ виду пользы и дѣятельности. Путешествія, размышленія, долговременныя изслѣдованія, породившія древнихъ мудрецовъ, не были занимательны для тѣхъ людей, которые искусству Ораторскому и наукамъ учились только для того, чтобы имѣть средства къ успѣхамъ, а отъ философіи хотѣли только научиться искусству скорѣе и безопаснѣе плѣнять разумъ, и обманывать блестящими софизмами.

Въ это время явились люди, которые обѣщали всему научить безъ труда и усилія. Философія, перенесенная изъ Іоніи, и большей Греціи въ главный городъ Аттики, потеряла у нихъ свое высокое назначеніе; она болѣе не была уже искусствомъ открывать истинну, но служила къ тому, чтобы смотря по выгодамъ времени, сообщить погрѣшностямъ видъ истины. Отличительнымъ свойствомъ софистовъ, есть недостатокъ твердаго и положительнаго начала; отъ школъ современныхъ философовъ, они заимствовали одиѣ только противорѣчія, и въ самую философію внесли недовѣрчивость и сомнѣніе, которыхъ они старались умножать, потому что онѣ имъ приносили очень великія выгоды.

Горгій Леонтійскій, ученикъ Эмпедокла утверждалъ, что нѣтъ ничего дѣйствительнаго, и что ничего нельзя доказать и выразить словами. Славу себѣ онъ заслужилъ ораторскимъ искусствомъ. Его слогъ, по словамъ Діодора

Сицилійскаго, былъ блистателенъ; молодые люди изъ всѣхъ городовъ стекались къ нему и высокую цѣну платили за то, чтобы образоваться у него. Когда онъ во время Пелопонесской войны былъ посломъ въ Афинахъ, то весь городъ устремился въ слѣдъ его. Онъ первый ввелъ обыкновеніе въ публичныхъ собраніяхъ, въ театрѣ предлагать предметы для спора, и разсуждать объ оныхъ открыто.

Протагоръ Абдерскій, ученикъ Демокрита еще болѣе прославился. Ученіе его, по словамъ Секста Эмпірика, было слѣдующее: человѣкъ есть мѣрило всѣхъ вещей; это положеніе составляетъ правило, по которому оцѣнивается дѣйствительность и ничтожество существъ, поколику онѣ существуютъ, или не существуютъ. Протагоръ допускалъ только то, что представляется глазамъ каждаго; и эта видимость есть главное начало познаній. По его мнѣнію, всякому роду познаній соотвѣтствуетъ противный, и сколько истинна одна сторона, столько же истинна и другая; слѣдовательно ни о чемъ не должно спорить. Онъ старался усилить этѣ предложенія не столько въ Теоріи, сколько въ практикѣ, какъ орудіе искусства, которому онъ былъ предашь, и совершенство котораго долженствовало его сдѣлать способнымъ братьяся за все дѣла безъ различія. Онъ превзошелъ софистовъ своего времени не только своими талантами, но еще особеннымъ свойствомъ языка, силою доказательствъ и теоріею познанія человѣческаго. Прочіе Софисты соглашались на все мнѣнія безъ различія, Протагоръ

пытался утверждать каждое изъ нихъ на правильныхъ основаніяхъ. Секстъ считаетъ его безбожникомъ, и это вѣроятно потому, что онъ возставалъ противъ Мифологическихъ преданій, обращавшихся въ народѣ. Въ своемъ сочиненіи о богахъ, онъ дѣйствительно отвергнулъ большую часть преданій, занятыхъ у Грековъ. Объ этомъ онъ такъ выражается: касательно боговъ, я не могу сказать, чтобы они существовали, и что такое они дѣйствительно; отъ этаго меня удерживаютъ многія причины. Афиняне за это его осудили на смерть, онъ убѣждалъ и погибъ во время кораблекрушенія.

Знаменитѣйшіе Софисты, послѣ двухъ упомянутыхъ были: Продикъ Хіоскій, который занимался преимущественно, по словамъ Платона, словесными опредѣленіями: Религію онъ производилъ изъ признательности къ богамъ, и вооружался противъ добродѣтели недѣлительной; Диагоръ Мелоскій, прозванный безбожникомъ, вообще вооружился противъ религіознаго ученія, а преимущественно противъ таинствъ; Критій, Софистъ и поэтъ; Гиппій Элейскій, отважный и гордый говорунъ, который хвастался всевѣдѣніемъ; онъ училъ, что законы суть изобрѣтеніе людей слабыхъ и малодушныхъ, и что человѣкъ, нѣсколько благородный, долженъ, если возможно, сбросить съ себя несносное иго ихъ. Мнѣнія этаго держались также Калликсенъ, Тераменъ, Полъ, Евѣидемъ; всѣ они признавали справедливость и несправедливость изобрѣтеніемъ Политики.

Діалектика любимое оружіе Софистовъ, которымъ она владѣла съ такимъ искусствомъ, не походила на діалектику Зенона Элейскаго, который для утверженія основаній своего ученія, вникалъ въ самую сущность системы, противной его системѣ, чтобы вывести изъ оной нелѣпыя послѣдствія. Софисты умствованиемъ играли и ловляли; ихъ умствование не было направлено къ утверженію основанія, и не служило доказательствомъ истины. Они унизили разумъ человѣческой, приучивъ его попеременно поддерживать истинну и ложь, и быть равнодушнымъ какъ къ той, такъ и другой. Появленіе Софистовъ, ихъ развращенныя правила и мелочный скептицизмъ естественно изъясняются тѣмъ положеніемъ, въ которое приведены были умы, послѣ сильной борьбы различныхъ философскихъ школъ, началомъ разрушенія Греческихъ республикъ, которое впротчемъ было ускороено самими софистами. Они сами совершенно изображаютъ блистательное, но развращенное общество, которое съ усердіемъ слѣдовало ихъ ученію, и съ усердіемъ усвоило ихъ правила. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать объ услугахъ ихъ философіи, хотя не прямыхъ. Они усилили умственное образованіе, языкъ и литературу возвели на высочайшій степень совершенства; философію, которой держались до сихъ поръ тожко не многіе послѣдователи извѣстныхъ школъ, сдѣлали предметомъ общественныхъ разсужденій. Наконецъ ихъ заблужденія, коимъ они предались, приуготовили Сократа. И этотъ великій человѣкъ, возстацовляя священную нау-

ку, опозоренную ими, не погнушался воспользоваться некоторыми выгодами, которые ему они доставили. Словомъ, они точно такую же оказали услугу, какую оказывали во всё время Скептики, именно они содѣйствовали къ возведенію на новыхъ основаніяхъ зданія, опровергнутого ими, которое бывъ выстроено весьма скоро, естественно не было твердо.

Вторая эпоха, отъ Сократа, (за 470 лѣтъ до Р. Х.), до конца борьбы Академіи съ Портикомъ (за 80 лѣтъ до Р. Х.).

Философія обращается на изученіе способностей человеческихъ.

§ 20. ОБЩІЙ ПЕРЕЧЕНЬ.

1. Частныя системы, произшедшія отъ школы Сократовой.

УЧЕНИКИ СОКРАТОВЫ.

Ксенофанъ — — — — — 360 л.		<i>Циники :</i>	
Эсхинъ } — — — — — 390 л.		Антисѣенъ — — — — — 380. г.	
Симонъ } — — — — — 390 л.		Диогенъ Синопскій — — — — — 324.	
Цебей } — — — — — 390 л.		Кратесъ — — — — — 340.	
	<i>Киренаики :</i>	Онесикритъ — — — — — —	
Ариотиппъ — — — — — 390 л.		Менедемъ — — — — — 340.	
Аристиппъ Метродидактъ 320.		Мемиппъ — — — — — —	
Феодоръ Каринейскій — — 300.			<i>Мегарики :</i>
Біонъ — — — — — 260.		Эвклидъ Мегарскій — — 401.	
Эвгемеръ — — — — — 390.		Эвбулидъ — — — — — 580.	
Гегезій — — — — — 300.		Диодоръ — — — — — 300.	
Анищеръ — — — — — —		Филонъ — — — — — 300.	
	<i>Школа Элійская.</i>	Стилонъ — — — — — 300.	
Федонъ Элійскій — — — 350.		Клиномахъ — — — — — —	
	<i>Скептики :</i>	Экфантъ — — — — — —	
Пирронъ — — — — — 388.			<i>Школа Еретрійская :</i>
		Менедемъ — — — — — 350.	
		Тимонъ — — — — — 252.	

СИСТЕМЫ ПОЛНВІЯ.

<i>Школа Академическая</i>		<i>Школа Перипатетическая</i>	
Платонъ Аѳинскій	— — — 348.	Аристотель	— — — — 322.
Спевзиппъ	— — — — 339.	Феофрастъ	— — — — 288.
Ксенократъ	— — — — 314.	Эвдемъ	— — — — —
Полемонъ	— — — — 314.	Дицеаркъ	— — — — — 320.
Кранторъ	— — — — 313.	Гераклитъ Понтійскій	— — — — —
Кратесъ	— — — — 343.	Аристоксенъ	— — — — 320.
<i>Эпикурейцы:</i>		Стратонъ Лампсакійскій	— 269.
Эпикуръ	— — — — — 270.	Дмитрій Фалерскій	— — 530.
Метродоръ	} — — — — 260.	Геронимъ Родоскій	— — 268.
Тимокритъ		Аристонъ Хиоскій	— — 260.
Колотесъ		Критолай	— — — — 135.
Полиеній		Диодоръ Тирскій	— — — — 150.
Леонтій		<i>Стоики:</i>	
Эрмахъ	— — — — — 270.	Зенонъ Цитійскій	— — — 264.
Полистратъ	— — — — —	Клеанѳъ	— — — — — 264.
Аполлодоръ	— — — — —	Хризиппъ	— — — — — 208.
Зенонъ Сидонскій	— — — — —	Зенонъ Тирскій	— — — — 212.
Диогенъ Тирскій	— — — — —	Диогенъ Вавилонскій	— — 135.
Диогенъ Селевкійскій	— — — — —	Антипатръ	— — — — — 146.
Федръ	— — — — —	Панетій	— — — — — 115.
Филодемъ Кадарскій	— — 80.	Посидоній	— — — — — 50.

СКЕПТИЦИЗМЪ.

*Новая Академія:**Школа Эмпириковъ:*

Арцезидай	— — — — — 240.	Эпезидемъ	— — — — — 60.
Лацидъ	— — — — — 250.	Фаворинъ	— — — — —
Евандръ	— — — — — 200.	Агриппа	— — — — —
Телеклъ	— — — — — 200.	Менодотъ	— — — — —
Гегезинъ	— — — — — 200.	Секстъ Эмпирикъ	— — — 160.
Карнеадъ	— — — — — 150.	Сатурнинъ	— — — — — 100.
Клитомакъ	— — — — — 170.		

ШКОЛЫ СМЪШЕННЫЯ.

Филонъ Ларскій	— — — — 106.	Антіохъ Аскалонскій	— — 62.
----------------	--------------	---------------------	---------

СОКРАТЪ.

§ 21. Жизнь и смерть Сократа представляютъ уди-

вительное зрѣлище. Нельзя не удивляться въ этомъ чело-
вѣкѣ силѣ духа и геройской преданности, съ коими
онъ для преобразованія понятій и нравовъ своихъ совре-
менниковъ посвятилъ все, что ему даровало небо, т. е.
силы, ревность и разумъ; нельзя не дивиться твердости
духа, съ кою онъ шелъ къ цѣли своей и безъ содра-
ганія и сѣтованія принялъ рѣшеніе суда, опредѣлившаго
ему смерть въ награду за его благородныя усилія, по
доносу стихотворца Мелита, софиста Анита и оратора
Ликоа, обвинявшихъ его въ не уваженіи языческихъ
боговъ и развратѣ юношества. Между преобразователями
не было такого, который бы рѣшился съ етоль чистою
совѣстію на борьбу и преобразованія, который бы сра-
жался съ такими трудностями и опасностями.

Сократъ родился въ Афинахъ за 470 л. до Р. Х.
родители его были - бѣдный ваятель, по имени Софро-
нискъ, и Фенарета повивальная бабка. Долговременныя
и важныя размышленія о состояніи своего времени, вну-
шили ему то опасное предпріятія, на совершеніе коего
онъ посвятилъ цѣлую жизнь свою. При необыкновенномъ
умѣ и удивительномъ здоровомъ разсудкѣ, онъ обладалъ
живымъ и самымъ пылкимъ воображеніемъ. Внушенія своей
правой и непоколебимой совѣсти, онъ считалъ голосомъ
самаго Бога, существованіе коего ему доказывали согласіе
и порядокъ вселенныя. Его совѣсть составляла того
внутренняго геія, къ внушеніямъ коего онъ былъ весьма
внимателенъ; и этотъ геій давалъ ему средства побѣж-

дать коварныхъ Софистовъ, и противопологать ихъ хитрымъ доказательствамъ логику истинную и непогрѣшительную, доводы непоколебимыя; давалъ средства торжествовать надъ лжеумудрецами, способствовалъ побуждать тщеславіе, остроуміе, корыстолюбіе, народные предрасудки, которые дѣлали, повидямому, не возможнымъ преобразоваіе.

Всѣ его дѣйствія направлены къ тремъ предметамъ 1) онъ искоренялъ самыя причины заблужденій, помрачавшихъ философію Іонійскую и Элеатскую, и совратившихъ ее съ праваго пути. 2) Онъ побуждалъ умъ человѣческой быть внимательнымъ ко внушеніямъ совѣсти, составляющей главный источникъ всякой истины; и 3) опредѣлилъ способъ, коимъ умъ долженъ руководствоваться въ этомъ родѣ познанія. До него философы занимались науками, не спрашивая себя о существенной цѣли ихъ умозрѣній. Одно пустое и неопредѣленное любопытство, повидямому, руководило ихъ изысканіями. Сократъ на томъ основаніи, что главное достоинство науки состоитъ въ существенной пользѣ, требовалъ отъ нея не пустыхъ и бесполезныхъ изслѣдованій, но познанія дѣятельнаго. Софисты обезславили философію, сдѣлавъ ее орудіемъ честолюбія, корыстолюбія и гордости. Сократъ требовалъ отъ философіи благороднѣйшихъ чувствъ; по сему въ философскихъ и математическихъ наукахъ, коимъ онъ учился съ величайшею ревностію въ школѣ Арцезилія Милетскаго, онъ не допускалъ умозрѣній, не основанныхъ на опытѣ.

Сократъ вникалъ въ прежнія системы догматической философіи, и видя злоупотребленіе Софистовъ, за необходимое почелъ возсоздать совершенно философію на главныхъ ея основаніяхъ, и опредѣленно означить путь къ узнаванію истинны.

Надпись на дверяхъ Делфійскаго храма, позная самого себя, сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Это мудрое правило онъ обратилъ въ свой методъ. Чужія мысли не составляютъ истиннаго знанія; всякій долженъ почерпнуть его изъ глубины собственнаго сердца, и пріобрѣтать собственными своими силами. Слѣдовательно изученіе природы человѣческой составляетъ основаніе философіи. Этимъ не выражается, что будто бы философія имѣетъ предметомъ своимъ только человѣка; нѣтъ, философія стремится и должна стремиться познать всеобщую систему вещей, но она начищаетъ это дѣлать на твердомъ основаніи, именно на основаніи познанія природы человѣческой. Таковъ методъ Сократовъ. Онъ-то составляетъ главную причину, имъ произведеннаго переворота въ философіи, и онъ-то содѣйствовалъ успѣхамъ философовъ, послѣ него жившихъ. Сократъ славенъ собственно по изобрѣтенію этаго метода и тѣмъ, что показалъ въ себѣ образецъ употребленія его въ ученіи нравственномъ и теодицеи.

Ученіе его имѣло предметомъ назначеніе, усовершенствованіе и обязанности человѣка, какъ существа разумнаго; объ этихъ предметахъ онъ рассуждалъ простымъ

и обыкновеннымъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ ему представлялся случай, свидѣтельствуясь всегда нравственнымъ чувствомъ человѣческимъ. Теннемацъ все его ученіе заключилъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) должно пріобрѣсти обстоятельное познаніе о томъ благѣ, къ которому мы должны стремиться. Самое высшее благополучіе человѣка состоитъ въ томъ если онъ поступаетъ по внушенію разума; и въ семъ заключается самое лучшее употребленіе его способностей, и добродѣтель. Средствами къ оному служатъ познаніе самаго себя, и умѣнье умѣрять свой духъ. Мудрость, которая часто у него пріемлется за благоразуміе, или смиренномудріе, есть совокупность всѣхъ добродѣтелей; потому что она есть познаніе дѣятельное; и вотъ причина, по коей Сократъ называлъ добродѣтель знаніемъ. Кромѣ благоразумія, человѣкъ, въ отношеніи къ самому себѣ, долженъ еще сохранять воздержаніе, и быть мужественнымъ, обязанности относительно къ другимъ состоятъ въ правотѣ, т. е. въ исполненіи законовъ Божескихъ и человѣческихъ. Только у Сократа въ первый разъ встрѣчается идея о правѣ или правотѣ естественной. 2) Добродѣтель и истинное счастье человѣка нравственное совершенство и благополучіе неразрывно связаны между собою 3) Благочестіе есть жертва Богу, состоящая въ приношеніи добрыхъ дѣлъ, и непрестанномъ усилии осуществить то добро, какое только мы можемъ сдѣлать по нашимъ силамъ. 4) Всевышній Богъ есть Творецъ и виновникъ закона нравственнаго; онъ есть существо Премудрое, Невидимое, откры-

вающееся въ своихъ дѣлахъ. Сократъ несомнѣнно вѣрилъ провидѣнію, и на этой вѣрѣ основывалась его вѣра во внушеніе своего генія, различныя Божественныя свойства, необходимо вытекающія изъ премудраго управленія природою и обществомъ человѣческимъ. Далѣе сего онъ не дерзалъ простирать своихъ взоровъ. 5) Душа есть существо Божественное или подобное Богу, она уподобляется Богу своимъ разумомъ и своею цевидимостію; слѣдовательно она безсмертна.

Сократъ училъ не такъ, какъ Софисты, писавшіе и дававшіе уроки. Собственно говоря, онъ не училъ; а часто говорилъ о себѣ, что онъ ничего не знаетъ. Въ прогулкѣ, въ купальняхъ, Театрахъ, публичныхъ мѣстахъ онъ заводилъ разговоры съ учителями, художниками, учеными и земледѣльцами; и сначала спрашивалъ о вещахъ маловажныхъ и простыхъ, а потомъ мало по малу съ необыкновенною ловкою переходилъ къ предметамъ важнѣйшимъ. Здѣсь то, пользуясь своимъ методомъ, онъ изъ сознанія собесѣдника извлекалъ основанія его естественной вѣры, посредствомъ обыкновенныхъ умствованій наведенія и аналогіи. Съ Софистами онъ спорилъ инымъ образомъ; входилъ въ ихъ собранія для того, чтобы ихъ выслушать; здѣсь онъ сначала участвовалъ въ восхищенія ихъ слушателей; потомъ съ добросердечнымъ видомъ предлагалъ имъ нѣсколько вопросовъ довольно простыхъ, на кои просилъ точныхъ отвѣтовъ, какъ бы для наученія себя; — по видимому довольнымъ оставался всякимъ

отвѣтомъ, даннымъ ему; но принявъ этотъ отвѣтъ, онъ или отвергалъ его, или оставлялъ, чтобы дойти до нелѣпыхъ заключеній; притворялся незнающимъ, для того, дабы не пристыдить съ нимъ разговаривающаго. И это притворное невѣдѣніе его, называли проіекію Сократовою. Оно ему нужно было для того, чтобы въ присутствіи народа образованнаго, тонкаго, каковы были Аѳиняне, сразить противниковъ, владѣющихъ великими способностями, превосходныхъ ораторовъ, вообще привыкшихъ къ успѣхамъ всякаго рода.

Въ жизни этаго необыкновеннаго человѣка довольно указать только на то, что имѣло вліяніе на раскрытіе философствующаго ума; именно: на возвышенную и чистую нравственность, которую онъ противоположилъ превратному образованію Софистовъ, и на методъ, усвоенный напослѣдокъ философією Греческою, и бывшій главною причиною многихъ благотворныхъ послѣдствій. Другія обстоятельства его жизни довольно уже извѣстны. Мы съ особеннымъ уваженіемъ, даже чрезъ двадцать вѣковъ относимся объ этомъ мудрецѣ, коего всѣ минуты были посвящены благу человѣчества, и который окончилъ жизнь необыкновенною смертію. Его разговоры предъ смертію возвышенны; его бесѣды и разсужденія въ темницѣ и въ ту минуту, въ которую онъ съ веселымъ и спокойнымъ духомъ выпилъ чашу яда, отъ коей окончилъ жизнь, суть самыя поразительныя. Тогда онъ съ своими друзьями разсуждалъ о безсмертіи

души. Платонъ записывалъ, дабы передать потомству слова его; всѣ ученики около его стояли въ молчаніи, и когда благородное его сердце перестало биться; то всякій изъ нихъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ въ лучшемъ мірѣ получить вѣнецъ за свои добродѣтели.

Сократъ, какъ и всѣ великіе преобразователи философіи, не основывалъ особенной школы: онъ не желалъ единообразія въ мысляхъ, которое потребно для основанія школы, но предоставлялъ всѣмъ умнѣ, образовавшимся у него, дѣйствовать своимъ независимымъ образомъ. Уроки его, въ коихъ онъ касался важнѣйшихъ предметовъ, не составляютъ полной философской системы. Его ученики, подобно наслѣдству, раздѣлили между собою на различныя части ученіе своего учителя. Это раздѣленіе произошло въ слѣдствіе духа свободы, возбужденной въ нихъ Сократомъ. Всякій изъ нихъ, смотря по способностямъ своего ума и направленію своихъ идей, занимался своею частию; — иной метафизикою, другой нравоученіемъ, иной Логикой, были и такіе, которые имѣли столь обширный умъ, что обнимали всѣ различныя части философской науки. Известно, какой успѣхъ имѣли въ этомъ отношеніи Платонъ и Аристотель. Нѣкоторые изъ Сократовыхъ друзей, не желая объяснить по своему принятымъ ими отъ него правилъ, довольствовались сначала сохраненіемъ оныхъ. Въ числѣ таковыхъ были: Ксенофанъ; достойный защитникъ своего учителя; Эсхинъ, который столь

искренно былъ преданъ Сократу, что не находилъ, по словамъ его, чѣмъ бы его возблагодарить, и который въ своихъ разговорахъ со всею вѣрностію передалъ правую ученіе своего наставника; Критонъ и Симонъ, которые описали множество разговоровъ Сократовыхъ, къ сожалѣнію, утраченныхъ; Главконъ, Симміасъ, Цебей, котораго почитаютъ сочинителемъ разговора, извѣстнаго подъ названіемъ таблица Цебеева, изображающая нравственную жизнь человѣка.

ЧАСТНЫЯ СИСТЕМЫ, ПРОИЗШЕДШІЯ ОТЪ ШКОЛЫ СОКРАТОВОЙ.

§ 22. Антисѣепъ и Аристиппъ, первые изъ учениковъ Сократа основали философскія школы. Каждый изъ нихъ слѣдовалъ путемъ, сообразнымъ его личнымъ склонностямъ, и каждый, какъ это случается всегда въ появляющихся системахъ, неотступно держался, и исключительно уважалъ начало, заимствованное отъ своего учителя. Антисѣепъ поставялъ добродѣтель въ полномъ торжествѣ надъ всеми чувственными удовольствіями; поему то онъ подвергалъ себя и учениковъ своихъ лишеніямъ, и совершенство нравственное считалъ жертвоприношеніемъ Богамъ. Бѣдное и незнатное состояніе, въ которое онъ былъ поставленъ порокою, сдѣлало для него добродѣтель легкою, а склонность къ меланхолія и развращенное роскошью, сластолюбіемъ и удовольствіями общество усиливали въ немъ расположеніе къ строгости въ поведеніи. Аристиппъ напротивъ пос-

ставляя добродѣтель въ благополучіи, не почитая впрочемъ благополучіемъ тѣхъ удовольствій, которыя унижаютъ человѣка, и чрезмѣрное употребленіе коихъ уподобляетъ его скотамъ. Къ такому мнѣнію о добродѣтели привели его: веселый городъ Кирена, гдѣ онъ родился отъ богатыхъ родителей; веселый и любезный его характеръ, связи съ блестящимъ обществомъ, и предметы вкуса и удовольствій, коими онъ былъ непрестanno окруженъ. Оба эти философы верховное благо почитали цѣлію существованія человѣческаго, и всѣхъ силъ разумія. Первый изъ нихъ, почитал благомъ только справедливость, или сообразность съ закономъ Божественнымъ, т. е. освобожденіе отъ всѣхъ нуждъ, основалъ школу философовъ Циническихъ, коихъ Дежерандо называетъ подвижниками Сократова нравоученія, а другой, поставяя верховное благо во внутреннемъ удовольствіи, основалъ школу Киренаиковъ, которая, по естественному послѣдствію этаго пачала, окончилась составленіемъ школы философовъ, приверженныхъ къ удовольствію, и извѣстныхъ развратными нравами.

ЦИНИКИ.

§ 23. Не взирая на строгость нравовъ, служившую основаніемъ ученія Антисеенова, онъ много собралъ учениковъ, самымъ дѣломъ оправдавшихъ его уроки; они были названы Циниками или по гимназій Циносаргекой, гдѣ имъ Антисеенъ преподавалъ свои уроки, или по неопрятной ихъ жизни. Между ими славны: Діогенъ Си-

нопскій, жившій въ бочкѣ, извѣстный странностію своихъ поступковъ; онъ себя называлъ *псомъ хлѣбъ*. Кратееъ Фивейскій съ женою своею Иппархіей, которую Сократъ научилъ презирать удовольствія жизни и всѣ выгоды красоты. Онесикритъ, Метроклъ, Монимъ, Медемъ и Мениппъ менѣе извѣстны, и не столько оказали услугъ философіи. Циническая школа облагородилась превращеніемъ въ школу Стоиковъ, освоенную Зенономъ Циттійскимъ.

КИРЕНАИКИ.

§ 24. Послѣдователямъ Аристиппа дано названіе Киренаиковъ по городу Африканскому Киренѣ, гдѣ онъ родился. Они почитали источникомъ истины только свидѣтельство чувствованій, получаемыхъ душею отъ впечатлѣній предметовъ; а благо заключали въ пріятныхъ чувствованіяхъ; этѣ чувствованія служили для нихъ основаніемъ въ сужденіи о вещахъ, причиною желанія ихъ, и должны были, по мнѣнію ихъ, служить правломъ нашей жизни.

Аристиппъ Метродидактъ (ученикъ матери) потому что онъ получилъ образованіе отъ матери своей Арееы, дочери перваго Аристиппа, а послѣ эти начала привелъ въ порядокъ, и составилъ философію удовольствія, по коей назывались ученики его любителями удовольствія. Θεодоръ Киринейскій, прозванный безбожникомъ, отвергъ дѣйствительность общаго признака истины, и чрезъ это

подавъ случай къ основанію школы Скептической; его выгнали изъ Аѳинъ за насмѣшки надъ таинствами. Евмеръ Мессинскій, Біонъ Борисеенскій, по этому же началу обсуживали народное вѣроисповѣданіе. Егезій училъ что наша природа совершеннаго удовольствія не можетъ достигнуть, и что жизнь не имѣетъ никакой цѣны, по сему смерть ему казалась предпочтительнѣе оной.

Анцисеръ старался предотвратить недѣлныя послѣдствія этой системы, и согласить ее съ чувствомъ дружества и патриотизма, посредствомъ пріятнѣйшаго удовольствія, происходящаго отъ снисходительности, и приблизилъ къ понятіямъ Эпикура, отъ успѣховъ котораго пала школа Киреѣйская.

ШКОЛА МЕГАРІЙСКАЯ.

§ 25. Эвклидъ, основатель школы Мегарійской, почерпнулъ свое образованіе изъ сочиненій Парменида, и логики Зенона; посѣщая наконецъ школу Сократа, и плѣвившись его характеромъ, онъ старался подражать ему, но не принимая совершенно всѣхъ правилъ его. Аристиппъ и Антисѣенъ главнѣйше заняты были нравственностию, а Эвклидъ обратилъ вниманіе на другую часть наставленій Сократовыхъ, — на діалектику и переработалъ ее по идеямъ Элеатиковъ. Евбулидъ, его преемникъ, почитается изобрѣтателемъ семи софизмовъ, упоминаемыхъ во всѣхъ философіяхъ: (*) изъ нихъ из-

(*) Вотъ нѣсколько примѣровъ его силлогизмовъ. 1. Евбулидъ съ головы

вѣстнѣйшія суть: Сорить рогатымъ, плѣшивымъ, двусмысленнымъ, ложнымъ. Не взирая на мнимую важность этого изобрѣтенія, оно не составляетъ его славы. Философы этой школы вскорѣ занялись тонкостями, мало полезными для науки, и заслужили наименованіе философовъ спорщиковъ. Стилпонъ, главный въ этомъ родѣ искусства, по уважаемому за характеръ и добродѣтели, отвергъ достовѣрность и положительную дѣйствительность общихъ понятій. Мнѣнія его касательно этого предмета заставили философовъ заняться изслѣдованіемъ о правильномъ употребленіи всеобщихъ истинъ. Этотъ предметъ еще до сихъ поръ не извѣстенъ и удовлетворительно не разрѣшенъ.

ШКОЛА ЭЛІЙСКАЯ И ЭРЕТРИЙСКАЯ.

§ 26. Школы, основанныя Федономъ Элійскимъ, и Менедомъ Эретрійскимъ, весьма сходны между со-

до ногъ закрывалъ знакомаго человѣка и потому спрашивалъ слушателей: знаете ли вы сего человѣка? они отвѣчали: нѣтъ. Евбулидъ умозаключалъ: Вы не знаете этого человѣка; а этотъ человѣкъ есть вашъ другъ; слѣдовательно вы не знаете вашего друга. 2. Эвбул. Кого ты называешь плѣшивымъ? слуш. Кто не имѣетъ волосовъ. Эвбул. Но если бы кто имѣлъ одинъ волосъ: тотъ былъ ли бы плѣшивымъ? Слуш. Да! Эвбул. А если бы кто имѣлъ два, три четыре волоса? Слуш. Да! Эвбул. слѣд. кто имѣетъ одинъ, два три волоса, тотъ не плѣшивъ. Чего ты не потерялъ; то имѣешь; а роговъ ты не потерялъ; слѣд. рога ты имѣешь. 4. Эпименидъ говоритъ, что вся Критяне лжецы; слѣд. Эпименидъ солгалъ; слѣд. Критяне не суть лжецы; слѣд. Эпименидъ не солгалъ; слѣд. Критяне суть лжецы.

бою и близки къ школь Мегарійской. Федонъ, вѣрный ученикъ Сократа, издалъ въ разговорахъ мифія своего учителя; а Менедемъ, ученикъ Стиллона, распространилъ начала его въ Эретрии.

Безъ сомнѣнія отъ споровъ и тонкостей обѣихъ этихъ школь, Пирронъ Элійскій и Тимоноу Фліонтійскій впади въ скептицизмъ. Первый возвратившись изъ похода съ Александромъ, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ Анаксархомъ, сдѣлался жрецомъ въ Элеѣ, отечественномъ городѣ. Онъ утверждалъ, подобно Сократу, что одна добродѣтель заслуживаетъ уваженіе, и что все прочее, не исключая и знанія, бесполезно и невозможно.

На основаніи послѣдняго положенія, которое имѣетъ нѣкоторое сходство съ ироніею Сократическою, онъ говорилъ, что противоположеніе началъ доказываетъ непостижимость вещей. Посему мудрый долженъ удерживаться отъ рѣшительныхъ сужденій, и стараться о безстрастіи; этотъ скептицизмъ, допущенный въ первый разъ Пиррономъ и его школою, извѣстенъ еще изобрѣтеніемъ самаго слова *ἄσχετος*.

Тимоноу, врачъ Фліонтійскій, раскрылъ болѣе сей Скептицизмъ, утверждалъ, что ученіе современныхъ школь, а особенно школы Платоновой и Аристотелевой, основываются на однихъ предположеніяхъ, и недоставляютъ ни познаній о человѣкѣ, ни руководствуютъ къ благо-

получію , и что должно слушать только голоса собственной природы, т. е. чувства, и чрезъ нерѣшительность сужденія въ теоріи стараться достигать неварушимаго покоя души. Мы увидимъ далѣе , что этотъ Пирроновъ Скентицизмъ , послѣ полного раскрытія Греческой философіи , снова повторится въ видѣ систематическомъ , и усилится подъ руководствомъ Энезидема и Секста Эмпирика. Доселѣ мы видѣли только первые опыты Греческой философіи: можно предполагать, что послѣ этого незначительнаго явленія , не погаснетъ стремленіе, сообщенное уму человѣческому гениемъ Сократовымъ. Два человѣка будутъ играть главную роль на сцѣнѣ философіи; сообщенное ими направленіе долгое время неизгладится. Послѣ нихъ разумъ человѣческой будетъ только переходить отъ одного изъ нихъ къ другому; и въ составѣ исторіи философіи будетъ входить только споръ двухъ школъ , ими основанныхъ.

БОЛѢ ПОЛНЫЯ СИСТЕМЫ, ПРОИЗШЕДШІЯ ИЗЪ ШКОЛЫ СОКРАТОВОЙ.

§ 27. Приступая къ изложенію этихъ различныхъ системъ , означимъ ту степень , которой достигла Греческая философія. Не взирая на различіе предметовъ занятія разума человѣческаго, оцѣ ихъ обрабатываетъ, въ слѣдствіе двухъ видовъ познанія, по двоякимъ понятіямъ, кои служатъ закономъ нашего разумнѣя, и кои явственнo изображаются во всѣхъ системахъ, доселѣ нами разсмотренныхъ. Въ самомъ дѣлѣ философія , занимаясь

изученіемъ явленій міра и отношеній, поередствомъ которыхъ человекъ общается съ нимъ, допускала и не могла не допустить въ матеріи съ одной стороны ея вида, ея обнаруженія т. е. различныхъ принадлежностей тѣлъ, пространства, дѣлимости, твердости, цвѣта и проч.; съ другой самага протяженнаго, дѣлимаго, твердаго, цвѣтнаго и проч. первообразной субстанціи, существующей подъ различными видами, въ коихъ она представляется нашимъ чувствамъ. Разсуждая о пространствѣ, она прежде всего видѣла пространство, опредѣленное и ограниченное, представляющееся нашимъ чувствамъ, далѣе пространство безусловное, познаваемое только разумомъ. Разсматривая числа и количества, она замѣтила многочисленность, и въ то же время единицу, отъ которой происходитъ многочисленное, и безъ которой множественное не понятно. Разсуждая о времени, она сначала допустила время опредѣленное, время въ собственномъ смыслѣ, далѣе время самобытное, безусловное, т. е. вѣчность. Обративъ вниманіе на формы, она получила понятіе о формѣ опредѣленной, ограниченной и измѣняемой, потомъ понятіе о главной причинѣ этой формы, которая неограничена, словомъ идею безконечнаго. Видя въ явленіяхъ, подлежащихъ чувствамъ безпредѣльный рядъ дѣйствій и причинъ, она сначала увидѣла взаимную связь дѣйствій и причинъ, такъ что каждая причина въ свою очередь происходила отъ высшихъ причинъ; но немогла въ то же время не признать первой причины, которая дѣйствуетъ сама по себѣ и

выше коей нельзя уже найти причины. Кратко сказать, она съ одной стороны допустила видимость, определенное пространство, многосложность, конечность, действіе; съ другой: — первоначальное существо, единство, бесконечность, причину. Эти оба рода понятій, которыя нынѣ называютъ понятіями случайными и необходимыми, находящіяся въ умѣ всѣхъ людей, должныствовали по необходимости литься въ философію. Но философія вмѣсто того, чтобы уяснить ихъ размышленіемъ, припуждена была разсматривать ихъ отдѣльно.

Школа Іонійская обратила свое вниманіе собственно на первыя, а вторыя составляли предметъ размышленій школы Италійской. Мы видѣли, что каждая изъ нихъ въ своей части произвела важныя дѣйствія; но обѣ, начавъ положительнымъ ученіемъ, впали въ гипотезы. Школа Іонійская имѣла погрѣшность думать, что изучивъ въ мірѣ разнообразіе, сложность и конечность, не нужно ей идти далѣе, и что все уже познаніе приобрѣтено. Но какъ видимость, сложность, конечность, разнообразіе принадлежатъ только матеріи; то міръ, душа и Богъ, по ея мнѣнію, состояли изъ атомовъ, болѣе или менѣе тоцкихъ, но всегда матеріальныхъ; и по этому она допустила матеріализмъ, а слѣдовательно и Атеизмъ; къ коимъ приводитъ философія чувственная, односторонняя.

Школа Италійская, вступивъ на противный путь, равнымъ образомъ допустила такіа положенія, коихъ

нельзя не признать очевидными и глубокомысленными по Элеатика, принявшие эти положенія, не обращали должнаго вниманія на порядокъ явленій, о коихъ свидѣлствуютъ чувства, и признавали дѣйствительность только того, къ чему приводили ихъ отвлеченія. Отсюда произошелъ, въ противность Сенсуализму Ионійскому, такой идеализмъ, который смѣшивалъ дѣйствіе съ причиною, конечное съ безконечнымъ, матерію съ основаніемъ (substantia), тотчасъ достигъ главнаго предѣла философіи идеалистической, т. е. отвергъ всякое дѣйствительное бытіе.

Общій смыслъ, который не можетъ представить единства безъ множества, безконечнаго безъ конечнаго, существа безъ явленій, причины безъ дѣйствія, по необходимости долженствовалъ возстать противъ тѣхъ положеній, кои защищала та и другая школа. Дѣйствительно, когда Ионійцы и Элеатики сообразились съ истиннаго пути, скептицизмъ, который въ началѣ есть слѣдствіе общаго смысла, предложилъ возраженія и сомнѣнія противъ ихъ системъ. Необходимость защищаться вооружила философовъ діалектикою; очевидно, сколь значительна услуга Зенона. Но эта діалектика, своею односторонностію только умножила сомнѣнія. Софисты, воспользовавшись расположеніемъ умовъ, распространяли просвѣщеніе и доказали необходимость утверждать познанія человѣческія на твердыхъ и непоколебимыхъ основаніяхъ. Философія должна была имѣть

средство къ тому, чтобы отразить чрезмѣрные требованія идеализма и сенсуализма; это средство доставилъ Сократъ. Въ школахъ Цинической, Кирицейской и Мегарійской, философія Греческая какъ бы училась ходить, теперь слѣдуетъ посмотреть на нее въ паревіи Платона, которое принадлежитъ къ числу блистательнѣйшихъ явленій.

ПЛАТОНЪ.

§ 28. Природа надѣлила Платона разнообразнѣйшими дарами, какъ будто бы для того, чтобы представить въ немъ философскій Геній; ему нѣтъ равнаго изъ философовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Умственное образованіе содѣлало его способнымъ къ исполненію важной роли, на него возложенной. Онъ родился отъ Аристора, потомка Кадмова и Периктионы, происходившей отъ Солона. Чтеніе поэтовъ было первымъ его занятіемъ, а подражаніе первымъ его желаніемъ. Онъ постепенно упражнялся въ поэзіи лирической, эпической и драматической (*), потомъ посвятилъ себя музыкѣ и живописи; но оставилъ весьма скоро сіи юношескія занятія, дабы предаться размышленіямъ важнѣйшимъ. Мѣс-

(*) Въ Греческой Анеологіи есть небольшое стихотвореніе, Эротическаго содержанія, приписываемое Платону. Подлинность его довольно сомнительна. Впрочемъ рѣшительно извѣстно, что Платонъ сожегъ свою Эпосею уже конченную, потому что она неравнялась съ Эпосею Гомера. Ael. 11, 30.

то ихъ заступила Геометрія; она ему служила руководствомъ въ изслѣдованіяхъ умозрительныхъ. По этому на основаніи собственнаго примѣра онъ не позволялъ обучаться философіи тѣмъ, кои не знали Геометріи. Въ философіи первые уроки преподали ему Кратиль и Гермогенъ, познакомившіе его съ ученіемъ Гераклита и Парменида. Вѣроятно что нѣсколько времени Платонъ слушалъ наставленія въ краснорѣчіи у Софистовъ: поелику сперва имѣлъ намѣреніе дѣйствовать на поприщѣ политическомъ, на которомъ открывались ему привлекательные виды и по его происхожденію отъ древней благородной фамиліи, и по его славолюбію, и по блистательному примѣру Перикла. Всего же болѣе Платонъ образованіемъ своимъ обязанъ Сократу, котораго уроками пользовался съ 20 до 28 года своей жизни, т. е. до смерти своего наставника. Послѣ сего горестнаго событія онъ съ большею частію своихъ товарищей удалился въ Мегару, гдѣ Эвклидъ около сего времени основалъ философскую школу. Не нашедъ, вѣроятно, и здѣсь удовлетворенія своему любознательному духу, онъ вскорѣ предпринялъ путешествіе, для обогащенія себя теоретическими познаніями, такъ какъ школа Сократова ограничивалась преимущественно познаніями практическими. Прежде всего онъ отправился въ нижнюю Италію и познакомился съ Пифагориками Архитомъ, Евдоксомъ и можетъ быть съ Тамеемъ, и былъ принятъ въ ихъ философское общество. За сямъ отплылъ въ Кирену для слушанія уроковъ знаменитаго въ то время Математика Теодора. Изъ

Карены путешествовалъ въ Египетъ, въ которомъ, по свидѣтельству Іудейскихъ писателей, Юсіфа Флавія и Аристовула и Отцевъ церкви св. Іустина мученика, св. Климента Александрійскаго, Евсевіа, св. Кирилла Александрійскаго, Θεодорита, св. Амврөсія, Августина и другихъ имѣлъ случай ознакомиться съ высокимъ ученіемъ Евреевъ. Отсюда Платонъ желалъ отправиться на востокъ: но походъ Артаксеркса противъ Египта тому воспрепятствовалъ. Впрочемъ увѣряютъ нѣкоторые писатели, что ему удалось по крайней мѣрѣ побывать въ Финикіи. Онъ прибылъ въ Сицилію и знакомство съ Діонисіемъ старшимъ едва не стоило ему жизни. Обѣхавъ всю Грецію, онъ узналъ всѣ обряды государственныхъ постановленій, законы и нравы народовъ, жилъ при дворахъ, былъ въ сношеніи съ Государями и ревнуя о своей независимости, основалъ собственное правленіе въ учрежденной имъ Академіи (*). Въ семъ предмѣстіи Аѳинскомъ, около 36 лѣтъ, онъ началъ всевародно преподавать философію съ такимъ успѣхомъ, что, для слушанія его уроковъ стекались соотечественники и иностранцы, юноши и старцы, простолюдины и вельможи, какъ то: Тимофей, Гиперидъ, Фокіонъ, Димосеепъ и другіе. Подъ старость онъ еще два раза посѣщалъ Сицилію и

(*) Академіею называлось гульбище, лежавшее внѣ стѣнъ Аѳинскихъ, по имени перваго своего владѣльца. Это мѣсто существовало до Силы, который деревья Академическія употребилъ на осаду Аѳинъ. Въ сторонѣ сей Платоновой школы находился малый храмъ, посвященный музамъ.

не могъ угодить Діонисію младшему. Послѣ сего онъ не оставлялъ своей Академіи до смерти, послѣдовавшей въ первый день 82 года его жизни. Тѣло его погребено вблизи Академіи. Аѳиняне во свидѣтельство всенароднаго уваженія и благодарности къ столь отличному мужу, воздвигли надъ нимъ памятникъ, а ученики долгое время праздновали день его рожденія, вспоминая въ то же время и день его кончины.

Платонъ совокупилъ въ своемъ ученіи все, что лучшаго до него открыто было единоплеменными ему писателями мудрости. Впрочемъ онъ не ограничился подражаніемъ предшественникамъ, но обогатилъ науку и собственными открытіями. Система его, разсматриваемая въ цѣломъ, есть оригинальное произведеніе его Генія, и съ Аристотелевою составляетъ цвѣтъ всей Еллиической мудрости.

Для письменнаго и, безъ сомнѣнія, устнаго изложенія ученія своего Платонъ избралъ форму разговора. Къ сему могли расположить его и примѣръ Сократа, всегда съ успѣхомъ употреблявшаго сей методъ, и собственный его піитическій Геній, имѣвшій необыкновенное дарованіе къ сему роду сочиненія, и особенно то преимущество діалогической формы, что писатель, влагая свои мысли въ уста другихъ, можетъ разсуждать съ болѣею свободою, и отклонять отъ себя отвѣтственность въ тѣхъ мысляхъ, которые не согласны съ Религіею или политикою его соотечественниковъ. Вообще судя

по демократическому духу Аэиняпъ, всего безопаснѣе было для Платона скрывать отъ нихъ свои высокія свѣдѣнія, выводя на сцену вмѣсто себя другихъ мудрецовъ, а гдѣ касалось до важнѣйшихъ истинъ, опираясь на авторитетъ высшій.

Но сія выгоды діалектической формы, выгоды личныя и мѣстныя, естественно не имѣютъ цѣны общей и постоянной. Множество подробностей, занимательныхъ для современниковъ Платона, для насъ не имѣютъ ни какого значенія. Осторожность, съ каковою онъ касается важнѣйшаго метафизическаго пункта, ученія о Богѣ, и разсуждаетъ о предметахъ всенародной вѣры Аэиняпъ, заставляя согласоваться съ нею Сократа и другихъ достопочтенныхъ мыслителей, — скрываетъ отъ насъ подлинныя его мысли о многихъ самыхъ интересныхъ и самыхъ философскихъ проблемахъ. Къ сему присовокупить надобно; а) языкъ, недостаточно обработанный для философской терминологіи; б) тогдашнее несовершенство логики и діалектики, бывшее причиною того, что Платонъ приводитъ иногда такія доказательства, даетъ такія опредѣленія понятіямъ, которыя нынѣ кажутся пустымъ словосплетеніемъ; в) аллегоріи и мифы, которыми онъ старался угождать вкусу своихъ современниковъ и своей пѣтической склонности къ мечтательности и мистицизму, малополезны. Если сообразить всѣ сія обстоятельство, то никому конечно не покажется удивительнымъ, что многіе пункты его ученія до се-

го времени не совсѣмъ лсны, — тѣмъ болѣе, что дошедшія до насъ сочиненія Платона едва ли представляютъ систему его въ подлинномъ ея видѣ: поелику сообразуясь съ примѣромъ своихъ предшественниковъ и съ духомъ времени, Платонъ имѣлъ и философію для всѣхъ открыто преподаемую и догматы сокровенныя *доулата аурофа*.

Какъ около солнца обращаются прочія планеты: такъ всѣ философскія положенія Платона движутся около славнаго его ученія объ идеяхъ. Высокіе образцы правдивности, представляемые Сократомъ, безъ всякаго сомнѣнія внушили Платону первоначальныя понятія о тѣхъ основныхъ, вѣчныхъ мысляхъ или умоначертаніяхъ, которыя существуютъ независимо отъ человѣческаго умоображенія, открываются въ человѣческомъ духѣ и однакожъ имѣютъ дѣйствительную предметность, несвязуемую условіями пространства и времени. Разумъ есть главный источникъ нашего познанія, въ коемъ аргіогі находятся прирожденные понятія, составляющія основаніе всѣхъ нашихъ мыслей и побудительное начало нашихъ поступковъ. Къ симъ вѣчнымъ образцамъ всего истиннаго, добраго и изящнаго посредствомъ мыслей мы относимъ безконечное разнообразіе частныхъ предметовъ, такъ что познаніе не производится а токмо развивается опытомъ.

Примѣч. Идея Платона превосходно объясняетъ Цицеронъ (Orat. с. 3) въ слѣдующихъ словахъ: Nec vero ille artifex Phidias, cum faceret Iovis formam, contemplabatur aliquem e quo similitudinem duceret, sed

Орлы прячѣть подѣ облаками; но не ходятъ прямолинейно по землѣ, какъ люди: Платонъ постоянно высокъ; но не его пѣтической изобрѣтательности предоставлено точнымъ образомъ разрѣшить цѣлость философскаго ученія на свои части. Дабы и многократное чтеніе Платоновыхъ сочиненій въ подлинникахъ не осталось бесполезнымъ, историкъ философіи обязанъ представить его мысли въ ученой связи и порядкѣ. Всю философію Платона можно раздѣлять на его 1) Діалектику, содержащую въ себѣ Теорію познанія и Метафизику и его 2) нравственное ученіе и Политику. Главныя положенія Платоновой Физики можно отнести къ его Діалектикѣ, хотя онѣ, по понятію сего философа, и не имѣютъ Метафизической несомнѣнности, а принадлежатъ къ области познаній правдоподобныхъ.

ipsius in mente insidebat species pulchritudinis eximia quaedam, quam intuens in caepe defixus, ad illius similitudinem artem et manum dirigebat. Ut igitur in formis et figuris est aliquid perfectum et excellens, cujus ad oogitatam speciem, imitando referuntur ea, quae sub oculos ipsa cadunt; sic perfectae eloquentiae speciem animo videmus, effigiem auribus quaerimus. Has rerum formas appellat ideas Plato, easque gigni negat, et agit semper esse, ac ratione et intelligentia contineri; caetera nasci, occidere, fluere, labi, nec diutius esse uno et eodem statu. Quidquid est igitur, de quo ratione et via disputetur, id est ad ultimam sui generis formam speciemque redigendum. И въ другомъ мѣстѣ; (Acad. quaest. 1. 8) mentem volebant Academici rerum esse judicem, quia sola cerne- ret id, quod semper esset, simplex, et unius modi et tale quod esset id est idem. Мнѣніе Цицерона занято изъ самаго Платона Repub. IV pag. 116 edit Virontii. Впрочемъ многія техническія слова Греческихъ философовъ Цицеронъ переводитъ весьма худо.

Диалектика и Физика.

§ 29. 1) Платонъ различаетъ два рода познаній: опытная и чисто умственные. Первые получаетъ духъ нашъ посредствомъ наблюдений. Вишнія вещи дѣйствуя на органы чувственные, производятъ въ насъ ощущенія и созерцанія предметовъ чувственныхъ. Полученныя такимъ образомъ представленія хотя не всё, сберегаетъ въ духъ *память*. Она подобна воску, коего различная доброта изъясняетъ неодинаковость сей способности въ различныхъ недѣлимыхъ. Въ памяти представленія хранятся не замѣтнымъ образомъ и воззываются отъ времени до времени въ сознание *воспоминаніемъ*. Воспоминаніе о созерцанныхъ предметахъ возбуждается созерцаніемъ предметовъ подобныхъ или даже не подобныхъ, во время чувственного наблюденія въ связи съ наблюдаемыми вещами. Иногда душа воспоминаетъ сама собою, независимо отъ вишнихъ напоминаній. Съ такимъ созерцаніемъ и представленіемъ образовъ чувственныхъ предметовъ не надобно смѣшивать познанія опытнаго: первые суть только условія послѣдняго. Съ дѣятельностію чувственныхъ органовъ сопряжена дѣятельность не только воображенія, но и разсудка, который опредѣляетъ свойства предметовъ созерцанія. Разсудокъ, какъ опытная сила сужденія, имѣетъ нужду въ словахъ, такъ какъ и вообще все мышленіе есть ни что иное, какъ внутренний разговоръ. Изъ сужденія о чувственномъ созерцаніи и соединеннаго съ онымъ представленія, вос-

производимого воображеніемъ, составляетъ опытное познаніе предмета чувственнаго, и послѣдующее за симъ откровеніе онаго предмета сознанію есть *явленіе*. Сужденіе, нами при семъ произносимое, есть ни что иное какъ отвѣтъ на вопросъ, который мы сами себѣ предлагаемъ: что такое созерцаемый нами и воображеніемъ представляемый предметъ, и какое его къ намъ отношеніе? Вопросъ сей есть *размышленіе*, которое слѣд. какъ актъ мышленія, предуготовляющій сужденія, отличенъ отъ него, какъ результата. Въ кругу познаній опытныхъ духъ нашъ дѣйствуетъ несвободно, но связанъ тѣлесною организаціей. Предметомъ сихъ познаній служитъ индивидуальное, преходящее бытіе. Свойства и состоянія, усматриваемыя въ чувственныхъ предметахъ, никогда не бывають продолжительно равны сами себѣ; но измѣняются въ каждое мгновеніе, и не имѣють того чистаго совершенства, какое сообразно съ ихъ природою; но всегда въ нихъ есть примѣсь свойствъ противоположныхъ и множество недостатковъ. Итакъ опытъ не представляетъ намъ ничего твердаго и прочнаго; въ немъ нельзя найти ни одного существа, которое бы вѣрно и точно соответствовало своему назначенію, изчерпывало все совершенство, возможные по его натурѣ. По сей причинѣ и познанія опытные не имѣють характера познаній несомнѣнныхъ. Въ опытной сферѣ истинное сужденіе отличается отъ ложнаго: первое бываетъ тогда, когда образъ вещи, возобновленный воспоминаніемъ и примѣта, приписываемая ей силою сужденія, согласны

съ прѣмѣтами вещи дѣйствительной, падающей подъ чувства; послѣднее происходитъ въ противномъ случаѣ. Но поелѣку познаніе опытное касается бытія временнаго и пространственнаго, непрестанно измѣняющагося, отъ одной противоположности непрерывно переходящаго къ другой, котораго по сему нѣтъ возможности охарактеризовать твердо и надежно; то нельзя его назвать знаніемъ въ строгомъ смыслѣ. Это не болѣе какъ убѣжденіе, хотя не часто субъективное; но временное и шаткое.

2) Кромѣ опытныхъ познаній, есть въ насъ познанія *умственные*. Это суть помыслы, которые духъ нашъ раскрываетъ, въ себѣ самомъ независимо отъ участія тѣла, самодѣятельно т. е. посредствомъ углубленія въ самага себя; помыслы, въ которыхъ мы созерцаемъ окомъ ума, и достаточно познаемъ, простую, чистую, неизмѣнную, себѣ самой всегда равную сущность вещей, бытіе подлинное. Сія вѣчная подлинная сущность вещей есть всеобщее, коему частное и измѣнчивое подобно и соименно; оно есть совокупность свойствъ необходимыхъ и вѣчныхъ, какія мы исчисляемъ въ опредѣленіи каждаго родоваго понятія о предметахъ природы, ихъ силахъ, свойствахъ и отношеніяхъ. Напр. мы различаемъ поступки добрые, справедливые, благородные, вещи разныя, тѣла круглыя, многоугольныя и проч. но подлинно добраго, праведнаго, благороднаго мы въ опытѣ невидимъ. Это открываетъ намъ чистое мышленіе. Въ міръ явленій нѣтъ ничего, чтобъ вполне и въ точности

соотвѣтствовало общему понятію; и одлакожь понятіе сіе служитъ масштабомъ, помощію котораго измѣряемъ и оцѣниваемъ соименныя ему недѣлимыя вещи и дѣйствія, и опредѣляемъ степень ихъ превосходства. Изъ сего видно, что мы получаемъ его не изъ опыта. Познаніе общихъ понятій и истицъ, посредствомъ углубленія въ самихъ себя, Платонъ называетъ воспоминаніемъ. Человѣческая душа, по его мнѣнію, существовала прежде своей земной жизни и находилась въ состояніи совершеннѣйшемъ: наслаждалась непосредственнымъ созерцаніемъ непреходящей сущности вещей. По соединеніи съ тѣломъ, она приходя отъ дѣйствія на нее виѣшняго міра въ сознаніе самой себя, и встрѣчая предмѣты, по содержанію подобныя тѣмъ первообразамъ, припоминаетъ и сіи послѣдніе. И чѣмъ болѣе углубляется она въ себя, и размышленіемъ помогаетъ своей памяти, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе возвращаетъ себѣ прежнее свое состояніе. Доказательствомъ сему служитъ и то, что сознаніе общихъ представленій и истицъ легко развить можно во всякомъ человѣкѣ посредствомъ однихъ вопросовъ. Сего невозможно было бы сдѣлать, если бы оцѣ не находились заранѣе въ душѣ его. (*)

3) Два рода общихъ и чистыхъ понятій: понятія

(*) Phaed. p. 73. a. In Men. p. 82. b. seq. Сократъ подзываетъ къ себѣ раба Менона, и въ присутствіи Платона посредствомъ однихъ вопросовъ пробуждаетъ въ немъ ясное сознаніе, или, воспоминаніе объ одной Геометрической теоремѣ.

математическія и идеи. Онѣ различаются между собою своею формой и употребленіемъ. *Формой:* ибо каждое число, каждую фигуру отвлеченную можно представить въ сознаниі безчисленно различнымъ образомъ, и всѣ сіи представленія въ сущности своей равны одно другому; идея напротивъ есть представленіе единичное, однообразное. *Употребленіемъ:* математика утверждается на основоположеніяхъ, хотя очевидныхъ и вѣрныхъ, во предполагающихъ вѣчто высшее - основаніе всякаго вѣдѣнія и бытія. Не выводя ихъ изъ сего основанія, она идетъ отъ нихъ далѣе и далѣе (*progressive*) цѣпью слѣдствій, до самонижайшаго заключенія. При семъ въ Геометриі, для большей ясности и удобнѣйшаго удержанія въ памяти мыслимыхъ свойствъ пространства, употребляются чертежи, зримые внѣшнимъ окомъ, и помощію ихъ доказываются теоремы. Не таково свойство идей. Ихъ нельзя почитать высочайшими основоположеніями науки, а сію развитіемъ ихъ посредствомъ умозаключеній. Онѣ суть подлинныя подположенія, ступени, по которымъ восходимъ къ тому, что не предполагаетъ ничего высшаго, къ безусловному, вишѣ всего и каждому, отъ коей уже обратнымъ путемъ надобно производить рядъ всего отъ ней зависимаго. Тутъ нельзя употребить чертежей, а надобно дѣйствовать въ сферѣ чистаго понятія. Сего - то рода изслѣдованіе, объемлющее всѣ высшіе предметы познанія, непредполагающее какого либо сторонняго, невходящаго въ его область вывода, должно осуществить вѣдѣніе, т. е. философію.

4) Логическое значеніе идей, по которому онѣ суть представленія чистой и неизмѣняемой сущности вещей, есть слѣдствіе метафизическаго ихъ значенія. Въ семъ отношеніи онѣ суть вѣчные первообразы какъ всего міра, такъ и всѣхъ индивидуальныхъ существъ, подчиненныхъ законамъ необходимости и свободы. Силамъ природы, равно какъ и человѣческой волѣ, предначертана система правилъ и формъ. Необозримое множество и разнообразіе измѣняемыхъ веществъ, свойствъ и дѣйствій, немогло бы составить такой Гармоніи въ мірѣ; ряды предметовъ преходящихъ и измѣняемыхъ, разсматриваемые въ цѣломъ, не могли бы оставаться неизмѣнными, не могли бы, при видимомъ движеніи и измѣненіи всего, повторяться тѣже образы, тѣже или подобныя явленія, если бы царство дѣйствительности не управлялось правилами образованія и порядка; еслибъ разнообразіе его не сообразовалось съ ними, сколько по своей природѣ можетъ сообразоваться. Изъ сего слѣдуетъ: Система идей есть начало міра, служащее основаніемъ равномерности, единообразію и постоянству измѣняемаго. Сему началу противоположно другое, въ которомъ заключается основаніе разнообразія и измѣняемости вещей. Допустивъ сію противоположность, мы должны по необходимости допустить абсолютное основаніе міра, ни отъ чего не зависящее и все содержащее. Ибо само собою очевидно, что ни идея, ни все разнообразіе вещей не имѣютъ бытія самостоятельнаго, безусловнаго, и первыя не могли произвести послѣднѣя, ни послѣд-

нее первыхъ; немогли они произойти и отъ взаимнаго соединенія между собою.

5) Въ самобытной видѣ всяческихъ, отъ коей, какъ условія, зависятъ оба оныя противоположныя начала, различаются два свойства или двѣ силы, изъ которыхъ можно объяснить бытіе міра. Сія сила суть тѣ самыя (только безпредѣльно совершенныя), какія мы усматриваемъ въ душѣ своей и почитаемъ основными силами ея жизни и дѣятельности, такъ, что Богъ въ семъ отношеніи является подъ видомъ жизненной силы и совершеннаго ума или духа. Ибо душа, поколику она противоположна тѣлу, есть съ одной стороны познающая и желающая, съ другой самодвижущаяся сила: между тѣмъ какъ сила тѣлесная работаетъ безъ сознанія, и не можетъ начать дѣйствія безъ внѣшняго возбужденія. Первой силѣ соотвѣтствуютъ *идеи* — чистые, первобытные, первообразные помыслы, произведенія и проявленія высочайшей безпредѣльной силы познающей и хотѣнія, — Божескаго ума, мыслящаго въ оныхъ — высочайшее, вѣчно себѣ равное пзщество и благо, и хотящаго, чтобы оныя открывались въ мірѣ. Имъ противоположно *разнообразіе измѣняемыхъ* вещей — продуктъ Божеской вседвижущей и измѣняющей силы, произведшей и самый субстратъ сего разнообразія: ибо Богъ есть послѣднее основаніе всего сущаго. (*) Поелику Богъ, первоисточникъ вселкой

(*) Многие держатся мнѣнія, будто Платонъ допускалъ какое-то независимое отъ Бога, самостоятельное, отъ вѣчности существовавшее

жизни, всякаго мышленія и всѣхъ измѣненій, хочетъ, чтобъ міръ, предметъ его дѣятельности, всегда существовалъ, благоволять открывать въ немъ свои совершенства столько, сколько могутъ оныя открываться въ зависямомъ бытіи: то сія послѣдняя высочайшая цѣль міра можетъ быть достигнута однимъ только способомъ, тѣмъ самымъ, который Божія премудрость признала наилучшимъ, и всемогущество приводитъ въ исполненіе. Отъ сего въ цѣломъ господствуетъ неизмѣнная необходимость,

вещество, которому Богъ сообщилъ только форму міра. Съ симъ мнѣніемъ имѣетъ связь другое: будто, по системѣ Платона, Богъ и міръ его идей существовали сперва отдѣльно отъ вещества, и міръ получалъ бытіе тогда уже, когда сіи два начала соединились. — Оба сіи мнѣнія несогласны съ духомъ Платонова ученія. Мѣста, которыя по видимому говорятъ въ пользу оныхъ, никакой разсудительный читатель не будетъ разумѣть изъ собственномъ смыслѣ. При томъ не надобно забывать, что Платонъ имѣлъ въ виду объяснить строеніе міра генетически. Послѣ сего весьма естественно, что онъ разсуждаетъ о протекшеніи міра во времени, который представлялъ себѣ вѣчно зависимымъ отъ безусловнаго существа. — Къ числу мѣстъ, въ которыхъ Платонъ прямо выражаетъ свои мысли о семъ предметѣ, относится и находящееся въ Филебѣ, гдѣ говорится, что верховная вина есть зиждительница какъ обоихъ оныхъ взаимно противоположныхъ началъ, такъ и того, что изъ сихъ началъ составилось. По увѣренію Плутарха *περι της εν τιμαφ ψυχοουσιας* pag. 1013 a. и b. древнѣйшіе Платоники, Ксенократъ и Кранторъ были того мнѣнія, что Платонъ почиталъ міръ вѣчнымъ, но разсуждалъ о началѣ его потому, что нельзя было бы объяснить связи между составными его частями и образа дѣйствованія Верховной силы и силъ подчиненныхъ, не предположивъ перваго пункта, съ котораго всѣ оныя силы - условія міра начали дѣйствовать.

утверждающался на неизмѣняемости Божія мышления и хотѣнія. Способъ сей требуетъ различія и связи между опредѣляющими формами и опредѣляемымъ по онимъ веществомъ. То и другое должно быть противоположно между собою, должно быть двумя крайними - конечными точками всего зависимаго отъ Бога, дабы ихъ соединеніе обнимало все возможное и претворяло въ живую существованность. Изъ сихъ началъ легко можно объяснить существованіе зла въ мірѣ, отсутствіе въ ономъ совершенства, предобразуемаго Божескими идеями. Изъясняемое разнообразіе вещей, противоположное правиламъ порядка и вѣчнымъ идеаламъ, по необходимости стремится къ измѣненію и разрѣшенію всего получившаго правильный образъ, и производитъ безпорядокъ и спутанность, а слѣдственно физическое и нравственное зло: ибо чрезъ это доставляетъ идеямъ случай и возможность раскрыть свою силу. Сія непрерывно ограничиваютъ оное начало, обуздываютъ и приводятъ въ безпорядокъ; и это ихъ вѣчное протяудѣйствіе сохраняетъ и питаетъ въ мірѣ жизнь и дѣятельность первообразующей силы и всѣхъ силъ, зависящихъ отъ ней. Богъ, въ слѣдствіе необходимости, налагаемой на него собственнымъ его умомъ, неможетъ уничтожить измѣняемости разнообразія: ибо иначе ему надлежало бы уничтожить одно начало бытія вещей зависящихъ. Онъ неможетъ отнять у сего начала способности противиться порядку и правильности: ибо иначе въ мірѣ физическомъ, равно какъ умственномъ и нравственномъ, прекратилась бы жизнь, предполагающая

развитіе силъ , и слѣд. требующая ихъ боренія и раздраженія. И такъ онъ можетъ и благоволить въ извѣстной только высшей степени ограничивать злую такъ сказать душу міра т. е. силу начала, противоборствующаго единству, порядку и гармоніи. (*)

6) Изъ двухъ оныхъ противоположныхъ началъ Богъ произвелъ двѣ главныхъ степени зависимаго бытія, изъ которыхъ нижняя служитъ основаніемъ для высшей. Сію нижнюю степень составляютъ *тѣла*. Чистая сущность тѣлъ заключается въ идеяхъ. Вѣчныя ея свойства и обличія отпечатлѣваются въ измѣняемомъ началѣ вещей, и тѣмъ опредѣляютъ роды и виды тѣлъ отдѣльныхъ. Чтобъ правильно понимать различіе и отношеніе между идеальной сущностію тѣлъ и началомъ измѣляемымъ, не надобно представлять послѣднее тѣлесною массою, подлежащею чувствамъ. Еслибъ оно подлежало чувствамъ, имѣло какое либо качество, то не было бы началомъ, способнымъ ко всякому измѣненію, неопредѣленнымъ, но въ какомъ нибудь отношеніи было бы уже опредѣлено. Оно ни что иное есть, какъ нѣчто чисто - способное получать всѣ образы, формы и свойства въ непрерывной послѣдовательности, и опять разрѣшать оныя; оно не

(*) Богъ сотвореннымъ отъ него богамъ, т. е. тѣламъ небеснымъ, говоритъ, что они безсмертны и неразрушимы, не сами по себѣ, но по его неизмѣняемому и вѣчному дѣятельному изволенію: ибо начало измѣненія и уничтоженія и въ нихъ постоянно дѣйствуетъ, и противоположное ему начало можетъ только подчинять его себѣ, а не уничтожить. Целития. р. 273. b.

имѣеть никакого качества, ни обличія, и покоялку все-объемлюще, наполняетъ собою все пространство, или лучше вмѣщаетъ его въ себѣ, и недоступно для чувственнаго наблюденія. Тѣлесному міру суждено подлежать чувствамъ. Два главныхъ свойства всего подлежащаго чувствамъ: видимость и осязаемость. Видимымъ ничто не можетъ быть безъ свѣта; — осязаемымъ — безъ твердости. Итакъ по необходимости надлежало быть огню и землѣ *элементами* міра тѣлеснаго. Но огонь и земля, какъ крайности, взаимно противоположны; не могутъ соединиться непосредственно и составлять одно цѣлое, не могутъ превратиться одно въ другое, — между тѣмъ, какъ однакожь, по началу гармоніи, въ мірѣ надлежитъ быть единству, и по началу измѣняемости, въ элементахъ должна содержаться возможность — перемѣненія одного въ другое. Для удовлетворенія тому и другому требованію, надлежало быть чему-либо среднему, посредствующему между огнемъ и землею. Если бы падающее подъ чувства имѣло только длину и ширину, а не глубину или высоту, то довольно было бы одного средняго члена для примиренія двухъ оныхъ крайностей. Но міру надобно было имѣть три намѣренія, и потому одного посредствующаго элемента мало. Итакъ между тѣми двумя противоположными стихіями, надлежало помѣститься еще двумъ — водѣ и воздуху, и въ слѣдствіе сего произошло между элементами такое отношеніе: огонь содержится къ воздуху, какъ воздухъ къ водѣ, а какъ воздухъ содержится къ водѣ, такъ вода къ землѣ. Такимъ

образомъ посредствомъ сгущенія огонь можетъ превращаться въ воздухъ, воздухъ — въ воду, вода — въ землю, и обратно посредствомъ разрѣшенія — земля въ воду и пр. Отъ сего происходитъ въ вещахъ чувственныхъ круговращеніе, которымъ поддерживается бытіе элементовъ, и весь тѣлесный міръ связуется въ одно полное и совершенное цѣлое. Элементы образовались по четыремъ геометрическимъ тѣламъ. Земля соотвѣтствуетъ кубу, огонь — пирамидѣ, воздухъ — осьмугольнику, вода — подобоугольнику.

7) Зяждительная сила первой впыи открываетъ себя въ тѣлесномъ мірѣ несовершенно: ибо міръ сей есть конечно мыслимое и движимое нѣчто, но не смыслящее и движущее. Высочайшая цѣль вѣчнаго міротворенія — откровеніе самосуцаго въ зависимомъ отъ него бытіи вещей — столь полное, сколько сей полноты можетъ вмѣстить зависимая природа, — достигается тогда, когда міръ есть живое и совокупность живыхъ существъ, самодѣятельныхъ и способныхъ постигать Божескія идеи въ зримомъ ихъ выраженіи. Тѣлесный міръ есть ничто иное, какъ чистая опредѣленность начала измѣняемаго по идеальной сущности тѣлъ. Въ тѣлахъ нѣтъ единства между различнымъ и идейнымъ. Онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ идей, неполный, но растяженный по преходящимъ, непрестанно измѣняющимся явленіямъ. Напротивъ душа, или зависимая сила въ жизни міра, есть сліяніе Божескихъ идей и измѣняемаго; въ сей сии два начала соче-

таваются въ одно существо, въ одну субстанцію, занимающую средину между ними и причастную природѣ того и другаго въ равной мѣрѣ. По сему сила самодвиженія и мышленія, которая въ тѣлесномъ мірѣ является подъ образомъ устрояющаго начала, составляетъ неотъемлемую принадлежность души, и душа есть непосредственное откровеніе Божества, между тѣмъ какъ міръ тѣлесный есть только посредственное. Изъ сего слѣдуетъ, что душа существуетъ отъ вѣчности и вѣчно существовать будетъ, какъ міръ идей и все разнообразіе, хотя также завѣсно и несамобытно.

8) Сила жизни во первыхъ проникаетъ и одушевляетъ *цѣлый міръ* тѣлесный. Тѣсное соединеніе души съ тѣломъ, котораго Богу никогда негодно будетъ разторгнуть, составляетъ сущность міра, который по сему, какъ цѣлое, полное и гармоническое, имѣющее всѣ совершенства, какія можетъ имѣть по своей природѣ, есть цѣлое органическое, живое, мыслящее. Единство его объемлетъ все, что Богъ могъ произвести посредствомъ двухъ оныхъ противоположныхъ началъ; въ его нѣтъ ничего, ни даже пустаго пространства. Въ цѣломъ онъ всегда себѣ равенъ, несмотря на свое непрерывное движеніе и непрестанно происходящія въ немъ измѣненія. Ни объемъ, ни содержаніе его не могутъ ни увеличиться, ни уменьшиться. Его измѣненія находятся въ вѣчномъ круговращеніи, въ коемъ изъ разрушенія одного существа возникаетъ рожденіе другаго. Для сохра-

ненія міра не требуется никакого содѣйствія, кромѣ Божія. Онъ имѣеть фигуру шара; поелику сія фигура всѣхъ совершеннѣе, объемлетъ собою всѣ прочія, и есть видимое изображеніе его правильности и единства внутренняго. И движеніе его есть наилучшее: оно совершеннѣйшимъ образомъ представляетъ единство и равенство въ измѣненіи, и есть чистѣйшее чувственное изображеніе дѣятельности разсудка. Не перемѣняя своего мѣста переходомъ назадъ или впередъ, онъ вращается однообразно вокругъ своего средоточія.

9) Органическое единство живаго цѣлаго міроздавія не исключаетъ множества организмовъ *частныхъ*. Напротивъ то единство есть самое совершенное, наилучшее, какое только можетъ быть достигнуто сотвореніемъ, которое составляетъ систему безчисленныхъ, одушевленныхъ тѣлъ, премудро и прекрасно устроенную. Каждое изъ сихъ *тѣлъ*, которыя мы называемъ небесными, получило фигуру такую же, какую міръ и, какъ сей, неизмѣнимо, и вообще имѣеть столько свойствъ его, сколь можно сообщить части міра, находящейся въ неизвѣстномъ отношеніи къ цѣлому и къ сподчиненнымъ тѣламъ небеснымъ. Онѣ въ двоихъ сферахъ подражаютъ дѣятельности первой вины міра: образуютъ, носятъ на себѣ и пятаютъ живыя недѣлимыя. Хотя послѣднія какъ произведенія образовательной силы небесныхъ тѣлъ, переходящи, и тѣла ихъ, послѣ кратковременнаго существованія, должны разрѣшиться на свои составныя элементы:

однакожь ихъ строеніе и организациія носятъ на себѣ черты высочайшей правильности и сообразности съ цѣлю. Звѣзды раздѣляются на два главныхъ круга, изъ коихъ внѣшній служить представителемъ начала единообразія въ разнообразномъ, — внутренній — начала разнообразія въ единообразіи. Первый содержитъ въ себѣ неподвижныя звѣзды, изъ которыхъ каждая вращается только вокругъ средоточія міра; послѣдній — планеты, которыя, сверхъ круговращенія около сего средоточія, имѣютъ особое поступательное и возвратное движеніе. Планетный кругъ снова дѣлится на семь сферъ. Земля составляетъ средоточіе сего круга и всего міра. Черезъ средоточіе земли проходитъ ось міра. Ближе всѣхъ къ ней луна, потомъ солнце, за симъ Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Солнце больше земли, и всѣ звѣзды имѣютъ чрезвычайную величину. Массы ихъ образованы изъ огня, большею частію, тончайшаго изъ всѣхъ элемента. Планеты имѣютъ и другое назначеніе — показывать отношенія *времени*. Между всегда себѣ равнымъ и никогда нестарѣющимъ бытіемъ Бога и началъ, и между движеніемъ міра въ пространствѣ и измѣненіями индивидуальныхъ вещей должно найдется что нибудь среднее, или посредствующее звѣно между тѣмъ, что неизмѣнно въ самомъ себѣ, и тѣмъ, что измѣняется. Это посредствующее есть время. Оно, какъ вѣчный законъ для непрерывной преемственности измѣненій, связуетъ неизмѣнное бытіе съ измѣняющимся. Такимъ образомъ Богъ производитъ измѣ-

ненія во времени, неподлежа сама времени и измененію.

10) Звѣзды суть живыя существа перваго или высшаго порядка. Что касается до живыхъ существъ втораго порядка, которыя обитаютъ на тѣлахъ небесныхъ, то изслѣдованію философскому подлежатъ только тѣ изъ нихъ, которыя находятся на землѣ. *Душа человѣческая* не во времени и не на землѣ получила бытіе: она, подобно душѣ міра и каждой звѣздѣ, существуетъ отъ вѣчности, и образовалась изъ тѣхъ же началъ, изъ какихъ и первыя, только стоитъ на нижней степени совершенства. Когда она вступаетъ въ земную жизнь, то въ слѣдствіе ея соединенія съ тѣломъ - сею необходимою опорою и органомъ ея дѣйствованія на землѣ, присоединяется къ ней посредствующая между духомъ и тѣломъ, изъ земной силы возникающая и преходящая способность — субстратъ извѣстныхъ сердечныхъ и чувственныхъ движеній и ощущеній, которая дотолѣ существуетъ, пока душа находится въ тѣлѣ. Она предназначена къ тому, чтобъ доставить и доставлять душѣ все нужное для сохраненія и защищенія ея въ семъ состояніи. Для означенія сей способности у Платона нѣтъ особаго слова; онъ называетъ ее также душею, только *смертною* и *неразумною*. Сія душа дѣлится на двѣ силы: высшую и низшую. — Первая, которая имѣетъ въ виду охраненіе и защищеніе земной жизни, есть способность инстинктовъ образнаго *мужества*, любопрѣвія и подобныхъ движеній

духа, противоположныхъ тихости и уступчивости. Ея мѣсто между выей и груднопреградною перепонкой. Вторая, служащая къ сохраненію и продолженію оной жизни, есть способность *пожеланій*, требующая удовлетворенія органическимъ потребностямъ тѣла. Онажъ ищетъ наслажденій чувственныхъ и средствъ, ведущихъ къ нимъ. Жилище ея между груднопреградною перепонкою и пупомъ. Престоль разумной, бессмертной души находится въ головѣ; она отсюда повелѣваетъ обѣими подчиненными душами и всею тѣломъ. Существованіа *животныхъ* Платонъ не могъ иначе объяснить Богословски, какъ допустивъ, что въ сія, хотя для растительно-чувственной жизни прекрасно устроенныя тѣла, заключаются человѣческія души, въ наказаніе за преступленія, учиненныя ими въ предшествовавшемъ состояніи. Изъ различія поступковъ, онъ производитъ различіе родовъ животныхъ. Въмѣсто простаго и правильнаго, и потому въ возможной мѣрѣ совершеннаго движенія звѣзднаго, человѣку и прочимъ животнымъ дано неправильное и произвольное, котораго шесть видовъ: движеніе впередъ и назадъ, вправо и влѣво, вверхъ и внизъ. Наконецъ *растѣнія* составляютъ особый родъ недѣляемыхъ, которыя живутъ своею жизнію, отлочною отъ прочей органической земной жизни. Имъ въ удѣлъ дана нижшая изъ двухъ силъ смертной души. Они стремятся къ самосохраненію и продолженію своего рода, но лишены чувствованій, равно какъ и произвольнаго движенія. Ихъ назначеніе — служить пищею для людей и животныхъ.

Нравственное учение и Политика.

§ 30. 1) Нравственная часть Платоновой философіи вся утверждается на началахъ его Метафизики и Психологіи. Съ математическою послѣдовательностью выводитъ Платонъ изъ понятій о душѣ человѣческой и первой Вивѣ всякаго бытія и познанія, существенныя свойства нравственности, а изъ сей такимъ же образомъ свойства наилучшаго учрежденія, законодательства и управленія государственнаго. Здѣсь надобно сдѣлать общее замѣчаніе, что подѣ философствованіемъ Платонъ разумѣлъ занятіе, объемлющее всю дѣятельность человѣка — не одно исканіе абсолютной истины не одно знаніе общаго, необходимаго и существеннаго во всѣхъ вещахъ, но и практическое раченіе объ облагороженіи своего сердца и поведенія. Философъ, по его мнѣнію, есть тотъ, кто непрестанно старается объ освобожденіи души своей отъ узъ тѣла, и радостно взираетъ на смерть, какъ на переходъ къ лучшей жизни. Предметъ философскихъ изысканій есть мудрость, выраженіе истиннаго, благороднаго и праведнаго дѣятельною жизнью, выраженіе, руководимое разумнымъ познаніемъ.

2) Мы рассмотримъ сперва *нравственное учение* Платона. Слѣдуя Сократу, Платонъ высшее благо человѣка поставляетъ въ соединеніи добродѣтели съ заслуженнымъ ею счастіемъ. Но изъ понятія о добродѣтели исключилъ понятіе о счастіи, и чрезъ сіе возвысился до

чистаго идеала нравственности. Основная мысль, на которой созидаетъ Платонъ свою систему нравственныхъ правилъ, есть та, что усматриваемое въ мірѣ отношеніе между повинующимся и повелѣвающимъ есть выраженіе высочайшаго ума и характеръ всего благаго въ бытіи вещей. Отраженіемъ сего порядка въ человѣкѣ должно быть то состояніе, изъ котораго происходитъ здравіе души его. Но замѣчено было, что, по мнѣнію Платона, три главныхъ способности, въ которыхъ развивается жизнь души: способность разумнаго познаванія и хотѣнія, — влеченіе ко гнѣву — раздражительность, и способность чувственныхъ пожеланій. Сіи три способности находятся въ слѣдующемъ между собою отношеніи. Уму принадлежитъ первенство и власть управленія: поелику онъ одинъ разумѣетъ и разсуждаетъ, и, потому, можетъ пешихъ о благѣ цѣлаго; раздражительность должна быть исполнительницею приказаній ума, помощницею, или, лучше, орудіемъ его. Только по его мановенію она должна воспламеняться. Ея назначеніе — отдалять внутреннія и виѣшнія затрудненія и препятствія, противудѣйствующія предначертаніямъ ума. Наконецъ пожелательная чувственная способность должна давать себѣ воли не болѣе, какъ сколько позволяетъ разумъ, сколько онъ находитъ нужнымъ ея содѣйствіе для сохраненія тѣла. Надъ ея обузданіемъ умъ съ своею непосредственною помощницею упражняетъ и укрѣпляетъ свои силы. Такимъ образомъ всѣ силы душевныя находятся въ гармоніи и составляютъ благоустроенную систему. Пока ни что не разстроитъ

ваетъ ее, каждая сила дѣйствуетъ точно такъ, какъ дѣйствовать должна, и въ своемъ собственномъ кругу. Тогда въ душѣ обитаетъ добродѣтель или нравственное благо. Противоположное состояніе, когда способности душевныя выходятъ изъ предназначенныхъ имъ сферъ, — каждая вторгается въ кругъ дѣйствованія другихъ силъ, и потому самовольно и неслѣдуя никакому закону, дѣлаетъ то, чего неслѣдовало, или не дѣлаетъ того, что слѣдовало ей дѣлать, — сіе состояніе есть немощь, болѣзнь души, или нравственное зло.

3) Чтобъ рѣшиться самостоятельно на поступокъ, согласный или несогласный съ симъ порядкомъ, человеку надобно имѣть *свободную волю*. Платонъ предполагаетъ въ немъ сію способность, не входя въ дальнѣйшія о ней изслѣдованія. Изъ понятія о нравственномъ добрѣ само собою слѣдуетъ, что счастье неразлучно съ добродѣтелію. Такъ и должно быть: иначе добродѣтель не будетъ составлять собою цѣли, вполнѣ удовлетворяющей человека. Ибо всѣ желаютъ себѣ счастья. Знаніе само по себѣ безъ удовольствія, равно какъ и удовольствіе безъ знанія, не можетъ быть послѣднею цѣлію нашихъ усилій. Нельзя жить при однихъ свѣдѣніяхъ, сколько бы онѣ велики ни были, не имѣя вовсе способности чувствовать горести и радости. Напротивъ та (Аристиппова) добродѣтель, которая водится одними расчетами пользы и удовольствія, которая требуетъ пожертвованій для того, чтобъ приобрести оными большія,

продолжительнѣйшія выгоды, есть добродѣтель рабская, одинъ призракъ нравственности. Правильное сочетаніе чисто разумной дѣятельности и удовольствія составляетъ высшее благо человѣка въ сей жизни, — такое сочетаніе, въ которомъ допускаются удовольствія, только основывающіяся на вѣрной оцѣнкѣ вещей, и совмѣстныя съ здоровьемъ тѣла и души. А удовлетворяютъ ли удовольствія симъ требованіямъ, это можетъ рѣшить одинъ умъ. Итакъ подъ его только верховнымъ надзоромъ бываетъ правильно и соразмѣрно это соединеніе. Бытіе нравственнаго порядка въ мірѣ усматривается изъ того, что одни добродѣтельные, хотя и имъ извѣстны горести, — могутъ быть истинно счастливы и дѣйствительно наслаждаются счастіемъ. Внѣшнія блага тогда только имѣютъ цѣну, когда люди пользуются ими согласно съ предписаніями разума. Здоровье, красота, сила и богатство для человѣка честнаго — блага очень важныя, а для развратнаго поводъ и средство къ большому развращенію. Неблагопріятство счастія для злаго зло, поелику не исправляетъ, а напротивъ нерѣдко болѣе развращаетъ его, — а для добраго добро; поелику укрѣпляетъ нравственную силу его, и тѣмъ, посредствомъ, возводитъ на высшую степень счастія. Несомнѣнно то, что праведникъ любезенъ Богу, а потому все, что случается съ нимъ, клонится къ его благу. Чтобъ вполне постигнуть значеніе сей утѣшительной истины, надобно отъ переходящей земной жизни обратить взоръ свой къ вѣчности. Тамъ, а не здѣсь — истинное отечество нашего духа. Если бы лю-

ди понимали это, то ихъ понятія о наслажденіяхъ и лишеніяхъ вовсе измѣнились бы. Если же духъ нашъ *бессмертенъ*, (*) то надобно пещась о немъ не для сего только краткаго продолженія времени, называемаго жизнью, но для вѣчности. Нѣтъ ничего пагубнѣе пренебреженія сего важнаго долга. Состояніе порочнаго по смерти дѣлается еще хуже, соразмѣрно съ состояніемъ его духа въ сей жизни. Напротивъ, кто здѣсь заботился о чистотѣ души своей, тотъ не долженъ страшиться возвращенія въ свое отечество: онъ можетъ быть увѣренъ, что тамъ насладится полнымъ обладаніемъ того блага, для пріобрѣтенія коего здѣсь находитея.

4) Платонъ находитъ въ добродѣтели, взятой вообще, четыре главныхъ направленія. Человѣкъ, въ которомъ душевныя силы дѣйствуютъ стройно, имѣетъ 1, *мудрость*, поелику разумное познаніе управляетъ всѣми его чувствованіями, мыслями, дѣваніями; 2, *мужест-*

(*) Изъ приводимыхъ Платономъ доказательствъ безсмертія души человеческой самое сильное то, которое заимствуется отъ ея Богоподобія. Чтобъ вполнѣ чувствовать силу сего доказательства, надобно, по увѣренію Платона, разумную душу человека строго отличать отъ чувственности, принадлежащей тѣлу - сему временному, земному жилищу души. Прекрасное описаніе превосходства сей, собственно человеческой души находится въ его Республикѣ. Богъ, какъ субстанція идей, есть вѣчный корень бытія душъ, соединенныхъ съ его идеями. Богъ, какъ Благій и правосудный виновникъ формъ составляющихъ разнообразіе міра, долженъ наградить тѣхъ, которые ему въ сей жизни подражали и наказатъ тѣхъ, которымъ находились подлѣяніемъ злаго начала.

во, (нравственную силу), поелику въ немъ раздражительность, руководималъ умомъ, страшится и отвращается только того, что подлинно страшно и отвратительно — порока и поводовъ къ нему, а угрозамъ или обольстительнымъ приманкамъ — препятствіямъ на пути къ добродѣтели противустоятъ и побѣждаетъ оныя: 3, *воздержность*, ибо твердою рукою мудрости обуздываетъ всѣ свои пожеланія; и наконецъ 4, *правду* — слѣдствіе всѣхъ выше изчисленныхъ свойствъ. Ею обладаетъ человѣкъ тогда, когда каждая способность души дѣлаетъ свое дѣло; когда онъ всякому воздаетъ должное, и себѣ усвоитъ только то, на что имѣетъ право.

5) Всѣ нравственные законы, коихъ обязательную силу признаетъ разумъ, суть повелѣнія Божіи. Они суть мысли и хотѣнія того существа, которое открываетъ себя въ бытіи и жизни міра. Слѣд. основаніе ихъ незыблемо; и потому не нужно и невозможно выводить ихъ изъ какого нибудь высшаго начала. Итакъ нравственное ученіе Платона оканчивается тѣмъ пунктомъ, которымъ начинается его умозрѣніе, такъ что его философскія изслѣдованія образуютъ собою полный кругъ, въ который входитъ и его политика: поелику она вся утверждается на его ученіи о добродѣтели. Кто надлежащимъ образомъ выразумѣлъ значеніе идей, тотъ конечно понимаетъ, что онѣ суть вѣчные, въ умѣ Божескомъ пребывающіе образцы праведнаго, благаго и благороднаго, которые, отражаясь въ нашемъ умѣ, стаповляются правилами для его нравст-

веннаго мышленія и дѣйствованія. Она суть не земнаго и опытнаго происхожденія начала, которыя мы читаемъ въ своей совѣсти. Метафизически вѣрно то, что идеалы духовнаго совершенства существуютъ независимо отъ нашего мышленія; намъ открыты они въ образцѣ нашей дѣятельности самимъ Верховнымъ Разумомъ, который къ міру духовному въ такомъ же находится отношеніи, въ какомъ солнце къ міру чувственному. По сему безусловная вина бытія и мышленія есть вмѣстѣ безусловное благо, Святой, Творецъ и Охранитель нравственнаго порядка въ мірѣ, законодатель и воспитатель всего человѣческаго рода. Такимъ образомъ наша увѣренность, что къ счастію одинъ путь добродѣтели, утверждается на непоколебимомъ основаніи, и по сему - то добродѣтельному, въ какихъ бы онъ обстоятельствахъ ни находился, всегда сопутствуетъ успокоительная мысль, что любящему Бога и слѣдовательно любимому Богомъ все споспѣшествуетъ во благое.

6) *Государство*, по мнѣнію Платона, есть тоже самое въ большемъ видѣ, что въ меньшемъ каждый отдѣльно человѣкъ, и тоже назначеніе его и тѣже внутреннія и внѣшнія условія достиженія сего назначенія. Посему предпринявъ раскрыть сущность добродѣтели, Платонъ счелъ самымъ лучшимъ средствомъ къ тому, — представить черты ея въ образѣ идеальнаго Государства. Десять книгъ его *Республики* есть выполненіе этой мысли. Онъ думалъ, что генетическое объясненіе понятія о добро-

дѣтели, раскрытіе вліянія, какое она имѣетъ на чело-
вѣческое благосостояніе, подъ сею формою большее об-
ратить вниманіе читателей, — болѣе займетъ ихъ и дос-
тупище будетъ ихъ зарумѣнію. Здѣсь не мѣсто изчислять
подробно всѣ черты идеальнаго государства и распростра-
няться въ описаніи политическаго законоположенія, о ко-
торомъ онъ разсуждаетъ въ своихъ 12-ти *книгахъ о за-
конахъ* примѣнительно къ даннымъ, — земнымъ условіямъ
человѣка, — къ дѣйствительному его состоянію. Для насъ
довольно означить общія основныя мысли Платоновы о
сущности и строеніи государства. Причину, побудившую
людей соединиться въ гражданскія общества, надобно,
по мнѣнію Платона, отличать отъ цѣли сего соединенія.
Причина заключается въ томъ, что ни одинъ человѣкъ,
въ отдаленности отъ прочихъ, не имѣетъ достаточныхъ
силъ удовлетворить всѣмъ своимъ высшимъ и нижнимъ
потребностямъ; и такъ можно сказать, что нужда взаим-
ной помощи основала Государства. Цѣль гражданского
общества есть водвореніе между людьми правды и добро-
дѣтели, и слѣдствіе онаго счастіе cadaго. Государство
состоитъ изъ *трехъ частей* или трехъ классовъ граж-
данъ. Обязанности и занятія ихъ соотвѣтствуютъ функ-
ціямъ трехъ силъ душевныхъ. Во первыхъ въ государст-
вѣ долженъ быть классъ гражданъ, занимающій въ жизни
сего органическаго цѣлаго мѣсто чувствешной способнос-
ти пожеланій. Его обязанность пещись о заготовленіи
всѣхъ житейскихъ потребностей. Это классъ земледѣль-
цевъ и ремесленниковъ; и въ степени государственной за-

пимаеть послѣднее мѣсто. Ко второму классу, который служитъ представителемъ раздражительной способности души и тѣлесной силы, принадлежать тѣ граждане, которые охраняютъ и защищаютъ государство отъ вѣншихъ враговъ, и надзираютъ за соблюденіемъ законовъ внутри оаго. Это классъ воиновъ. Они суть непосредственные служители и исполнители повелѣній третьяго высшаго класса гражданъ, который, какъ представитель ума въ гражданствѣ, управляетъ всѣмъ цѣлымъ. Тщательное испытаніе рѣшить, какіе граждане способны быть защитниками государства; а изъ сихъ отличнѣйшіе поступаютъ въ классъ правительствующій. О воспитаніи вараждающихся сочленовъ, низшаго класса неужю государству заботиться. — Публичному надзору подлежать должно физическое и умственное образованіе будущихъ членовъ двухъ только высшихъ состояній. Воиновъ надобно обучать свободнымъ искусствамъ и Гимнастикѣ, а предназначенныхъ къ управленію государствомъ, — всѣмъ благороднымъ искусствамъ и занятіямъ и наконецъ философіи. Впрочемъ сіи классы не должны отдѣляться одинъ отъ другаго, подобно кастамъ; но надобно заблаговременно дѣлать разборъ между дѣтьми, и, смотря по ихъ дарованіямъ, перемѣщать ихъ изъ одного состоянія въ другое. Если всѣ состоянія вѣрно исполняютъ свои обязанности, то въ государствѣ процвѣтаютъ мудрость, мужество, воздержность, а слѣд. и правда. Государство есть нравственное лице: оно открываетъ въ мірѣ явленій идею добродѣтели въ возможно высшей степени. Изъ се-

го отношенія между составными частями государства слѣдуетъ, что та форма управленія есть наилучшая, единственно истинная, соответствующая здравому состоянію души, когда кормило государства находится въ рукахъ мужей наилучшихъ, мудрѣйшихъ, или, что то же, философовъ. — Ее можно назвать аристократіею въ благороднѣйшемъ смыслѣ сего слова. Въ ней верховное управленіе дѣлами можетъ принадлежать или одному лицу изъ нравственнаго сословія, или многимъ. Въ первомъ случаѣ бываетъ *Монархія*, а во второмъ *аристократія* въ обыкновенномъ значеніи сего слова. Видовъ неправильнаго государственнаго учрежденія четыре, изъ которыхъ каждое, относительно лучшее, при дальнѣйшемъ отступленіи отъ идеала, превращается въ непосредственно за нимъ слѣдующее худшее. Ближе всѣхъ къ совершенному учрежденію *тимократія*. Въ ономъ мудрость не въ томъ находится отношенія къ мужеству, въ какомъ бы надлежало ей находиться: она повинуется ему, вмѣсто того, чтобы повелѣвать имъ. Слѣдствіемъ сего бываетъ то, что члены высшихъ классовъ поступаютъ съ членами низшаго класса не какъ съ гражданами, сочленами одного и того же государства, но какъ съ рабами. Тогда гимнастика предпочитается свободнымъ искусствамъ, искусство военное философіи. Если въ такомъ государствѣ лишится своей силы воздержность, — а сіе очень можетъ случиться, когда мудрость занимаетъ подчиненное мѣсто: то произойдетъ *олигархія*. Здѣсь деньги — средство къ пріобрѣтенію чувственныхъ удовольствій, опре-

дѣляютъ достоинство гражданъ, а власть находится въ рукахъ богачей. Поселику же въ семъ случаѣ никакая нравственная сила не обуздываетъ пожеланій и страстей народныхъ: то сіи незамедлятъ возобладать. Бѣды начинаютъ не уважать богатыхъ властелиновъ, встаютъ, противъ нихъ и тогда разность сословій исчезаетъ, всѣ усваиваютъ себѣ право законодательства и управленія общественными дѣлами. Отсюда рождается *Демократія*. Неограниченная свобода высочайшее благо ея. Но свобода, неуправляемая высшимъ, дающимъ ей прочное бытіе, закономъ, становится буйнымъ своеволіемъ, необузданностію, и разторгаетъ всѣ узы, связующія цѣлое и части. Такое положеніе дѣлъ не можетъ быть продолжительно. Скоро кому нибудь одному удастся ласкательствомъ и другими низкими средствами пріобрѣсть уваженіе и расположеніе народное, и поселику его честолюбивымъ замысламъ непротивопоставляетъ преграды сила, неруководимая мудростію, то различными путями, довольно ясно обозначенными Исторіею, достигаетъ онъ до неограниченнаго господствованія. Ежели несомнѣнно, что чемъ далѣе уклоняется государственное устройство отъ предначиннаго оному идеала, тѣмъ болѣе отъ того происходитъ вреда для гражданъ: то по сей постепенности переходовъ его отъ лучшаго къ худшему можно судить, сколь пагубны могутъ быть для нихъ послѣдствія отъ недостаточной формы правленія. Чтожь касается до законодательства, то главною цѣлію, для которой законы даются, должно быть споспѣшествованіе правдѣ и доб-

родители. Посему высочайшею законодательною властію и въ государствѣ надобно почитать умъ не человѣческой, но Божій, открывающій первому волю свою.

7) Красота есть чувственное изображеніе духовнаго и тѣлеснаго совершенства. Истина и добродѣтель составляютъ съ нею одно цѣлое, которое производитъ чистую любовь, чуждую всякаго чувственнаго наслажденія.

Заключеніе.

§ 31. а) Возвышенный взглядъ на міръ, чистота нравственныхъ началъ, связность и полнота Платоновой системы, въ соединеніи съ благороднымъ и привлекательнымъ изложеніемъ, должны были имѣть сильное дѣйствіе на слушателей сего великаго мужа. Посему не удивительно, что изъ учениковъ его одинъ только рѣшился идти своимъ путемъ. Это Аристотель, гениальный не менѣе своего учителя. Прочіе сберегали и передавали другимъ полученное отъ своего наставника. До Арцезилая Академики, кажется, въ весьма немногихъ и самыхъ неважныхъ пунктахъ отступили отъ Платона. Не касаясь основанія и связи цѣлаго, они пытались только давать точнѣйшія опредѣленія философскимъ понятіямъ, предъуготовленнымъ впрочемъ Платономъ, но не прямо имъ выраженныхъ. При семъ особенное обращали вниманіе на отношеніе идей къ числамъ, и ученіе о первыхъ старались согласить съ Пифагоровымъ ученіемъ о послѣднихъ. Другіе труды ихъ маловажны.

b) Изъ учениковъ Платона отличившійся, кажется, былъ *Ксенократъ* Халкидопчанинъ, если, исключить Аристотеля, какъ мыслителя самостоятельнаго. Непосредственнымъ впрочемъ преемникомъ Платона въ званіи главы Академіи былъ *Спевзиппъ*, другъ его и родственникъ.

c) Спевзиппъ по причинѣ слабаго здоровья скорѣе передалъ свое мѣсто *Ксенократу*. За Ксенократомъ слѣдовали: *Палемонъ* Аѳинянинъ, *Кратторъ* Сициліанинъ, и *Кратесъ* Аѳинянинъ. Преемникъ послѣдняго ученикъ Палемона *Арцезилай* (родомъ изъ Паталы Эолійской) преобразовалъ ученіе своихъ предшественниковъ; отъ чего произошла, существовавшая довольно долгое время, школа, которую, для отличія отъ древней, называютъ *новою*.

d) Разсматривая Платона въ отношенія къ предшествовавшимъ ему философамъ, мы не можемъ не видѣть въ немъ умѣнья уяснять истины уже открытыя. Его умъ по своему преобразовалъ все, что онъ заимствовалъ отъ своихъ предшественниковъ и въ особенности отъ Пифагорейцевъ. Онъ умѣлъ совокунить различные опыты философіи, въ направленіяхъ своихъ противоположныя, въ одну систему, стройную по единству и направленію всѣхъ побужденій дѣятельности умозрительной и практической. Изъ безчисленныхъ услугъ, оказанныхъ Платономъ философіи, должно указать 1. на то, что онъ первый начерталъ законы мышленія, правила предложеній, заключеній и доказательствъ, правила ис-

тогда апалитическаго и покушался основать языкъ философѣй: 2. на то, что онъ изобразилъ Бога существомъ всеблгимъ и опредѣленнымъ образомъ вывелъ Божественныя свойства. Признавая Бога Творцемъ и Исполнителемъ закона нравственнаго, онъ пытался основать Теодицею, т. е. такое ученіе о Богѣ по которому Богъ не отвѣтствуетъ за зло, происходящее въ мирѣ, тѣмъ паче, что онъ расположилъ всѣ вещи такъ, что зло можетъ быть побѣждаемо; и 3. наконецъ на то, что онъ опредѣленнымъ образомъ училъ о духовности душъ и доказывалъ ихъ безсмертіе.

е) Пифагорейцы и Элеатики писали стихами; Платоновы разговоры хотя писаны прозой, впрочемъ исполнены воодушевленія стихотворнаго; они имѣютъ форму драматическую; въ нихъ видно все богатство роскошнаго воображенія, всѣ прелести краснорѣчія и духа Атическаго. До насъ дошло 35 разговоровъ или 36, ежели считать его творенія о республикѣ и законахъ. Къ нравственнымъ разговорамъ Платона относятся Федръ, Протагоръ и нѣкоторыя мѣлкія его сочиненія; къ Діалектическимъ Тестеть, Софистъ и Государственный человѣкъ; къ ученымъ Тимей, Республика и Законы. Горгій составляетъ переходъ отъ нравственности къ Діалектикѣ, а Федонъ и Филебъ отъ Діалектики къ учености. Хотя Сохерь, Астъ, Риттеръ и другіе изъ различія слога и заключаютъ, что нѣкоторые разговоры, приписываемые Платону написаны другими лицами: но различіе

слога говорить единственно о различных лѣтахъ жизни сочинителя, о различныхъ степеняхъ его прилѣжанія и философской собранности, о различныхъ направленіяхъ его духа. Философія Платонова есть идеализмъ; но благодаря мудрости и хорошему вкусу, которые руководили живое воображеніе сего великаго чловѣка, этотъ идеализмъ чуждъ всѣхъ нелѣпостей, коимъ подвергались элеатики.

f) Платона упрекаютъ тѣмъ, что онъ допускаетъ въ своей республикѣ пьянство въ честь Бахуса, общее употребленіе женъ, и изгоняетъ изъ своего общества Поэтовъ потому, что въ ихъ сочиненіяхъ много соблазнительнаго.

g) Для яснѣйшаго понятія система Платона представляется въ слѣдующей таблицѣ:

Л О Г И К А.

Несомнительная. Идем.	Частью подлежащая сомнѣніямъ. Отвлеченныя понятія.	Правдоподобная. Ощущенія.
-----------------------	--	---------------------------

М Е Т А Ф И З И К А.

Богъ существо само-бытнонеобходимое, вѣчная субстанція идей и причина формъ.	Душа міра происходящая отъ Бога и соединяющаяся съ матерією.	Матерія, начало претѣняемаго и относительнаго.
--	--	--

П С И Х О Л О Г И Я.

Область познанія и любви соответствующая идеаль. Духъ.	Область познанія и любви соответствующая об-щимъ понятіямъ. Разумъ.	Область познанія и любви соответствующая о-щущеніямъ. Чувство-
--	---	--

Ф И З И О Л О Г И Я.

Глава какъ органъ то- го, что находится возвы- шеннѣйшаго въ духѣ.	Сердце какъ органъ τὸ θυμὸς.	Органы внутреннихъ движеній души.
--	---------------------------------	--------------------------------------

Н Р А В С Т В Е Н Н О С Т Ъ.

Любовь чистая и со- вершенная.	Любовь смѣшанная.	Любовь чувственная.
-----------------------------------	-------------------	---------------------

П О Л И Т И К А.

Каста философовъ со- вершителей истинны.	Каста посредствующая между философами и ру- ководителями.	Каста руководителей какъ то ремесленниковъ и земледельцевъ.
---	---	---

Теперь займетъ насъ другой философъ, менѣе, мо-
жетъ быть, возвышенный, но болѣе обильный этаго.
Система Аристотелева составлена по другому методу, и
имѣетъ другое направленіе. Философія Аристотелева ос-
нована на Сенсуализмѣ; но правильный и твердый его ра-
зумъ предохранилъ его отъ тѣхъ заблужденій и изли-
шествъ, въ которыя увлечены были физики Ионійскіе.

АРИСТОТЕЛЬ.

§ 32. Аристотель родился 384 года до Р. Х., въ
Стагирѣ, городѣ Македонскомъ. Отецъ его Никомахъ,
изъ фамиліи Асклипадовой, былъ Медикомъ. (*) Въ юно-
сти своей онъ занимался врачебною наукою; и сія нау-

(*) Асклипій или Эскулапъ первый познакомилъ Грецію съ врачебною
наукою, и за такое благодѣаніе былъ причисленъ къ богамъ; его
свѣдѣнія были долгое время сохраняемы и предаваемы потомками его,
кои именовались Асклипадами.

ка безъ сомнѣнія сообщила ему расположеніе къ Естественной Исторіи, которую онъ въ послѣдствіи усовершенствовалъ. Будучи 17-ти лѣтъ онъ отправился въ Аѳины, и въ продолженіи 20-ти лѣтъ былъ ученикомъ Платона, который называлъ его умомъ своей школы, имѣющимъ однакожь нужду въ обузданіи. По смерти сего философа, онъ провелъ нѣсколько времени у Ермія, Государя Атарискаго въ Мизіи, на сестрѣ, или дочери котораго онъ въ послѣдствіи времени женился. Послѣ несчастной смерти Ермія, Аристотель отправился въ Митилену, откуда Филиппъ, Царь Македонскій вызвалъ его для воспитанія тринадцатилѣтняго своего сына Александра и благодарный воспитанникъ въ послѣдствіи признавалъ себя болѣе обязаннымъ наставнику, нежели отцу. По восшествіи этаго принца на престолъ, Аристотель удалился въ Аѳины; а по мнѣнію нѣкоторыхъ сопутствовалъ ему въ Египтъ, и явился въ Аѳинахъ по прежде 331 года до Р. Х., съ матеріалами для своей исторіи о животныхъ. Тамъ онъ основалъ училище, (*) въ зданіи называемомъ Лицеумъ, подлѣ храма Апполлона Ликійскаго; и въ ономъ преподавалъ уроки двухъ родовъ; одни, къ слушанію которыхъ были допускаемы все, имѣли предметомъ познанія, необходимыя въ жизни обыкновенной; а другіе были преподаваемы однимъ его ученикамъ.

(*) Это училище было названо перипатетическимъ или потому, что Аристотель училъ прохаживаясь *περιπατῶν* или потому, что классъ его находился въ залахъ *ἐν περιπατοῖς* Лицея.

По причинѣ этаго раздѣленія уроковъ въ послѣдствіи времени самыя сочищенія Аристотелевы, были раздѣлены на внутреннія или учебныя, и публичныя - внѣшнія. По смерти Александра Великаго Аристотель отъ гоненія принужденъ былъ удалиться въ Халцикъ Евбейскій, гдѣ онъ умеръ, какъ думаютъ, отъ яда на 63-мъ году своей жизни. Съ начала кажется, что нѣтъ ничего общаго между философіею Платона, и философіею Аристотеля; (дѣйствительно Историки много говорили о несогласіяхъ, бывшихъ между ними, и нѣтъ обыкновеннѣе мнѣнія, что эти великіе философы совершенно между собою противны): впрочемъ можно утвердительно сказать что между сими философами находится болѣе сходства, нежели сколько предполагаютъ. Каждый изъ нихъ, повинувся своему влеченію, не выходилъ изъ границъ предписываемыхъ разумомъ; а отсель сколько въ идеализмъ перваго, столько въ сенсуализмъ втораго соблюдены благоразуміе и умѣренность Сократовы, которыя предостерегаютъ ихъ отъ заблужденій, обыкновенно неизбѣжныхъ для той и другой системы; каждый изъ нихъ обнявъ весь кругъ философіи, могъ составить полную систему. Различіе между сими философами слѣдующее: Платонъ есть поэтъ; Аристотель наблюдатель: Платонъ блистаетъ слогомъ и воображеніемъ; Аристотель Логикою: Платонъ есть гений изобрѣтатель; Аристотель Гений классификаторъ: Платонъ болѣе идеалистъ; Аристотель болѣе эмпирикъ: Платону болѣе приличенъ ещitezь; Аристотелю анализъ.

Послѣдователи основателя Академіи, не находя въ Стагиритскомъ философѣ того, что имѣетъ ихъ учитель, почитаютъ его представителемъ и основателемъ Эмпирической философіи; а философы, старающіеся основать системы только на чувственномъ наблюдѣніи, и признающіе Аристотеля своимъ учителемъ, слятся представить Платона мечтателемъ, который терялся въ мірѣ идей первообразныхъ, весьма мало занимается приснобленіемъ философскихъ началъ къ природѣ и человечеству. Обѣ стороны равно ошибаются, и равно несправедливы. Изъ предыдущаго видно, что философія Платонова не всегда заоблачна. Его нравоученіе, политика, Теодицея, Логика достаточно показываютъ, что его высокій умъ не презиралъ положительныхъ слѣдствій, и не всегда вдавался въ отвлеченныя созерцація. Мы вскорѣ увидимъ, что и Аристотель въ этомъ отношеніи также неправъ, какъ и учитель его.

Впрочемъ, если обратить вниманіе на слѣдствія сенсуализма Аристотелева и идеализма Платонова; то никакъ нельзя согласить этихъ двухъ философовъ; а особенно, если взять въ расчетъ долгое время продолжавшееся раздѣленіе ихъ послѣдователей. Академики и Перипатетики, какъ это почти всегда бываетъ, возвышали системы своихъ учителей, и не имѣли такого благородія и умѣренности, какими обладали ихъ учителя; такого глубокомыслія, чтобы содѣлаться совершенными; поему между ними не могло существовать согла-

сїе, а тѣмъ болѣе продолжительная связь. Но надобно признаться, что Аристотель стяжалъ себѣ славу тѣмъ, что онъ удержался отъ губельныхъ слѣдствій, къ коимъ почти всегда влечетъ сенсуализмъ; а Платонъ тѣмъ, что сохранилъ крѣпость просвѣщеннаго разума даже въ цѣдрахъ идеализма.

Такъ Аристотель, усматривая въ нашей душѣ и въ природѣ тѣ начала и тѣ законы, о которыхъ мы уже не одинъ разъ говорили, и которые, по свойствамъ своимъ — необходимости и всеобщности, не могутъ быть доказаны опытностію, или доказываемы умствованіями, признаетъ ихъ произведеніемъ высшаго разума, отличнымъ уважняемаго; душа человѣческая, въ которой замѣчаются этѣ безусловныя начала, по егѣ мнѣнію, имѣетъ Божественную природу; а посему онъ признаетъ ее бессмертною.

Даже Аристотель сдѣлалъ болѣе Платона; онъ изучилъ, изчислилъ, раздѣлилъ на роды и разложилъ по категоріямъ тѣ самыя идеи, которыя Платонъ допустилъ, не упомянувъ о числѣ ихъ. Такое высокое усиліе ума есть одно изъ самыхъ смѣлыхъ предпріятій, каковыми не можетъ похвалиться и самый превыспренній идеализмъ.

Но здѣсь - то и начинаются несогласія между Платономъ и Аристотелемъ. Этѣ несогласія, бывъ въ началѣ слабыми, дѣлались часъ отъ часу важнѣе и значительнѣе. Идеи стоятъ на границахъ двухъ міровъ. Платонъ, бу-

лучи поражаетъ ихъ высокою , стремятся къ ихъ вѣчному Творцу, и безпрестанно возвышается за границы видимаго міра ; напротивъ Аристотель вмѣсто того, чтобы при посредствѣ этихъ идей, возвыситься чрезъ отвлеченіе къ ихъ невидимому источнику, старается слѣдовать за ними въ ихъ дѣйствительности и настоящемъ положеніи. Его тихій, положительный геній, врагъ отвлеченности, изучаетъ явленія міра, идетъ ощупью въ его глубинахъ. Впрочемъ свѣдѣніе объ этихъ отрѣшенныхъ началахъ, открытыхъ геніемъ Платона, было важнымъ приобрѣтеніемъ для философіи; Аристотель, обративъ проницательный взоръ на природу, искусства, науки и способности человѣческія, доставилъ ей чрезвычайный успѣхъ. Прежде его знаніе заключалось въ огромномъ собраніи, которое не могло быть обилто силами одного человѣка; его могущественная рука отторгла отъ этой кучи разныя части и обозначила ихъ свойства. Онъ положилъ основаніе Метафизикѣ, Логикѣ, Политикѣ, Естественной Исторіи, Физикѣ, Реторикѣ и Грамматикѣ. Отъ агаго постепенно распространялась область философіи и расширялся безпрестанно кругъ ума человѣческаго. Безъ сомнѣнія философія Платона была возвышеніе, нежели его; но Аристотель выигрываетъ своею обширностію то, что теряетъ Платонъ своимъ возвышеніемъ.

Аристотель раздѣляетъ познанія на посредственныя и непосредственныя, Первыя, по словамъ его, мы получаемъ изъ предварительнаго познанія, при помощи како-

го нѣбудь средства, а другіе рождаются сами по себѣ. Въ дѣйствительности послѣднихъ мы увѣраемся тѣмъ, что ихъ нельзя ни откуда выводить, и что для нихъ нѣтъ средствъ — онѣ заимствуютъ свою силу отъ самихъ себя. Первыя начала, говоритъ онъ, не могутъ быть доказаны по ихъ свойству; и вотъ почему, желавшіе доказательства для всякаго предмета, будучи въ самомъ дѣлѣ не въ состояніи найти основаній, должны были почитать всякое знаніе не возможнымъ. И такъ не должно спорить о началахъ. Аристотель также строго раздѣляетъ между собою знаніе и мнѣніе. Предметами послѣдняго суть хотя истинные предметы, но измѣняемые т. е. кои могутъ быть иногда истинными, а иногда ложными; а предметомъ знанія могутъ быть только общія начала. Онъ допустилъ три рода истинъ: I истины, познаваемые чрезъ доказательства, истины выводимыя; II истины общія, служащія основаніемъ для доказательства, и происходящія отъ разума; III истины частныя, которыя происходятъ отъ опыта. Истины втораго рода, или истины общія были въ свою очередь подробно изложены; онѣ подведены подъ десять категорій, (*) которыя суть не что иное, какъ объясненіи и приве-

(*) Мы увидимъ въ послѣдствіи, что категоріи Аристотеля были возобновлены подъ различными видами: Лейбницемъ подъ именемъ вѣчныхъ истинъ, Англискою школою подъ именемъ составительныхъ законовъ природы человѣческой, Кантомъ подъ именемъ идей чистаго разума, а въ наше время подъ именемъ отрѣшенныхъ истинъ, онѣ сдѣлались предметомъ вышшаго анализа Г. Кузеня, который пока-

денная въ порядокъ теорія идей Платоновыхъ. Онѣ составляли важный и существенный вопросъ Метафизики, а чрезъ оную и всей философіи.

Но не взирая на то, что Аристотель этимъ опытомъ распредѣленія по родамъ обнаружилъ свое искусство раздроблять; онъ въ приложеніи не извлекъ всѣхъ слѣдствій, каковыхъ можно было ожидать. Даже допущеніе этихъ началъ, подведенныхъ подъ категоріи, не согласно съ основнымъ положеніемъ Аристотелевой философіи, по коему утверждалось, что посредствомъ опытности должно восходить отъ частныхъ понятій, *τα κατ'εξασα* къ общимъ началамъ *τα καθόλου*. Аристотель не объясняетъ удовлетворительнымъ образомъ того, какъ эту всеобщность и необходимость можно производить отъ чувствъ и опытности, которыя всегда представляютъ одно случайное; изъ этого можно объяснить, почему философія, которая хочетъ все почерпнуть изъ опыта (а posteriori) сближается съ умозрѣніемъ, производимымъ отъ разума (а priori); почему Аристотель не употребилъ опытнаго метода во всей его силѣ; и поче-

завъ недостатки классификаціи предшественниковъ, подвелъ сіи начала подъ два: подъ начало винословности и подъ начало субстанціи. Десять категорій *praedicamenta* Аристотелевыхъ суть слѣдующія: субстанція, качество, количество, отношеніе, мѣсто, время, положеніе, владѣніе, дѣйствіе, страданіе; отъ этихъ категорій Аристотель отличаетъ категоремы *praedicabilia* которыя относятся къ первымъ и ихъ считается 3: родъ, видъ, различіе, существенное и случайное.

ѣму ему трудно, и даже совершенно невозможно было опровергнуть теорію идей, которую онъ самъ принималъ, какъ бы не зная того, только подъ другимъ именемъ, подъ другою формою. Эмпирической умъ Аристотеля по тойже причинѣ видимымъ образомъ подлежитъ вліянію идеализма, по коей идеальный умъ Платона подчинился владычеству Сократова ума.

По мнѣнію Аристотеля, Логика есть орудіе, или пособіе для всего званія, или философіи, но токмо относительно формы: опытъ долженъ доставить матерію, которая приводится въ порядокъ по общимъ началамъ. Это важное разграниченіе было сдѣлано въ послѣдствіи времени; особенно въ средніе вѣки оно было неизвѣстно; Аристотелевымъ формуламъ, и въ особенности силлогизму, котораго законы онъ раскрылъ, усвоили совсѣмъ не принадлежащую силу. Начало, на которомъ основывается Аристотелева Логика, есть начало противорѣчія, которое впрочемъ есть правило, а не основаніе истины въ умствованіяхъ. Первую часть Логики Аристотель обременяетъ такими замѣчаніями о понятіяхъ, которыя имѣютъ мѣсто въ общей грамматикѣ: во второй части сужденія раздѣляются на простыя и сложныя, утвердительныя и отрицательныя, общія и пр. Третія часть содержитъ умозаключенія. Діалектика основывающаяся на Логикѣ, есть наука о правдоподобномъ.

Главныя положенія его Физики суть слѣдующія: природа *φύσις*, непрестанно измѣняющаяся, не дѣлаетъ

ничего безъ цѣли; эта цѣль есть бытіе въ опредѣленномъ видѣ. Говоря о случаѣ всегда должно предполагать причины и дѣйствительныя законы, хотя мы ихъ не знаемъ; всякое измѣненіе необходимо предполагаетъ матерію и форму, измѣненіе есть осуществленіе возможнаго, поколику оно возможно; это осуществленіе возможнаго извѣстно подъ именемъ, еще доселѣ необъясненной Энтелехіи. Съ того времени, какъ возможная матерія принимаетъ форму, и открывается извѣстнымъ образомъ, она дѣлается опредѣленною, и уже лишается другаго образа, слѣдовательно матерія, форма и лишеніе составляютъ начала измѣненія. Измѣненію прилично мѣсто, а субстанціи качество, количество и мѣсто; время безпредѣльно, тѣла и пространство имѣютъ границы, хотя ихъ можно дѣлить до безконечности; движеніе вообще, подобно времени, не имѣетъ ни начала ни конца. Впрочемъ долженъ быть первый движитель въ себѣ недвижимый; этотъ движитель долженъ быть вѣченъ и неизмѣняемъ; Его бытіе состоитъ въ дѣятельности и жизни вѣчной и чистой; таковой движитель есть Богъ.

Аристотель раздѣляетъ способности души на способности ума и способности воли. Въ Психологическихъ сочиненіяхъ онъ разсматриваетъ способности ума; способности воли составляютъ предметъ его нравственныхъ разсужденій. Понятіе его о душѣ согласно съ теоріею его Метафизики. Онъ раздѣлялъ во всякой субстанціи матерію и форму; матерія души, говоритъ онъ въ своемъ

разсужденія о душѣ, похожа на воскъ, а форма подобна печати, изображенной на ономъ. Матерія къ формѣ относится также, какъ возможность къ силѣ которая соединившись съ первою, дѣлается дѣйствительностію; матерія сама по себѣ есть ничто, форма сообщаетъ ей опредѣленный видъ чрезъ энтелехію. Душа хотя различна отъ тѣла, — впрочемъ соединена съ нимъ, какъ форма съ матеріей; душа есть энтелехіа, или начало органической, чувственной и разумной жизни въ человѣкѣ и до тѣхъ поръ, пока не дѣйствуетъ, она есть сила дѣйствительная, но только усыпленная; а съ тѣхъ поръ, какъ она обнаруживаетъ свое дѣйствіе, она дѣлается силою совершенною. Эго опредѣленіе силы, какъ бы посредствующей возможности, между могуществомъ и дѣйствіемъ допустилъ Лейбницъ; но онъ, какъ мы увидимъ послѣ, далъ ей значеніе обширнѣйшее. Опредѣливъ свойства разумнаго начала, Аристотель съ удивительною точностію раскрываетъ главныя способности: чувственность, воображеніе, память, волю и воспитаніе. Его размысленія объ общемъ чувствѣ, о совѣсти, о которой онъ первый разсуждалъ съ ясностію, весьма занимательны, но разсужденія о единствѣ мыслящаго начала, въ тождественномъ существѣ, и опроверженія множества душъ не удачны. Приписывая душѣ неразрушимость, онъ не поставлялъ ея безсмертія въ памятованіи и сознаніи земнаго ея бытія послѣ смерти.

Теперь слѣдуетъ показать ирразственныя положенія,

коихъ держался основатель Лицея, на основаніи своихъ началъ. Здѣсь мы увидимъ, что хотя его умъ, образованный въ школь Платона, долженъ былъ сознаться во многихъ истинахъ умозрительныхъ, впрочемъ приспособляя оныя къ опыту, онъ весьма часто соглашался только на тѣ истины, въ коихъ удостовѣряютъ опытность и чувственное наблюденіе. Главнымъ предметомъ правоученія Аристотелева служить идея о высшемъ благѣ и конечной цѣли. Конечная цѣль есть счастье т. е. совокупность удовольствій, проистекающихъ отъ совершеннаго дѣйствія разума; Счастье, бывъ возведено до возможной степени совершенства, имѣетъ непрерываемое достоинство; Совершенное дѣйствіе разума есть добродѣтель. Итакъ добродѣтель есть совершенство разума какъ созерцательнаго, такъ и практическаго. Отсюда добродѣтель дѣлится на умственную и нравственную. Первая во всей своей полнотѣ принадлежитъ одному Богу, и составляетъ высочайшее счастье, или совершенное блаженство; вторая возможна для человѣка, и состоитъ въ постоянномъ и свободномъ усовершенствованіи разумной воли. Онъ первый объяснилъ психологическое свойство свободы; законъ ея состоитъ въ томъ, чтобы держаться середины между излишествомъ и недостаткомъ. Этотъ законъ есть произвольный законъ; ибо кто опредѣлитъ надлежащую мѣру человѣческихъ дѣйствій? Впрочемъ онъ предполагаетъ бытіе другаго закона возвышеннѣйшаго и постояннаго.

Началомъ политики Аристотелевой служить поль-

за т. е. сообразность средствъ съ ихъ назначеніемъ. Аристотель, на основаніи этого начала, защищаетъ рабство. По его мнѣнію, одни люди назначены для рабства, другіе для свободы и самовластія; послѣдніе должны повелѣвать, а первые повиноваться; и въ семъ заключается ихъ величайшая польза. Изъ смертныхъ одни бываютъ царями по праву природы, и для пользы всѣхъ. Этотъ царь по праву природы, по словамъ Кузена, столь сходенъ съ Александромъ великимъ, что не возможно не предполагать, чтобы учитель здѣсь не думалъ о своемъ ученикѣ — Героѣ. Но основательнѣе можно думать, что такое мнѣніе есть слѣдствіе точности его ума и вышепоказаннаго начала, по которому общество во первыхъ раздѣляется на рабовъ и господъ, потомъ одному изъ послѣднихъ дается въ управление прочіе, и онъ подчиняетъ страсти всѣхъ ихъ; политика Платона благопріятствуетъ республикѣ, впрочемъ Аристократической; а политика Аристотелева болѣе благопріятствуетъ монархіи. Одавнушала страхъ болѣе къ безпорядку, нежели къ тиранніи.

Его теорія изящныхъ искусствъ въ половину эмпирическая, не похожа на теорію Платонову о изящномъ идеальномъ; искусство, по его мнѣнію, состоитъ въ подражаніи природѣ. Риторика и Поэтика одолжены ему своею учебною формою, и по отношенію къ нимъ онъ по сіе время почитается законодателемъ. Къ этому титулу должно еще присоединить титулъ изобрѣтателя натуральной Исторіи. Его исторію животныхъ, и другими по-

добными сочинениями можно оправдать все то, что онъ говоритъ въ пользу опытности. Здѣсь то онъ показалъ неутомимую наблюдательность, собралъ богатые матеріалы, (*) описалъ явленія, раздѣлил ихъ и сравнивалъ съ удивительною точностію. Его исторіи о животныхъ и понынѣ ученые удивляются, не взирая на неизмовѣрные успѣхи наукъ естественныхъ.

Одинъ новѣйшій писатель услуги Аристотеля для философіи заключаетъ въ пяти его дѣйствіяхъ. 1) Въ раздѣленіи наукъ по ихъ родамъ. 2) Въ распространеніи ихъ области посредствомъ натуральной Исторіи, эконо-

(*) Удивительно, что изъ всѣхъ новѣйшихъ народовъ, одни только Испанцы, перевели на свой языкъ всё его творенія; но переводъ остался въ Мадридской библіотекѣ въ рукописи. Переводчикъ употребилъ десять лѣтъ на сей трудъ.

Думаютъ, что Александръ употребилъ болѣе 1000 человекъ, издержалъ многіе миллионы для того, чтобы доставить своему наставнику предметы, входящіе въ составъ натуральной исторіи и для его записокъ.

Много сочинялъ Аристотель, но мало издавалъ въ свѣтъ. Его рукописи достались ученику его Теофрасту, отъ Теофраста перешли къ Нелею, а наследники Нелея, опасаясь, чтобы цари Пергамскіе, не похитили такое сокровище зарыли ихъ въ сырую землю, въ которой они гнили 190 лѣтъ. Ихъ купилъ Апелликонъ и перенесъ въ Аѳины а Силла по взятіи Аѳинъ, отправилъ въ Римъ и позволилъ всѣмъ желающимъ списывать съ нихъ копіи. Одна изъ таковыхъ копій снятая Тираніономъ, отпущеникомъ Мецената досталась въ руки Андроника Родосскаго, который сочиненія Аристотеля перемотрѣлъ и привелъ въ порядокъ.

мія и пр. 3) Въ опредѣленіи и обогащеніи философскаго языка. 4) Въ соединеніи философской исторіи съ изученіемъ философіи. 5) Въ благоразумномъ употребленіи сомнѣній при изслѣдованіи истины. Ему можно поставить въ вину: 1) лвное желаніе упизить философовъ, ему предшествовавшихъ. 2) Чрезвычайную темноту и сухость слога. 3) Чрезмѣрное притязаніе на систематическую связь. 4) Злоупотребленіе техническихъ выраженій, раздѣленій и разграниченій.

АКАДЕМИКИ.

§ 33. Философія Платонова состояла изъ двухъ отдѣльныхъ частей, отъ соединенія которыхъ образовалась прекрасная его система, разсуждающая о Богѣ, человѣчествѣ и мірѣ. Первая часть, которой держались нѣкоторые избранные ученики его, преимущественно состояла изъ науки объ идеяхъ и созерцаніи отрѣщенныхъ началъ, кои въ высшей степени просвѣщаютъ человѣческую разумъ, и объ отношеніи коихъ къ Пифагорову ученію о числахъ мы уже говорили. Другая часть, предметъ преподаванія публичнаго, была болѣе діалектическая, нежели догматическая, и опредѣляла болѣе область человѣческаго знанія. Отъ этого двоякаго ученія произошли двѣ системы совершенно различныя; одной досталась въ удѣлъ высокая теорія, а другая вмѣщала то оружіе, которое Платонъ употреблялъ противъ человѣческаго разума, оставленнаго самому себѣ. Отсюда произошелъ догматизмъ первой Академіи, и Скептицизмъ новой Академіи; каж-

дый изъ нихъ, дѣнь отъ дня увеличивался въ своемъ объемѣ, болѣе и болѣе отдѣлялъ одну Академію отъ другой. Первая Академія, управляемая непосредственными преемниками Платоновыми, была совершенно Пифагорейская и Идеалистическая; въ ней болѣе и болѣе раскрывалась философія Платона. Спевсиппъ, племянникъ основателя Академіи, написалъ много сочиненій, которые впрочемъ до насъ не дошли. Онъ допускалъ два признака истины, изъ коихъ одинъ относится къ вещамъ, подлежащимъ чувствамъ, а другой къ предметамъ, принадлежащимъ къ области знанія. Онъ весьма мало перемѣнилъ ученіе Платона впрочемъ въ его системѣ можно замѣтить склонность къ Пифагорову ученію; — въ сочиненіяхъ Ксенократа, знаменитѣйшаго философа этой школы, явно обнаруживается идеальное направленіе. Онъ возобновилъ единицу и двоицу и терминологию системы Пифагоровой, называлъ душу числомъ самодвижущимся, въ особенности распространилъ Психологию Пифагорову, и усиливался, по правоученію Платона, возвышать только добродѣтель, а все прочее унижать. Потомъ Академію управлялъ Полемонъ Аѳинскій, а ему наследовалъ Кратесъ: они оба подтверждали свое ученіе жизнью, за что и были въ великомъ уваженіи у своихъ современниковъ. По причинѣ тѣсной связи ихъ во время жизни они были погребены въ одной могилѣ. Наконецъ ученіе основателя школы поддерживалъ Кранторъ Солійскій, другъ и ученикъ Ксенократовъ; онъ нѣсколько измѣнилъ ученіе пародное и практическое.

ПЕРИПАТЕТИКИ.

§ 34. Для учения Аристотелева послѣдователи его дѣлали тоже самое, что и Академики для учения Платонова. Ученики Платоновы первоначально занимались правоученіемъ; а Перипатетики болѣе физикою. Теофрастъ, замѣчательнѣйшій изъ учениковъ Аристотелевыхъ, извѣстный по натуральной исторіи, называетъ Божественнымъ какъ ученіе о разумѣ, которое собственно принадлежитъ Аристотелю, такъ и Астрономическую его систему. Эвдемъ только раскрылъ мнѣнія Теофрастовы; а въ правоученія добродѣтель заключилъ въ счастіи. Дециархъ и Аристоксенъ старались опредѣлять интелехію, но безъ успѣха, и приняла то мнѣіе, впрочемъ отвергнутое Аристотелемъ, по которому душу заключали въ тройной гармоніи; эта гармонія, по мнѣнію ихъ, зависитъ отъ организаціи тѣла: душа есть иное, нежели тѣло; она есть матерія, по своей сущности единая и простая, составныя части коей такъ распоряжены и уравнены между собою, что могутъ производить жизнь и чувство.

Стратонъ Лампсакійскій, Физикъ, съ ученіемъ о Богѣ сдѣлалъ тоже, что предшествовавшіе философы сдѣлали съ ученіемъ о душѣ. Вопреки ученію Аристотелю о первой причинѣ, онъ не находилъ разума и мудрости въ порядкѣ явленій міра; природа, говоритъ онъ, сама по себѣ имѣетъ извѣстную силу жизни и дѣятельности; она не имѣетъ ни чувствованія, ни формы; все происходитъ

само собою безъ посредства Творца; эта система колеблется, какъ видно, между Атеизмомъ и Пантеизмомъ. Психологія его не отличается отъ психологіи системы совершенно сенсуалистической; по его мнѣнію, дѣйствіе мысли состоятъ исключительно въ чувствованіи, и онъ первый эту гипотезу усилилъ.

Между учениками Теофраста замѣчательнъ еще Дмитрій Фалерейскій, ораторъ. Онъ въ продолженіи десяти лѣтъ мудро и благоразумно управлялъ Аеянами, и по удаденіи въ Египеть, при Птоломеевѣ Сотерѣ собралъ славуую Александрійскую библіотеку, и былъ главнымъ при переводѣ 70 толковниковъ. Сочиненія, написанныя имъ въ уединеніи, преимущественно относятся къ нравственной философіи. О прочихъ послѣдователяхъ Аристотелевыхъ историки говорятъ только то, что они въ особенности занимались разсужденіями о высшемъ благѣ.

ШКОЛА ЭПИКУРОВА.

§ 35. Мы видѣли, что непосредственныя послѣдователи Платона и Аристотеля, не имѣли силъ обнять вдругъ всё части философіи, и потому ограничились изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ открытій, сдѣланныхъ этими двумя великими мужами, и увидимъ, что они долго будутъ заниматься исключительно изслѣдованіемъ частныхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы слѣдовать за смѣлымъ полетомъ Платона, нужно имѣть нравственное воодушевленіе, а оно рѣдко между людьми; но чтобы слѣ-

довать за Аристотелемъ во многочисленныхъ его номенклатурахъ, нужны неутомимое стремленіе къ познаніямъ, обширныя положительныя свѣдѣнія и особенная прозорливость, а этими дарованіями совокупно весьма рѣдко обладаютъ. Посему послѣ нихъ необходимо должны были явиться системы, болѣе вразумительныя, и болѣе приспособленныя къ состоянію умовъ. Удовлетворить этому требованію взялись двѣ школы, кои занялись тою частию философіи, которая болѣе близка къ общимъ потребностямъ жизни, къ взаимнымъ отношеніямъ, соединяющимъ членовъ общества т. е. правоученіемъ и публичнымъ правомъ. Первая была основана Эпикуромъ, и известна подъ его именемъ; а другую основалъ Зенонъ Китійскій, ученики коего назывались Стоиками.

Эпикуръ, изъ селенія Гаргетты, лежащаго близъ Аѳинъ, происходилъ отъ бѣдныхъ родителей: его отецъ Самоскій поселенецъ, пытался отъ должности школьнаго учителя, а мать была ворожею. Еще въ молодыхъ лѣтахъ въ немъ пробудился философскій геній — отъ чтенія сочиненій Демокритовыхъ; потомъ въ Аѳинахъ онъ слушалъ уроки, впрочемъ поверхностно, академика Ксенократа, Теофраета и другихъ. На 32-мъ году своей жизни онъ самъ открылъ школу въ Лампсакѣ, и спустя пять лѣтъ перевелъ ее въ Афины. Здѣсь въ своемъ саду онъ училъ философію, которая отличалась свисходительностію къ требованіямъ чувствъ, отвращеніемъ отъ всякаго суевѣрія и тонкимъ вкусомъ и благоприличіемъ. Нѣтъ фи-

лософа, который бы былъ предметомъ столь противоположныхъ мнѣній, и который бы равно былъ хвалимъ и порицаемъ; впрочемъ несправедливо было бы приписывать его характеру тѣ недостатки, которымъ подвержено его ученіе. Изъ новыхъ философовъ Гассендій защитилъ отъ царѣканій память Эпикура; но онъ немогъ предотвратить гибельныхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ системы этаго философа. Его можно обвинять за гордость, съ каковою онъ часто унижалъ труды другихъ философовъ; а въ особенности онъ былъ несправедливъ къ Демокриту, у котораго, по словамъ Цицерона, онъ многое заимствовалъ.

Эпикуръ, какъ открытый врагъ умозрѣнія, не вѣрилъ, будто наукамъ можно учиться для нихъ самихъ; онъ искалъ цѣли болѣе положительной и частной. Философія, по его мнѣнію, состоитъ въ познаніи и указаніи средствъ къ счастью человѣческому; препятствія къ этому счастью онъ находилъ въ предразсудкахъ, въ обольщеніи, въ заблужденіяхъ и въ невѣденіи. Это невѣденіе состоитъ или въ незнаніи законовъ, которыми управляетъ міръ; отъ него рождается суевѣріе и пустой страхъ, смущающій душу; а отсюда явствуется необходимость физики, какъ руководства къ правоученію; или въ неумѣніи человека употреблять свои способности; отсюда явствуется необходимость прежде всего узнать въ точности разумъ человѣческой. Эпикуръ эту часть философіи, которую онъ почитаетъ введеніемъ въ свою теорію о счастья, называлъ каноцикою. У него проще всего теорія человеческого поз-

панія. Тѣла, изъ которыхъ слагается вселенная, произошли изъ атомовъ, и непрерывно извергаютъ изъ себя нѣкоторыя части. Эти атомы, прикасаясь къ чувствамъ производятъ чувствованія *αἰσθησις*. Всякое чувствованіе можетъ быть разсматриваемо по отношенію къ его предмету, или по отношенію къ имѣющему оное. Далѣе всякое чувствованіе бываетъ всегда справедливо, оно не можетъ быть ни утверждаемо, ни опровергаемо; и само по себѣ очевидно. Всѣ наши общія идеи мы почерпаемъ изъ чувствованій, изъ идей чувственныхъ потому, что чувствованія заключаютъ въ себѣ *per anticipatiōem* предварительно корни общихъ идей.

Неизвѣстно, что разумѣлъ Эпикуръ подъ этими *anticipatiōes* или предвѣдѣніями *προληψεις*, отъ коихъ онъ производилъ общія идеи: что касается до ихъ свойства, то онъ положительно говоритъ, что онѣ ни безусловны, ни необходимы; онѣ суть произведеніе человѣческаго разума, и по сему не изъяты отъ погрѣшностей. Ошибка не заключается ни въ чувствованіи, ни въ идеи чувствованія, но въ родовыхъ понятіяхъ, которыя мы изъ оныхъ извлекаемъ. Нѣтъ ничего смѣшнѣе и бесполезнѣе, по словамъ его, сбивчивой науки, и ничтожныхъ формулъ, выдуманныхъ діалектиками; умозаключенія самыя отвлеченныя, по своему свойству, не отличаются отъ умозаключеній общаго смысла. Вся Логика состоитъ въ томъ, что бы имѣть ясныя и раздѣльныя понятія, отличать съ осторожностію то, что изъ оныхъ слѣдуетъ.

отъ того, что не слѣдуетъ, и умѣть надлежащимъ образомъ устремлять вниманіе на предметы.

Физика Эпикурова неотлична отъ физики Демокритовой. Эпикуръ только усовершилъ и раскрылъ гипотезу объ атомахъ; онъ эгими атомами изъясняетъ систему міра, не прибѣгая къ первому движителю, къ первому разуму. Впрочемъ онъ признаетъ Боговъ, но тѣлесныхъ, потому, что чистые духи по теоріи атомической невозможны. Боги эги похожи на призраки, дѣйствующіе на насъ во снѣ и производятъ въ умѣ человѣческомъ неизъяснимое впечатлѣніе, подѣ именемъ религіознаго чувства. Это среднее между духомъ и матеріею, которымъ Эпикуръ объяснилъ загадочную природу боговъ, послужило ему основаніемъ ученія о природѣ души. Демокритъ прямо утверждалъ, что душа есть тѣло, состоящее изъ тонкихъ атомовъ огненнаго свойства, а Эпикуръ прибавилъ, что для изъясненія чувствованія недостаточно атомовъ, и что должно прибѣгнуть къ другому основанію. А это основаніе есть средина между душою матеріальною и душою нематеріальною; или лучше сказать, матеріальный элементъ, подобный духамъ животнымъ XVII столѣтія, или нервной жидкости XVIII.

Разсмотримъ теперь правоученіе Эпикурово. На томъ основаніи, что главнымъ дѣйствіемъ души человѣческой суть чувствованія, ея испытываемыя, первымъ закономъ, которому она должна повиноваться, должно быть удаленіе отъ непріятныхъ чувствованій, и исканіе пріят-

ныхъ. Это же нравоученіе естественнымъ образомъ вытекало изъ матеріальной системы Демокрита, и на немъ же Аристиппъ основалъ свою систему. Но Эпикуръ раздѣляетъ пріятныя чувствованія и удовольствія на роды; онъ разсуждаетъ объ ихъ продолжительности, силѣ и слѣдствіяхъ, и требуетъ, чтобы разумъ разбиралъ ихъ. Безъ сомнѣнія, живыя удовольствія и испытываемыя нами весьма содѣйствуютъ раскрытію нашей нравственности, или физической дѣятельности; но не имѣютъ ли онѣ иногда худыхъ послѣдствій? Почему должно наслаждаться ими съ умѣренностію, стараться объ истинномъ счастіи, состоящемъ въ душевномъ покоѣ. Когда душа не имѣетъ спокойствія, тогда не можетъ быть счастья; въ такомъ случаѣ существуетъ одно только удовольствіе. Но этаго спокойствія нельзя пріобрѣсти безъ добродѣтели; безъ нее нѣтъ продолжительныхъ удовольствій, нѣтъ истиннаго счастья; при добродѣтели и мудрости не можетъ быть безпокойныхъ удовольствій потому, что въ нихъ заключается спокойствіе и счастье души.

Такимъ образомъ Эпикуръ признаетъ необходимость добродѣтели, онъ ее безпрестанно хвалитъ; но онъ отнимаетъ отъ нее всю обязательную силу, признавая ее только необходимымъ средствомъ къ счастію. Наконецъ эту добродѣтель, высоко имъ цѣнимую, онъ унижаетъ, если смотрѣть на нее въ отношеніи къ ближнимъ нашимъ. Такъ онъ ищетъ прежде всего спокойствія душевнаго; но можемъ ли мы обладать имъ, когда испол-

пріемъ должности, возлагаемыя на насъ обществомъ? Чтобы не нарушить этаго внутренняго счастья, не надобно быть ни супругомъ, ни отцомъ, ни гражданиномъ, ни начальникомъ, ни воиномъ, однимъ словомъ, должно расторгнуть всѣ связи семейственныя и общественныя; но тогда чѣмъ это безстрастіе *атараксія* будетъ отличаться отъ совершеннаго Эгоизма? Словомъ сказать, ученіе Эпикура, основанное на чувствованіи, по неизбежному слѣдствію сенсуализма, сначала впадаетъ въ матеріализмъ, потомъ въ атеизмъ, а наконецъ допускаетъ такое правоученіе, которое въ высшей степени благопріятствуетъ Эгоизму.

Но, къ счастью человѣчества, не многіе философы въ образъ жизни держались своихъ теорій. Эпикуръ, основавшій философію счастья, которая вела къ Эгоизму, могущему довести и доведшему въ самомъ дѣлѣ поздѣйшихъ послѣдователей его ученія до преступленій и разврата, заслужилъ своимъ пріятнымъ и благороднымъ характеромъ уваженіе, и былъ почти обожаемъ своими многочисленными учениками. Ему воздвигнуты были статуи, и въ его честь отправлялись церемоніи; точно также неукоризненъ характеръ первыхъ Эпикурейцовъ. Изъ нихъ славны; Метродоръ, почитаемый вторымъ Эпикуромъ, достойный уваженія по своимъ добродѣтелямъ, и многимъ сочиненіямъ противъ Софистовъ и Діалектиковъ; Гермахъ Митиленскій, котораго самъ Эпикуръ назначилъ своимъ преемникомъ, мужъ, сдѣлавшійся изъ раба Эпикурова любимымъ его ученикомъ и славнымъ философомъ; Идомей,

отъ коего Сенека, по собственному его признаванію, научился строгости въ сужденіи; и многіе другіе, о которыхъ историки говорятъ съ похвалою. Школа Эпикурова существовала долгое время безъ перемѣны. Послѣ она болѣе раскроется, и вступитъ въ споръ съ Школою Стоиковъ.

ЗЕНОНЪ И СТОИКИ.

§ 36. Счастіе и добродѣтель неразлучны; съ исполненіемъ обязанностей всегда соединяется внутреннее удовольствіе, которое служитъ наградою. Разбирая дѣйствія душевныя очень ясно можно видѣть подтвержденіе этаго въ сознаніи человѣческомъ; но погрѣшимъ, если на основаніи отношенія, ихъ соединяющаго, будемъ принимать ихъ одно за другое. Эпикуръ, принявъ за основаніе своей философіи удовольствіе, почиталъ все остальное постороннимъ; а отсель необходимо вытекало такое положеніе, что добродѣтель есть дѣло сторонняго, и что ее можно оставлять въ томъ случаѣ, когда мы можемъ достигнуть безъ нее конечной цѣли настоящей жизни, т. е. удовольствія. Зенонъ всталъ въ противную крайность: отвергая главное начало философіи Эпикуровой, онъ училъ добродѣтели строгой и суровой, даже вопреки закона, начертаннаго въ нашей совѣсти, которымъ возвѣщается намъ, что счастіе должно быть слѣдствіемъ исполненія обязанностей; и что родъ человѣческой не создастъ для добродѣтели лишешной всякаго удовольствія.

Онъ родился въ Киттіи на островѣ Кипрѣ, отъ бо-

гатаго купця. Говорятъ, что онъ былъ выброшенъ въ Аѳины кораблекрушеніемъ, и что это происшествіе, которое онъ почиталъ счастливѣйшимъ въ жизни, рѣшило его на занятіе философіею. Онъ учился у Циника Кратеса, у Мегарійцевъ Сильпона и Діодора, у Академиковъ Ксенофана и Подемона. Такимъ образомъ онъ имѣлъ случай согласить разногласія Сократовой школы. Въ портикѣ *сѳа* въ Аѳинахъ онъ составилъ школу, извѣстную по множеству философовъ, приверженныхъ къ добродѣтели, по своему вліянію на общество и на дѣятельную жизнь и по борьбѣ съ порокомъ и деспотизмомъ. Говорятъ, что Зенонъ послѣ жестокаго ушиба заставилъ себя убитъ 260 года до Р. Х. Эпикуръ умеръ прежде его.

По мнѣнію Стоиковъ, цѣль человѣка есть совершенство, для достиженія котораго необходимы три условія: здравый разумъ, точное познаніе вещей и безпорочная жизнь. Посему философія у нихъ раздѣляется на три части: на Логіку, Физиологію и Иѳіку.

Логика Зенона и его послѣдователей гораздо обширнѣе Логики Аристотелевой; частною цѣлію ея; вопреки народнымъ мнѣніямъ, было основаніе знанія твердаго и непоколебимаго, знанія, достойнаго мудреца; основныя начала ея суть слѣдующія: послѣ, произведеннаго на душу виѣшними предметами, впечатлѣнія т. е. послѣ чувствованія *αἰσθησις*, душа представляетъ образъ предмета; этотъ образъ у Стоиковъ называется *φαντασμα*, *visum*. Кромѣ этого познанія, совершенно опытнаго, есть еще

общія идеи, происходящія отъ чувственности. Ихъ образуетъ разумъ изъ представлений, произведенныхъ чувствами. —

Философы этой школы точно не опредѣляютъ двухъ началъ познанія человеческого, можетъ быть, потому, что самъ основатель не говорилъ о нихъ раздѣльно. Но Хризиппъ допускалъ въ душѣ человеческой бытіе способности образовать общія понятія, чрезъ сравненіе и соединеніе идей частныхъ; а разумъ вся эта школа почитала способностію вышею и управляющею. Правилкомъ для познанія истины она почитала здравый разумъ *ορθός λόγος*, который понимаетъ предметъ надлежащимъ образомъ.

Точно таковы же основанія Физіологіи Зеноновой. Онъ допускалъ въ мірѣ два начала: одно страдательное — матерію *υλη πρώτη*, а другое дѣйствующее, разумное — Бога. Богъ существуетъ не отдѣльно отъ міра, онъ имъ управляетъ и составляетъ душу его, а вселенная есть цѣлое одушевленное, органическое тѣло, коего всѣ части между собою соединены и дѣйствуютъ другъ на друга. Богъ на мірѣ дѣйствуетъ по непремѣннымъ и постояннымъ законамъ, которые составляютъ родъ вещественной формы. Разсуждая о происхожденіи существъ органическихъ, стоики называютъ оныя *λόγοι βλασματικοί* *rationes seminales*. На этомъ понятіи основывается ихъ умозрѣніе о причинахъ. Древніе говорили: *изъ ничего не бываетъ ничего*; а Зенонъ говоритъ: *ничего не бываетъ безъ причины*. Связь между причинами и дѣйствіями без-

предѣльна. Настоящее заключаетъ въ себѣ начало будущаго; а само есть слѣдствіе предыдущаго. Этотъ вѣчный, общій порядокъ, въ слѣдствіе коего все случающееся должно случиться, составляетъ Стоическую судьбу, главный законъ необходимости, управляющій всѣми явленіями, который не есть законъ механической потому, что происходитъ отъ причины разумной, отъ всемогущества и премудрости Божіей. Настоящіе Стоики допускаютъ провидѣніе, а не рокъ. Въ ихъ ученіи нѣтъ пантеизма, какъ нѣкогда ихъ упрекали, но допускается дуализмъ (два начала), и въ слѣдствіе Богоученія явно проповѣдуется, хотя еще не полно, совершенство міра (оптимизмъ). Если Богъ существуетъ, и является въ мірѣ по законамъ, поставленнымъ для него Имъ же самимъ; то міръ, особенно по своему устройству и по своему порядку есть прекрасное твореніе, есть наилучшій, разумный. Безъ сомнѣнія это ученіе о совершенствѣ міра не одинаково съ ученіемъ Христіанскимъ и Лейбницевымъ: по ученію Стоической философіи доставляетъ славу и то, что она нѣсколько близка къ этимъ ученіямъ.

Таковой метафизикѣ соотвѣтствовало и правоученіе. Когда разумъ есть основная сила человечества, законъ природы и правило дѣйствія для самаго Бога; то слѣдуетъ, что практической законъ преимущественно состоятъ въ жизни, сообразной съ разумомъ. Изъ этаго основнаго правила нравственности выводятся слѣдующія заключенія: ежели разумъ есть единственное правило всѣхъ

дѣйстви́й челоуѣческихъ , то слѣдуетъ , что только дѣйствія , сообразныя съ разумомъ , суть добрыя , а несообразныя съ нимъ суть злыя . Далѣе ежели разумъ составляетъ достоинство челоуѣка ; то сообразность нашихъ дѣйстви́й съ разумомъ есть единственная и главная цѣль всѣхъ нашихъ дѣйстви́й , единственная цѣль для челоуѣка и верховное благо его потому , что верховное благо существа состоитъ въ сообразности съ закономъ и цѣлю его бытія т. е. съ его природою . Итакъ верховное благо *eudemonia* заключается въ сообразности дѣйстви́й челоуѣка съ разумомъ . По этому же правилу надобно судить о злѣ , и для сужденія о немъ нѣтъ другаго правила .

Удовольствій и неудовольствій нельзя назвать ни добрыми ни худыми ; въ нихъ нѣтъ ни добра ни зла ; физическія послѣдствія дѣйстви́й ни какого неимѣютъ значенія . Итакъ , по ученію Зенона , должно добромъ почитать только то , что добро , не зависимо ни отъ какихъ обстоятельствъ , слѣдовательно одну добродѣтель , подобно какъ зломъ должно щитать одинъ порокъ . Нравственность , какая требуется отъ людей , состоитъ въ возвышеніи его до безстрастія и презрѣнія всѣхъ стрістныхъ побужденій , въ освобожденіи отъ гибельнаго плѣнничества стрістей , и подчиненіи разуму всѣхъ побужденій , въ признаніи тѣхъ только дѣйстви́й достойными мудраго , кои предписываетъ разумъ , въ предпочтеніи честнаго полезному , въ безпрестанномъ устрѣмленіи вниманія къ образу совершенства , составляющему конецъ всѣхъ благъ

человѣческихъ, въ просвѣщеніи разума познаемъ законоположенія вѣчнаго, всеобщаго, даровавшаго видоу нашему всѣхъ существъ и непечатлѣннаго на всѣхъ его дѣлахъ, въ рѣшимости жить добродѣтельно, на основаніи долга и обязательства, независимо отъ личныхъ выгодъ, въ соединеніи между собою всѣхъ добродѣтелей, въ постоянствѣ, мужествѣ и пожертвованіи всѣмъ для нея. Зенонъ, по словамъ Цицерона, имѣлъ въ виду одну нашу душу, какъ бы мы совсѣмъ не имѣли тѣла. Платонъ возвысилъ человѣческой умъ; Аристотель старался оковать его правилами; Эпикуръ, его унизилъ; Стоики имѣли вліяніе не столько на умственные способности, сколько на характеръ челоуѣка.

Такова хорошая сторона врауоченія Стоическаго. Оно въ самомъ дѣлѣ достойно тѣхъ похвалъ, кои ему воздаются. Но заблужденія, въ которыя оно впадо, и о которыхъ мы будемъ далѣе говорить, покажутъ, что нельзя безнаказанно противиться началамъ общаго смысла.

Всѣ дѣйствія, по словамъ Стоиковъ, суть сообразныя, или несообразныя съ разумомъ. Всѣ дѣйствія, сообразныя съ разумомъ, соединяются между собою тѣмъ, что онѣ сообразны съ разумомъ. Отсель происходитъ равенство всѣхъ дѣйствій добрыхъ. Всѣ дѣйствія злыя соединяются между собою въ несообразности съ разумомъ; следовательно онѣ равны между собою, въ отношеніи къ несообразности съ разумомъ: отсель нѣкоторыя Стоики, а особенно Стоики Римскіе допустили

смѣшную нелѣпость, что всѣ дѣйствія злыя равны между собою, т. е. будтобы лгать и убивать суть дѣйствія равныя.

Далѣе, что препятствуетъ человѣку поступать всегда сообразно съ разумомъ? Страсть. Итакъ страсть есть врагъ, котораго человѣкъ обязанъ ерзывать; отсель нравственная сила, великодушіе, постоянство весьма хорошо выражены въ двухъ повелѣніяхъ: *ἄνεχθαι*, безропотно сноси несчастія настоящей жизни, и *ἄπεχεσθαι* воздерживайся. — Нравоученіе Стоическое предписываетъ человѣку всемъ жертвовать для того, чтобы не нарушить спокойствія души своей и внутренней чистоты. Для человѣка, предавшаго исключительно одному попеченію о своей душѣ, что можетъ быть полезнѣе уединенія и прекращенія всѣхъ отношеній къ міру? Такимъ образомъ философія Стоиковъ началами противоположными началамъ Эпикуровой школы доводитъ до Эгоизма. Добродѣтели Стоиковъ были бесполезны для міра; ихъ твердость и удивительное постоянство въ борьбѣ разума со страстями, составлявшей для нихъ единственный предметъ дѣятельности, не имѣли никакого вліянія на счастье человечества. Главнымъ предметомъ ихъ попеченія была чистота души: отсель происходило, что когда эта чистота подвергалась опасности, и они отчаявались въ побѣдѣ, то они прибѣгали, подобно Катону, къ самоубійству *ἄυτοχειρία*.

Клеантъ послѣдователь Зенона, очень мало приба-

вилъ къ ученію его: онъ овеществилъ еще болѣе понятія, коихъ учитель его не могъ съ ясностію отдѣлить отъ вещественныхъ условій; впрочемъ онъ оказалъ философіи услугу изложеніемъ способа доходить до понятія о существѣ верховномъ, совершенномъ, изъ разсматриванія постепенныхъ совершенствъ въ системѣ существъ. Стобей сохранилъ намъ его гимнъ въ честь Юпитера, который по справедливости щтается изящнѣйшимъ произведеніемъ древней поэзіи.

Хризиппъ исправилъ опредѣленіе образа *фантазма*, испорченное Клеантомъ. Онъ раздѣлилъ предметъ, представляемый отъ предмета вымышляемаго воображеніемъ, и такимъ образомъ нѣсколько объяснилъ дѣйствіе понятія. Преимущественно же онъ славенъ по искусству, съ каковымъ защищалъ противъ новыхъ Академиковъ ученіе Стоическое, испровергаемое Арцезилаемъ. Дабы съ честію выдержать этотъ споръ, онъ старался усовершенствовать Зенову логику; по этому сами Стоики почитаютъ его за основателя этой части ихъ философіи. Они о его логикѣ имѣли весьма высокое мнѣніе. Ежелибъ Боги, говорили они, имѣли нужду въ логикѣ, то безъ сомнѣнія они воспользовались бы логикою Хризиппа.

Цицеронъ Родосскій другъ Полибія, наставникъ Циціона Африканскаго и спутникъ его въ путешествіяхъ, первоначально училъ въ Афинахъ, а потомъ Стоическую философію перенесъ въ Римъ. Цицеронъ, превозносящій его похвалами, имъ руководствовался въ разсужденіи

своемъ о должностяхъ. По свидѣтельству Римскаго философа, его ученіе во многомъ сходствовало съ ученіемъ Платона, котораго онъ въ своихъ сочиненіяхъ называлъ Божественнымъ Платономъ, мудрѣйшимъ и непорочѣйшимъ изъ людей, Гомеромъ философіи. Онъ сочинилъ философскую исторію, объ утратѣ коей не лзя не жалѣть. Мнезаркъ и Поссидоній собственно старались о приведеніи въ порядокъ Стоической философіи. У послѣдняго учился Цицеронъ. Онъ не удовлетворялся однимъ умозрѣніями философскими, но занимался также другими науками, а особенно Геометрією и Географією. Послѣ Аристотеля онъ первый старался соединить положительныя науки съ философією.

СКЕПТИЦИЗМЪ НОВОЙ АКАДЕМІИ.

§ 37. Въ то самое время, какъ философія Стоическая питала надежду утвердить на неизблемомъ основаніи зданіе, ею построенное, и обезопасить отъ нападена Эпикуреизма нравоученіе, возстала противъ нее новая Академія. Платонова школа не могла смотрѣть равнодушно на усилія Эпикуровой и Стоической школы. Для испроверженія той и другой она воспользовалась Сократовою провією и Платоновою діалектикою.

Скептицизмъ составляетъ отличительное свойство новой Академіи. Основатель ея имѣлъ цѣлію испровергнуть догматизмъ Зеновъ и Эпикуровъ; но какъ и самъ онъ основался на догматизмъ, то и остерегался совер-

шенцаго скептицизма, отъ котораго пало и ученіе Платоново.

Арцезилай, авторъ этой системы, сначала посѣщала Лицеи во время Теофраста и Полемона; вѣроятно, что онъ держался также и ученія Мегарянъ. Но Платоновы сочиненія плѣнили его; онъ былъ напѣтанъ чтеніемъ поэтовъ, особенно Гомера и Пиндара, и съ плѣнительнымъ краснорѣчіемъ соединялъ такую логику, что противники его принуждены были молчать. Его сограждане и современники, говоритъ Нуменій, не вѣрили тому, чего не утверждалъ Арцезилай. Будучи богатъ, щедръ, человѣколюбивъ, онъ былъ любимъ своими учениками столькоже, сколько плѣнялъ своихъ слушателей. Жизнь его была неукоризненна; она была образцомъ умѣренности и благоразумія.

Споръ его съ Стоической философіею весьма занимателенъ и поучителенъ въ философіи ума человѣческаго. Ни въ древности, ни въ новѣйшія времена, даже до Декарта и Лейбница, вопросъ о достовѣрности и дѣйствительности познаній человѣческихъ, не обращалъ подобнаго вниманія, и не былъ изслѣдуемъ съ подобнымъ тщаніемъ и глубокомысліемъ.

Сторонки учили, что образъ *фантазма*, рождающійся отъ чувствованія, сообразенъ съ своимъ предметомъ. Арцезилай возсталъ противъ сего ученія; и этотъ споръ возобновленъ послѣ, — сначала Карнеадомъ, который на немъ основалъ Академическій скептицизмъ; потомъ во

время схоластики Оккамомъ , далѣе, спустя уже долго, Арнольдомъ , наконецъ Беркелеемъ , Юмомъ и Шотландскою школою. У Секста можно видѣть сокращеніе Арцезилаева опроверженія Стоиковъ. Стоики, говоритъ онъ, раздѣляли между собою знаніе, мнѣніе и понятіе, *καταληψις*, занимающее средину между двумя первыми. Понятіе не можетъ занимать средину между познаніемъ и мнѣніемъ, и служить къ ихъ различію: ибо этимъ самымъ понятіемъ обладаетъ или мудрый или необразованный; если мудрый, то оно есть знаніе; а ежели необразованный, то оно не болѣе, какъ мнѣніе; слѣдовательно само по себѣ оно есть слово безъ значенія. Этого понятія, при посредствѣ котораго будтомы соглашаемся на вещь, представляющуюся нашему зрѣнію, нигдѣ не существуетъ. Мы вѣримъ не образамъ, а только разуму потому, что люди утверждаютъ предложенія только точныя; а изъ образовъ нѣтъ ни одного, который бы не могъ быть сложнымъ, и вмѣстѣ истиннымъ. Итакъ ежели мудрый соглашается на основаніи этого обманчиваго признака, поставленнаго Стоиками, то онъ владѣетъ въ самомъ дѣлѣ только простымъ мнѣніемъ. Арцезилай, по примѣру Сократа, считалъ сомнѣніе основаніемъ философіи.

Въ то самое время, какъ Хризиппъ ограждалъ ученіе Стоиковъ, опредѣляя участіе разума въ дѣйстви понятія, съ такою точностію, какой не видно въ его предшественникахъ, явился Карнеадъ, и опять возобновилъ споръ. Онъ пытался совершенно испровергнуть дѣло Хризиппа,

слѣдовалъ за нимъ во всѣхъ его умствованіяхъ, какъ тѣнь за тѣломъ, ежели можно такъ выразиться, и часто говаривалъ о себѣ самомъ, что безъ Хризиппа онъ не былъ бы таковымъ. Скептицизмъ его склонялся къ вѣроятности τὸ πιθανόν, т. е. походилъ на слабый догматизмъ. Онъ не отвергалъ ни истинъ подлежательныхъ, ни бытія существъ дѣйствительныхъ и внѣшнихъ; онъ только настаивалъ въ томъ, что по измѣненіямъ нашего существа не лзя судить о предметахъ. Ежели вѣрить Нумению; то этѣ заштія, въ которыхъ онъ попеременно то утверждалъ, то отвергалъ однѣ и тѣже мнѣнія, противопологалъ сужденія самимъ себѣ, и старался все запутать хитрыми доводами, составляли его внѣшнее ученіе; онъ его употреблялъ только для опроверженія Стоиковъ, а тайно училъ своихъ учениковъ положительнымъ наукамъ, и излагалъ ихъ съ такоюже истинною и достовѣрностію, какія видны въ прочихъ философахъ. Карнеада почитаютъ основателемъ третьей Академія. Ему наследовалъ Клитомахъ Кареягенскій, который занимался только объясненіемъ мнѣній своего учителя.

Хотя главную цѣль Академиковъ составляло опроверженіе догматическихъ положеній Стоическихъ философовъ; впрочемъ они должны были войти въ дальнѣйшія изслѣдованія, коихъ безъ сомнѣнія не предвидѣли, и, вопреки своимъ намѣреніямъ, усумишься въ дѣйствительности нашихъ познаній.

Академія, вступивъ въ соперничество съ Стоической

школою, не могла примѣтить, что противопологая своему противнику, одну философію отрицательную, она припуждала людей не уважать себя и не вѣрить себѣ. По этому, безъ сомнѣнія, случаю Филонъ и Антиохъ рѣшились постепенно вводить языкъ положительный, и примирить Стоиковъ съ Скептиками. По новому направленію, сообщенному ими сей школѣ, въкоторые историки ихъ школу почитаютъ четвертою и пятою Академіею, а этихъ двухъ философовъ основателями оныхъ. Но мгновенное согласіе двухъ враждебныхъ системъ, доказывавшее миролюбіе самыхъ сочинителей, не могло совершенно измѣнить главныхъ расположеній человѣческаго духа къ невѣрію и сомнѣнію. Философія идеалистическая не могла остаться на долгое время скептической; ея скептицизмъ обнаруживалъ догматическія покушенія, коихъ не льзя было скрыть.

СКЕПТИЦИЗМЪ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

§ 38. Эпезидемъ былъ современникъ Цицерону. Онъ родился въ Критѣ, жилъ и училъ въ Александріи. Уже философія Греческихъ школъ давно перенесена была на новую сцѣну, и быстро распространилась въ Александрію, Римъ и во всей Римской Имперіи. Тогда какъ прочіе философы, не примѣчая поводовъ ко враждѣ съ основателями Академіи, Лицея и Портика, всю славу свою поставляли въ изъясненіи ихъ, или въ соглашеніи ихъ умозрѣній, болѣе или менѣе удачною; Эпезидемъ, не удовлетворившись плодами этихъ первыхъ опытовъ Эк-

лектизма, по особенной привязанности къ идеямъ Гераклита, вознамѣрился снова раскрыть сомнѣнія Пиррона. Онъ упрекалъ скептическую философію Академиковъ въ недостатокъ всеобщности, а по этому въ противорѣчіи самой себѣ. Академики, говоритъ онъ, съ своимъ умомъ въ самой сущности суть истиинные догматики. Они и нѣкоторыя предложенія почитаютъ за несомнѣнныя, а другія за совершенно ложныя. Пирроники на противъ о всемъ вообще сомнѣваются; они не только не принимаютъ никакого догмата, но даже опасаются и утверждать оный, будутъ ли вещи вообще возможныя, или вообще непостижимыя. Они не согласны на принятіе вѣроятности или невѣроятности столько же, сколько на принятіе дѣйствительности или недѣйствительности; и не говорятъ рѣшительно даже и о своей нерѣшимости.

Удерживаться отъ рѣшительнаго сужденія, онъ повелѣваетъ на основаніи десяти причинъ, *δεκα τρολογενοχης*, изобрѣтеніе, которыхъ приписывается Пиррону, именно на основаніи: 1, различія животныхъ; 2, различія людей, какъ недѣлимыхъ; 3, физическаго устройства тѣла; 4, обстоятельство и измѣняемыхъ состояній предмета; 5, положенія, разстоянія и различныхъ мѣстныхъ условій; 6, на основаніи связи и запутанности, въ которыхъ намъ представляются вещи; 7, различныхъ измѣреній и различнаго образованія вещей; 8, взаимныхъ отношеній вещей; 9, на основаніи обыкновенности или необыкновенности чувствава-

ній; и 10, на основаніи вліянія воспитація, гражданскихъ и религіозныхъ постановленій.

Но особенно скептицизмъ Энезидема отличается паденіемъ на дѣйствительность понятія причины; онъ утверждалъ, что понятіе винословности есть пустое потому, что неизяснимо отношеніе между причиною и дѣйствіемъ. Причина производитъ дѣйствіе, но какъ она производитъ? Производитъ ли она одна по себѣ и единою силою? Тогда она производила бы только одно дѣйствіе, всегда совершенно одинаковое. Но если скажемъ мы, что она дѣйствуетъ многими соединенными силами, тогда всѣ этѣ силы должны вдругъ дѣйствовать на всѣ вещи, и производить то же дѣйствіе на каждую. Но такія послѣдствія опровергаются опытомъ. Отдѣлимъ ли причину отъ матеріи, на которую она дѣйствуетъ, она тогда не будетъ дѣйствовать, потому что не будетъ тогда условія дѣйствованія; соединимъ ли ее съ матерією, тогда и та и другая вдругъ будутъ дѣйствіемъ и причиною, тутъ будутъ вмѣстѣ дѣйствіе и воздѣйствіе. Прикосновеніе и пронизательность равно не могутъ изяснить подлиннаго дѣйствія. Ежели на какую нибудь вещь дѣйствуютъ; то это бываетъ или посредствомъ убавленія или прибавленія, или посредствомъ измѣненія; но этѣ три дѣйствія суть равно не возможны. Естественнымъ слѣдствіемъ этаго доказательства есть то, что мы не знаемъ отношенія дѣйствія къ причинѣ. Но Энезидемъ заключалъ, что между ними отношенія совсѣмъ нѣтъ. Здравой философіи не

слѣдовало бы выводить этаго заключенія, но мы дальѣ увидимъ, что это же заключеніе служило основаніемъ умозрѣнія славнаго въ XVIII столѣтіи своимъ скептицизмомъ, философа Англійскаго Юма.

Впрочемъ, если вѣрить Дежерандо, то скептицизмъ Энезидема былъ только средствомъ къ усиленію философіи Гераклита, къ которой онъ былъ приверженъ; главнымъ образомъ онъ старался доказать непостоянство вещей, которое служило основаніемъ системы Гераклита. Слѣдовательно Энезидемъ относительно философіи этаго Ефеслина здѣлалъ тоже, что Арцезилай и Карнеадъ здѣлали относительно философіи Платона. Аристоклесъ, философъ Перипатетическій, пытался опровергнуть Энезидема семью причинами, кои всѣ можно привести къ двумъ: 1, противорѣчіемъ, въ которое впадаетъ скептицизмъ и 2, пагубными послѣдствіями скептицизма для практики.

Между преемниками Энезидема упомянемъ о Агриппѣ, который вмѣсто десяти означенныхъ причинъ къ сомнѣнію привелъ пять, именно: 1, разногласіе мыслей; 2, необходимость въ томъ, чтобы всякое доказательство было доказываемо само собою; 3, относительное свойство всѣхъ нашихъ идей; 4, условное свойство всѣхъ системъ; 5, неизбѣжный въ доказательствѣ философскомъ кругъ. Фаворита Арлейскаго, этаго перваго философа между Галлами, нѣкоторые сочинители ставятъ въ числѣ Академиковъ; но, по свидѣтельству Галіена, его должно отнести къ числу Скептиковъ. Онъ раскрылъ

начала Энезидема, и почиталъ правдоподобнымъ только то, что ничего нельзя знать несомнѣнно.

Почти все эти философы, и многіе другіе имъ послѣдовавшіе, кои извѣстны намъ только по именамъ, были врачами, изъ школы Эпириковъ и Методистовъ. Вѣря одному наблюденію, они отвергали умозрѣніе, принуждавшее ихъ доходить до причинъ болѣзней. Извѣстѣе всехъ изъ нихъ Секстъ, прозванный Эпирикомъ по врачебной школѣ, къ которой онъ принадлежалъ. Онъ родился въ Метиленѣ въ концѣ втораго вѣка нашего лѣтосчисленія, и учился у Скептика Геродота Тарскаго.

Имя Секста Эпирика, по словамъ Боля, было въ школахъ почти неизвѣстно. Причины къ сомнѣнію, какія онъ выставлялъ, также мало были извѣстны, какъ и южная земля, когда Гассендій представилъ сокращеніе оныхъ. Нельзя не удивиться этому всеобщему и долговременному забвенію. Въ сочиненіяхъ Секста заключается не одно только полное описаніе Скептицизма; но онъ содержитъ еще многочисленныя, различныя и драгоцѣннѣйшіе документы всей древней философіи. Этотъ необыкновенный человекъ изучалъ все ученія, испытывалъ сближалъ, и сравнивалъ ихъ между собою; его точность ручается за достовѣрность его свидѣтельства; онъ смотритъ на существенныя пункты каждой системы съ прощительностію и прозорливостію.

Секстъ называлъ предположеніями Пирроновыми раз-

сужденіе, въ которомъ онъ Методически изложилъ всю свою систему. Онъ писалъ много разсужденій противъ учителей наукъ, противъ Геометровъ, Арифметиковъ, Астрологовъ, Логиковъ, Физиковъ, Моралистовъ, которыя называются общимъ именемъ *aduersus Mathematicos*, по той причинѣ, что первое разсужденіе дѣйстви-тельно писано противъ Математиковъ.

Три признака, говоритъ Секстъ, *criteria*, т. е. средства къ отличенію истины отъ лжи, принимаютъ; первый относится къ разсуждающему т. е. человѣку, второй къ средству, при пособіи коего онъ судитъ: т. е. чувствамъ и познавательной способности; третій ко впечатленію, произведенному предметами въ душѣ; такія средства извѣстны подъ именемъ *critierium a quo, per quod, secundum quod*. Споры философовъ объ этихъ средствахъ достаточно показываютъ, что совсѣмъ несуществуетъ такого средства: потому чтобы признать его таковымъ, нужно новое и высшее средство *critierium*. Секстъ одинаково судитъ какъ о правдоподобности Академиковъ, такъ и о достовѣрности Догматиковъ. Начало причинности онъ оспариваетъ доказательствами Эпезидемовыми. Въ пяти послѣднихъ книгахъ разсужденія *aduersus Mathematicos*, онъ разсматриваетъ вопросы болѣе важныя, и занимается объясненіемъ недостовѣрности и неосновательности ихъ началъ, и противорѣчій уместованій объ нихъ. Отрицая всякую непосредственную достовѣрность, и видя противорѣчія философовъ, онъ требуетъ доказательства для

всѣмъ истинны, и потому доказываетъ невозможность онаго, и ложность началъ, такъ называемыхъ не сомнѣнныхъ. Этими онъ низпровергаетъ всѣ ученые труды человеческого разума, не выключая даже самыхъ Математиковъ.

Секстъ, взаимно противопоставляя чувственыя идеи, и понятія разума, посредствомъ этаго противорѣчя, предостерегаетъ отъ рѣшительнаго сужденія. Это составляло теоретическую цѣль скептицизма, а практическую цѣлю его было безпристрастіе; по этому любимымъ правиломъ Секета было: *ουδεν μαλλον* т. е. никакую вещь не должно предпочитать другой.

Изъ этаго краткаго обзоренія Скептицизма школы Эмпирической видно, что онъ отличается отъ скептицизма Софистовъ и Пирронова только своею обширностію и систематическимъ порядкомъ. А методъ, цѣль и слѣдствія всѣхъ этихъ родовъ Скептицизма одинъ и тѣже: философія Скептическая, явившись въ слѣдствіе споровъ Идеализма и сенсуализма, возникла въ нихъ и съ пользою возставала на несообразности той и другой системы. Но, доказавъ ихъ ложность и преувеличенія, ей не должно было преступать справедливой критики, не надлежало подражать имъ, а тѣмъ болѣе превосходить ихъ своими требованіями и отрицать съ догматическою достовѣрностію истины, ими содержимыя. Всякая система имѣетъ сторону невѣрную и ложную, — вотъ обыкновенное заключеніе, котораго нельзя недопустить послѣ точнаго и основательнаго разбора системъ; но скептики почли всѣ

системы ложными, не нашли въ нихъ ничего истиннаго и вѣрнаго. Мудрость внушала, послѣ множества системъ и дерзновенныхъ попытокъ рѣшить важнѣйшіе и трудные вопросы, благоразуміе въ выборѣ ихъ и недовѣріе къ нимъ; но ложная мудрость внушала совершенное невниманіе къ нимъ, и осудила умъ человѣческой на совершенную недѣятельность и пагубную холодность, которая подавляетъ всякую попытку, и дальнѣйшіе успѣхи дѣлаетъ невозможности. Но не легко обуздать разумъ человѣческой и сократить его полетъ. Его дѣятельность усиливается въ слѣдствіе препятствій, противопологаемыхъ ему. Послѣ Софистовъ явился Сократъ; послѣдователи Пирроновы не удержали полета, сообщеннаго умамъ философами Академіи, Портика и Лицея. Точно также философія не падаетъ отъ усилій Секста и Энесидема.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Къ сей части для объясненія Исторіи Философіи прилагается сводная таблица главныхъ системъ философскихъ.

<p>ЖЕПТИЦИЗМЪ.</p>	<p>МИСТИЦИЗМЪ ФИЛОСОФСКИЙ.</p>
<p>ОФИСТЫ. НЕЗИДЕМЪ. ЕКСЪ ЭМПИРИКЪ.</p>	<p>ПЛОТИНЪ. ГУГО ДЕ СЕНЪ ВИКТОРЪ.</p>
<p>Остроумная критика робостей; но колебания и нерѣшительность въ вѣрахъ.</p>	<p>Обоготворлетъ цѣлую природу въ разнообразныхъ явленіяхъ, по видимому, символически представляющую Божественное, къ которому душа съ любовью стремится.</p>
<p>Съскрываетъ со тщаніемъ обычные повѣрья, необычные факты; объясняетъ важнѣйшія событія материальными причинами. Сатаническое описаніе нравовъ; увеличенная картина дѣяльностей и слабостиума человѣческаго.</p>	<p>Первоначально поддѣлывается подъ факты, которые могутъ представить нѣкоторую чудесную видимость, утверждающую въ той мысли, что человекъ можетъ въ восторгѣ наслаждаться зрѣніемъ Божества.</p>